АРХИВ "ЧАСОВОГО"
В.В.ОРЕХОВА
БЕЛЬГИЯ

ВЗЛЁТЫ

"La Sentinelle"
Boîte Postale N° 21

ВЗЛЕТЫ

Журналъ Русскаго Ліонскаго Литературнаго Кружка

№ 2
Іюль 1933 г.

Редакція: 4, rue Julien, LYON
Melle M. Erdély

Цѣна номера
во Франціи - 3 фр.

ГЛАЗА

Этюдъ.

Мнѣ сегодня грустно; грустно оттого, что этой ночью мнѣ приснились темно-синіе, почти-что фіолетовые глаза...

Это было много, много лѣтъ тому назадъ. Я покидалъ знакомый, ставшій мнѣ роднымъ, городъ, въ поискахъ счастья, приключеній, любви. Въ немъ оставалась моя семья, близкіе, знакомые. Уютъ, спокойствіе, жизнь, текущую зеркальной, широкой рѣкой, я рѣшилъ промѣнять на заманчивую неизвѣстность. На трудъ непривычный, на бурю, на яркую, полную лишеній и тревоги жизнь.

Въ моихъ жилахъ расплавленнымъ потокомъ потекла кровь моихъ предковъ. Мнѣ захотѣлось увидѣть новыя страны, пережить новыя ощущенія, вышить однообразную жизненную ткань яркимъ, вычурнымъ узоромъ...

Меня провожала большая группа родственниковъ и знакомыхъ. Мы стояли передъ тѣмъ вагономъ, который долженъ былъ увезти меня навстрѣчу судьбѣ.

Свистки паровозовъ, выкрики продавцовъ и носильщиковъ... Шумъ снующей, дѣловитой толпы. Заплаканныя провожающія, счастливыя встрѣчающія — молодыя и старыя лица...

Мнѣ было весело-глупо.

Рядомъ со мной стояла она...
Она пришла меня тоже проводить, она такъ мнѣ вѣрила, такъ страдала...

Но я, я ее уже не любилъ... Я оставлялъ ее одну, въ большомъ городѣ, среди чужихъ... Я говорилъ лживыя, ненужныя слова...

Ея заплаканные глаза смотрѣли грустно... „Мы увидимся", повторялъ я ей, „скоро, очень скоро. Не печалься, пиши мнѣ и твердо вѣрь въ нашу близкую встрѣчу".

Но я самъ не вѣрилъ тому, что говорилъ, не хотѣлъ этого.

Минуты текли. Болтали о чемъ-то постороннемъ, ненужномъ. Хотѣли шутками и остротами разсѣять тоскливыя, прощальныя мгновенія.

Разрѣзая густыя, весеннія сумерки одновременно зажглись электрическіе фонари. Прицѣпили локомотивъ. Мѣсто мною было занято, вещи положены. Начиналась новая для меня жизнь...

Какимъ бы не было красивымъ и хорошимъ прошлое — оно все-таки прошлое. О немъ можно вспоминать съ нѣжностью, болью; но имъ нельзя жить. Человѣкъ, живущій прошлымъ — самъ прошлое, — мертвый человѣкъ!

Въ эти прощальныя минуты я жилъ своимъ будущимъ. Эгоистично, до самозабвенья. Оно манило меня новыми красками, новыми незнакомыми формами.

Но новое начиналось и для нея. Какое? Ни я, ни она, мы еще не знали.

Но въ то время, когда я шелъ къ этому новому съ радостной и беззаботной улыбкой, — она шла робкими шагами, ища опору, потерявъ ее въ прошломъ.

Но вотъ раздался свистокъ. Кондукторъ шелъ, захлопывая дверцы вагоновъ. Я быстро расцѣловался со всѣми. Послѣдняя — была она.

Я посмотрѣлъ въ ея глаза честно, открыто. Я лгать и притворяться больше не могъ. Мы обнялись молча, какъ братъ и сестра...

Я вскочилъ на подножку медленно отходящаго поѣзда. Она шла рядомъ...

И быстрымъ, непроизвольнымъ движеніемъ я снялъ золотое, уже ненужное кольцо.

— „Слушай, — сказалъ я, — такъ будетъ лучше. Возьми его, спрячь. Если когда-нибудь я припаду къ тебѣ, милая, съ взлелѣяннымъ на чужбинѣ поцѣлуемъ, то ты, ты сама мнѣ его наденешь опять на палецъ".

Она почти что бѣжала за поѣздомъ. Ея взглядъ выражалъ ужасъ. Она взяла кольцо, она поняла...

Она не плакала. Она стойко перенесла это новое и жестокое горе, такъ сразу исковерковшее ея молодую жизнь.

Она остановилась и быстро, быстро стала уменьшаться.

Я смотрѣлъ въ ея сторону, чувствуя облегченіе, смѣшанное съ рѣжущей болью.

И долго оставаясь на площадкѣ вагона, я пересиливалъ чувство грядущаго одиночества и видѣлъ, какъ въ туманѣ, знакомый, знакомый образъ...

Мелькали фонари, телеграфные столбы, постройки. На широкой, черной рѣкѣ поѣздъ замедлилъ ходъ.

Огни пароходовъ и пристаней казались такими близкими. Громадные пролеты моста, какъ черныя крылья сказочной птицы, уносили меня далеко. Глухо стучали колеса...

И вдругъ по стеклу окна крупными каплями жемчуга забарабанилъ весенній дождь. Теплый, весенній дождь съ вспыхивающими на небѣ зарницами.

Это падали слезы изъ ея темно-синихъ глазъ...

О. Шведовъ.

———⊙———

ТОСКА.

Какъ тяжело брести въ жизни измученной,
Чуждой и странной, совсѣмъ одинокой!
День каждый смотритъ урокомъ заученнымъ,
Путь впереди неизвѣстно-далекій.

Какъ тяжело имѣть многое множество
Разныхъ друзей и родныхъ, и знакомыхъ,
И сознавать все гнилое ничтожество
Связей условныхъ, приличьемъ влекомыхъ!

Можно снести было-бъ много лишеній,
Много нужды, недовольства, несчастья: —
Если-бъ найти въ нужный мигъ утѣшенье,
Ласку родного до боли участья.

Жизнь, — словно исчерна-бѣлыя полосы!
Міръ, — словно душная, тѣсная клѣтка!
...Ахъ! если-бъ кто-нибудь тронулъ мнѣ волосы
Ласково, нѣжно... и молвилъ мнѣ: «дѣтка»!

Тамара Величковская.

***

Море плещетъ. Солнце у заката.
Тихо голову на грудь склонивъ,
Весь въ мечтахъ ушедшихъ безъ возврата,
Ты сидишь — голубоглазый миѳъ.

Ты страдаешь. Море потемнѣло,
Солнце скрылось, вѣтерокъ подулъ,
Все что долго на душѣ кипѣло
Ты съ восторгомъ въ море окунулъ.

Ночь. Лишь звѣзды кротко блещутъ.
Камень пустъ, гдѣ плача ты сидѣлъ,
Волны шепчутся, и стонутъ и трепещутъ,
Берегъ моря словно омертвѣлъ.

Алексъ.

———⊙———

ПРОСТИ.

Бываютъ въ жизни встрѣчи роковыя,
Ихъ не понять, ихъ не забыть вовѣкъ.
Потомъ въ минуты грустныя, нѣмыя
Ихъ вспоминаетъ каждый человѣкъ.

Внезапно встрѣтились средь жизненнаго моря,
И взгляды ихъ скрестились невзначай,
И каждый прочиталъ въ томъ мимолетномъ взорѣ
Призывъ нѣмой и нѣжное прощай,

Они разстались, ихъ пути различны,
И больше имъ встрѣчаться не дано;
Они разстались сухи, безразличны.
Забыто все — вѣдь было такъ давно.

Но нити тайныя незримо промелькнули,
Ихъ сблизили, связали навсегда,
Потомъ не разъ душѣ больной шепнули —
Зачѣмъ, зачѣмъ вы разошлись тогда?

Быть можетъ, все потомъ было ошибкой,
Быть можетъ, ты пошелъ не по тому пути...
Ты утѣшалъ себя надеждой зыбкой,
Что ты идешь, чтобъ счастіе найти.

А счастье было, можетъ быть, такъ близко,
Но ты прошелъ, не глядя на него.
Ты слишкомъ гордъ былъ, нагибаться низко
Ты не хотѣлъ — не стоило того...

Вы, нити, что тогда незримо промелькнули,
Что насъ связали, словно невзначай,
Хочу, чтобъ вы былую связь вернули
И передали ей послѣднее прощай.

С. Б.

Смерть матери

(Отрывокъ изъ романа)

Въ то утро я не рѣшилась выйти изъ дома.

Сквозь разрисованное морозомъ окно свѣтъ слабо проникалъ въ комнату, создавая впечатлѣніе сумерокъ. Вся, давно знакомая, обстановка пріобрѣтала новый, мрачный оттѣнокъ. Казалось, каждый предметъ говорилъ: „Смерть идетъ, готовься къ встрѣчѣ". И я готовилась. Я видѣла и понимала, что мама доживаетъ послѣдніе дни, можетъ быть часы.

Я сидѣла на своемъ дѣтскомъ соломенномъ диванчикѣ и смотрѣла на ея измѣнившееся лицо. Какъ она постарѣла за эти мѣсяцы. Ничего, ничего прежняго не осталось въ ней. Передо мной лежала жалкая, уродливая старуха, даже отдаленно не напоминавшая маму былыхъ дней. Рѣдкія пряди ея посѣдѣвшихъ волосъ были неряшливо разбросаны по подушкѣ. Я уже второй день не расчесывала ихъ, боясь ее потревожить. А она все спала, лишь изрѣдка просыпаясь, съ тѣмъ, чтобы черезъ мгновеніе снова уснуть. Пробужденія ея становились все рѣже и короче и я боялась отойти, чтобы не пропустить этихъ минутъ сознанія.

Только теперь поняла я, насколько за послѣднее время измѣнилось мое отношеніе къ ней.

Теперь я любила ее какъ сильный слабаго, какъ старшій младшаго. Я жалѣла ее, какъ говорятъ въ народѣ. Но уже не было во мнѣ прежняго преклоненія передъ ней, передъ ея здравымъ взглядомъ на вещи. Ея рѣшенія, ея мысли перестали быть для меня закономъ. Я позволяла себѣ судить ихъ и руководствоваться своими доводами, чувствуя, что, несмотря на молодость, я яснѣе ея вижу, какъ надо поступать. Теперь уже не она меня оберегала, но я была ей поддержка и защита.

И отъ этого сознанія мнѣ было и тяжело и грустно.

Особенно было горько то, что не физическая безпомощность мамы заставила насъ помѣняться ролями. Съ этимъ легче было бы примириться. Но сейчасъ, сидя у ея постели, я отдавала себѣ отчетъ въ томъ, что мама и морально стала ребенкомъ. Событія такъ быстро набѣжали, что я не успѣла замѣтить, какъ и когда это случилось. Я впервые сознательно обратила на это вниманіе сегодня, когда почувствовала, что мама умираетъ.

Что конецъ дѣйствительно приближается, я видѣла ясно и не хотѣла себя обманывать. Къ чему, разъ это неизбѣжно?

Я стала думать о будущемъ. Представила себѣ смерть мамы, ея похороны, и воображеніе мое такъ увлеклось подробностями, что я могла думать объ этомъ спокойно, какъ о чемъ-то отвлеченномъ.

Гробъ закажу у Ивана-столяра, разсуждала я. Онъ съ меня дорого не возьметъ; заплачу какой-нибудь мебелью; можно будетъ отдать шкафъ или Колинъ письменный столъ. Одѣну маму въ ея сѣрое шелковое платье. Оно еще совсѣмъ почти цѣлое.

Священника позову... Тутъ я призадумалась — вопросъ былъ сложный. Приходскаго нельзя: онъ недавно перешелъ въ живую церковь. Соборнаго отца Алексѣя не хотѣлось, мама его всегда недолюбливала. Какъ жаль, что гимназическій отецъ Лука сосланъ, къ нему бы я обратилась, какъ къ родному. Придется пригласить старичка изъ Успенской церкви, тотъ ужъ навѣрно не „живой".

Мѣсто на кладбищѣ даютъ даромъ. Хорошо бы получить разрѣшеніе похоронить въ нашемъ склепѣ, да врядъ ли удастся. Въ общемъ все равно.

Мебель продамъ Розѣ. Она же возьметъ книги и картины.

А потомъ? Потомъ я останусь одна не только въ нашемъ городѣ, но и на всемъ свѣтѣ. Что я буду дѣлать? Куда дѣнусь?

Служить? Но для этого нужно имѣть протекцію или быть въ партіи!

И будущее, о которомъ я до сихъ поръ не задумывалась, встало передо мной въ самомъ мрачномъ видѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не смѣла желать маминаго выздоровленія. Такъ лучше для нея, думала я, ужъ слишкомъ много она выстрадала за эти годы. Въ памяти прошли всѣ этапы послѣднихъ лѣтъ ея тяжелой жизни: отъѣздъ и смерть брата... бѣженство... нищета... голодъ... разстрѣлъ отца...

Я не рѣшалась двинуться, чтобы ее не разбудить и невольно опять начинала думать о своей судьбѣ. Я казалась себѣ такой жалкой, слабенькой. Для чего жить? — спрашивала я себя. Одинокая, никому не нужная дѣвушка, зачѣмъ

я буду бороться, терпѣть горе, нужду? Не лучше ли сразу все кончить и послѣдовать за мамой? И, точно обрадовавшись темѣ, моя мысль сразу занялась деталями предполагаемаго самоубійства. Повѣситься или утопиться — что лучше? Если топиться, могу еще выплыть. Пожалуй повѣситься вѣрнѣе. Веревку сниму съ корзины. Говорятъ, надо намылить...

Я такъ задумалась, что забыла на минуту о мамѣ и вздрогнула, когда ея голосъ позвалъ меня.

— Что мамочка, сказала я, подходя и наклоняясь къ ней.

— Наташа, дѣвочка моя, какъ мнѣ жаль тебя, — прошептала мама и добавила, заглядывая мнѣ въ глаза, — но ты не будешь унывать, ты всегда останешься сильной, правда? Я вѣрю, что ты все стойко перенесешь?

Отъ маминыхъ словъ лицо мое покраснѣло. Неужели она прочитала мои мысли? И мнѣ до слезъ стало стыдно своей минутной слабости. Нѣтъ, пусть мама будетъ спокойна за меня; что бы ни случилось, я не сдамся, не ослабѣю. Я успокаивала ее и сама искренно вѣрила своимъ словамъ.

Мама опять заснула, а я вернулась на свой диванчикъ у печки.

Куда же я дѣнусь? Надо рѣшить. Но мысли не слушались и бѣжали своей дорогой, отвлекаясь пустяками.

Время шло, а я все не двигалась съ мѣста.

Уже я ни о чемъ не думала, а только смотрѣла на маму и въ душѣ прощалась съ ней. Глаза мои старались запомнить каждую черту дорогого мнѣ лица. Но хотѣлось запечатлѣть его такимъ, какимъ оно было до болѣзни, и не удавалось.

И сидя прижавшись къ теплой печкѣ, я, незамѣтно для себя, заснула.

Проснулась я отъ чувства страшной тишины, которая царила въ комнатѣ. Я вскочила, но затекшія ноги заставили меня упасть обратно на диванъ. Видимо, я спала долго, такъ какъ уже наступилъ вечеръ. Лампадка мигала и едва свѣтила. Съ трудомъ найдя керосиновую лампу и установивъ ее на столѣ, я подошла къ мамѣ.

Она не перемѣнила позы съ утра, даже выраженіе лица ея не измѣнилось, но по чему-то неуловимому, я сразу поняла, что все кончено. Я еще старалась обмануть себя, прислушивалась — не дышитъ ли она, брала ее за руку, но дѣлала все это лишь машинально, безъ всякой надежды.

И хотя я была уже подготовлена и весь день ждала конца, я вдругъ мгновенно физически ослабѣла, словно камень навалился мнѣ на сердце. И ставъ передъ ея тѣломъ на колѣни, я горько, горько зарыдала, оплакивая въ ней не только горячо любимую мать, но и все свое дѣтство, свою беззаботную прошлую жизнь...

М. Медеръ.

СОНЕТЪ.

Я желала-бъ вѣнки вамъ сплетать изъ стиховъ,
Звонкихъ рифмъ, вся дыша вдохновеньемъ,
Но найти я не въ силахъ достаточно словъ —
Нѣтъ мотива моимъ пѣснопѣньямъ.

Я желала-бъ любить васъ любовью боговъ,
Всей душой, всѣмъ моимъ помышленьемъ,
Но на мнѣ слишкомъ много тяжелыхъ оковъ —
Сердце сковано вѣчнымъ томленьемъ.

Я желала-бъ молиться за васъ безъ конца,
Но въ слезахъ не поднять мнѣ лица...
Нѣту силъ, нѣтъ надежды и нѣтъ больше грезъ,

Лишь въ душѣ много слезъ, горькихъ слезъ...
Не забыть никогда, никогда, рокъ мнѣ злой,
Сѣрой жизни убогой, земной.

Алексъ.

* * *

Сгустился вечеръ. Въ саду туманно...
Романсъ душистый поютъ цвѣты.
Надъ свѣтлымъ прудомъ, склонясь жеманно
Каймою черной стоятъ кусты.

Ночные звуки и ароматы
Плывутъ качаясь, плывутъ къ пруду...
Цвѣты ночные поютъ кантаты,
Поютъ сонаты въ глухомъ саду.

Въ густыхъ аллеяхъ вездѣ туманно,
Въ душѣ туманно, но не темно...
Мнѣ что-то ново, мнѣ что-то странно,
Полупечально, полусмѣшно...

Пьянящимъ звукомъ поютъ дурманны,
Поютъ левкои и резеда...
Другому сердцу скажу-ль туманно
Скажу ли нѣтъ? Скажу ли да?

Людмила Галичъ.

Отрывки изъ доклада „О дѣтяхъ"

Будьте какъ дѣти!

Короткая, ясная мысль — какъ коротко и ясно все поистинѣ великое — какъ коротко и ясно все ученіе Христа...

Но кто изъ насъ можетъ похвастаться знаніемъ дѣтей, знаніемъ ихъ души, ихъ психологіи, ихъ сущности — того, что отличаетъ дѣтей отъ взрослыхъ — всего того, что позволило всему ученію Христа вылиться въ этихъ словахъ.

Люди написали безконечное количество томовъ, трактующихъ о психологіи и переживаніяхъ ихъ самихъ — большихъ и испорченныхъ. — Въ поискахъ пути обращались они за примѣромъ къ философамъ и завоевателямъ — къ людямъ науки и къ людямъ искусства, — но рѣдко вспоминали они великія слова, напоминающія имъ, что примѣръ для нихъ „малые міра сего", что все это — простота и ясность, что надо стараться быть какъ дѣти...

О дѣтяхъ стали писать недавно. И это огромная заслуга нашего времени. И поэтому, когда называютъ нашъ вѣкъ — вѣкомъ нравственнаго упадка мы можемъ отвѣтить — нѣтъ, неправда, потому что только теперь обратили вниманіе на „малыхъ сихъ", только теперь стали приглядываться къ ребенку, только теперь стали интересоваться ребенкомъ какъ таковымъ. Еще не такъ давно ребенокъ существовалъ лишь постольку, поскольку — заботились', какъ умѣли о его воспитаніи, ставя выше всего его будущее взрослаго человѣка, но считаться съ его мыслями и чувствами, интересоваться его „Я" казалось чѣмъ-то дикимъ, несообразнымъ, нелѣпымъ.

До середины XIX вѣка литература, въ массѣ своей, игнорируетъ ребенка, игнорируетъ дѣтство, игнорируетъ дѣтскій элементъ. Характерно, что даже юморъ обходитъ такой выигрышный сюжетъ. — Во Франціи Мольеръ, въ Россіи Гоголь не посвящаютъ дѣтямъ ни одного произведенія, не выводятъ ни одного не взрослаго героя.

Трудно сказать, что является причиной и что слѣдствіемъ. — Литература ли выражаетъ созрѣвшіе въ массѣ взгляды или эти взгляды рождаются въ результатѣ идей, выраженныхъ крупными мыслителями. — Несомнѣнно только то, что рѣзкій переломъ во взглядѣ на ребенка происходитъ въ серединѣ XIX вѣка. Я повторяю: воспитаніемъ и образованіемъ ребенка занимались всегда, но переживанія его, его нравственныя понятія, его мысли и чувства просто не вызывали ни въ комъ интереса.

И этотъ интересъ пробудился. — Заграницей толчокъ даетъ Диккенсъ, у насъ — Толстой — „David Copperfield" и „Дѣтство, Отрочество и Юность". — Двѣ автобіографіи, при всей своей различности, сходны въ томъ серьезномъ, продуманномъ подходѣ къ личности ребенка, который отличаетъ ихъ отъ всего написаннаго ранѣе на эту же тему. И Толстой, и Диккенсъ дали не внѣшнее, а внутреннее освѣщеніе психологіи ребенка, дали намъ его логику, его правду, его жизнь...

Интересъ къ дѣтямъ пробудился и многіе авторы вводятъ въ свои произведенія описаніе дѣтства героя — описанія, носящія часто автобіографическій оттѣнокъ. Послѣ Толстого Льва — Толстой Алексѣй, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Аксаковъ и много, много другихъ освѣщаютъ, каждый по своему, дѣтскій міръ, міръ ребенка.

Всѣ эти Николеньки, Ильюши и всевозможные „я" автобіографій — безконечно разны и все-таки у всѣхъ у нихъ одно лицо — одна сущность; на всѣхъ на нихъ лежитъ одна печать — это печать мира душевнаго — они не вкусили отъ древа познанія добра и зла...

И вотъ, читая и перечитывая всѣ эти произведенія, приходитъ въ голову мысль, — быть можетъ дѣтская, — какъ жаль, что дѣтство не вѣчно, что послѣ „Дѣтства" есть „Отрочество" и „Юность"...

Иногда маленькій штрихъ заставляетъ больше задумываться, чѣмъ тщательная и продуманная разработка вопроса. Въ этомъ отношеніи литература о дѣтяхъ особенно характерна и замѣчательна:

Николенька спрашиваетъ у отца, бываютъ ли синіе зайцы. — „Бываютъ, Николенька, бываютъ" — и Николенька рисуетъ синяго зайца съ чувствомъ исполненнаго долга, онъ теперь уже не сомнѣвается въ существованіи синяго зайца. Такого рода легковѣрность не есть признакъ неразвитія — повѣрить въ синяго зайца гораздо легче, чѣмъ во вращеніе земли — а сколько вещей, еще болѣе странныхъ и непо-

нятныхъ мы принимаемъ на вѣру. Дѣти вѣрятъ, потому что они чисты, потому что они сами не лгутъ. На 10 разъ 5 они говорятъ неправду, но только потому, что еще не научились различать игру и жизнь, сказку и дѣйствительность. Вѣдь и „правда“ взрослыхъ — это тоже условность. Но дѣти не лгутъ, пока ихъ лгать не научили и вотъ почему они такъ легко вѣрятъ всему невѣроятному — и синему зайцу и круглой землѣ.

Достоевскій — „рыцарь печальнаго образа“, рыцарь униженныхъ и оскорбленныхъ — далъ два яркихъ образа дѣтскаго надрыва — „Неточку“ и Ильюшу изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“.

Дѣти переживаютъ и ощущаютъ обиды своихъ отцовъ острѣе и глубже ихъ самихъ. Тотъ же Ильюша простилъ бы или даже забылъ бы вдесятеро большую обиду, нанесенную ему, но обиду отца онъ простить не можетъ...

Тщетно пытались философы дать логическое обоснованіе понятіямъ морали, долга, добра, и не могли. И это потому, что мораль не придумана человѣкомъ, а родилась вмѣстѣ съ нимъ. Иногда говорятъ, что дѣтей надо учить быть добрыми, надо развивать въ нихъ жалость. — Это такъ же не нужно, какъ учить рыбу плавать. Взрослый, учащій ребенка понятію добра, это глухой учитель музыки.

Маленькой дѣвочкѣ мать показываетъ картинку — дикіе звѣри, пожирающіе мучениковъ христіянъ. Дѣвочка внимательно слушаетъ объясненіе, внимательно разглядываетъ картинку, и говоритъ: „Мама, посмотри — бѣдный левъ — ему ни одного мученика не досталось“.

Это анекдотъ, но онъ характеренъ и правдивъ. Дѣтская мораль настолько близка къ совершенству, что мы перестаемъ ее понимать и цѣнить. Для насъ дико испытывать жалость къ тому, что не вызываетъ нашу симпатію — а вѣдь намъ заповѣдано любить нашихъ враговъ...

XIX вѣкъ ввелъ ребенка въ литературу, XX закрѣпилъ за нимъ это мѣсто: Гаршинъ, Чеховъ, Короленко, Андреевъ, Бунинъ, Купринъ и много, много другихъ славныхъ именъ. Всѣ они дали свой вкладъ въ литературу о дѣтяхъ, всѣ они отдали должное маленькому народу, который многому можетъ насъ научить.

Хочется остановиться на самомъ крупномъ имени русскаго юмора — Аркадіи Аверченко.

Въ своемъ великолѣпномъ предисловіи къ неменѣе великолѣпному сборнику: „Дѣти“ Аверченко говоритъ, что онъ пишетъ о дѣтяхъ лишь потому, что самъ онъ былъ ребенкомъ. Подъ этой шуткой — глубокая истина. Аверченко дѣйствительно былъ ребенкомъ, потому что онъ помнитъ именно себя ребенкомъ, а не ребенка, котораго звали его именемъ. Дѣти Аверченко живутъ подъ его перомъ и это жизнь частичка его самого, его собственной души — той, которая была ребенкомъ.

Въ годы революцій и войнъ, — въ годы ненависти, страха и подлости, — Аверченко нашелъ безъ труда на чемъ дать отдохнуть утомленному безграничной злобой взору человѣческому. — Одного за другимъ показываетъ онъ своихъ любимыхъ маленькихъ героевъ, переживающихъ и понимающихъ революцію, войну и лишенія по своему, по дѣтски.

Въ наше время переоцѣнки цѣнностей они, своей дѣтской, неиспорченной душой правильнѣе и легче находятъ истину — ту „правду-истину“, изъ-за которой бьются до смерти семеро братьевъ.

Все сильное, очищающее вліяніе дѣтскаго прикосновенія было всегда одной изъ любимыхъ темъ Аверченко — и Саша — хитрый „спекулянтъ“ заставляетъ насъ улыбнуться вспоминая черное время Севастополя 20-го года. Маленькая дѣвочка изъ „Двѣнадцати ножей въ спину революціи“ — свободно различаетъ взрывъ гранаты отъ взрыва шрапнели, но это не мѣшаетъ ей интересоваться своими игрушками — своей жизнью.

Маленькіе герои Аверченко, революціоннаго времени, — это „травка, примятая краснoармейскимъ сапогомъ“, но все же живущая, жизнеспособная и жизнерадостная.

„... И шелеститъ она о своемъ — о дѣтскомъ, о вѣчномъ...“

Вл. Гюльцгофъ.

ОСЕНЬ.

Наступила золотая осень —
Небо въ выси точно онѣмѣло,
Паркъ старинный дремлетъ безголосенъ,
Въ пышныхъ сводахъ жутко порѣдѣло.

На глухую, дикую тропинку
Листья сыплются дождемъ червоннымъ
И надъ озеромъ летя бездоннымъ
Вѣтерокъ вздыхаетъ подъ сурдинку.

Окруживъ зеленую поляну,
Кудри парка ярко порыжѣли.
Сяду здѣсь и съ тихой грустью гляну,
Какъ качаетъ вѣтеръ иммортели.

Дремлетъ дремой озеро зеркальной,
Цѣпенѣетъ, холодѣетъ тина —
Паркъ старинный, осенью печальной
Грубъ, какъ декадентская картина.

Тамъ, вдали, въ оттѣнкѣ заржавѣломъ
Желтой шапки пышнаго каштана,
Вижу — дѣвушка сидитъ вся въ бѣломъ
На краю заросшаго фонтана.

Взоръ горитъ безмолвною тоскою —
Ни кровинки нѣтъ въ лицѣ прозрачномъ
Мѣдно-рыжеватою волною
Кудри пали покрываломъ мрачнымъ,

Пальцы длинные бѣлѣе лилій
Бродятъ по струнамъ пѣвучей лиры,
Но не пѣть ей синіе сапфиры
Или свѣжесть солнечныхъ идилій.

Ей лишь пѣть о пѣснѣ лебединой,
Что запѣлъ онъ передъ смертью близкой
И упалъ среди осоки низкой
У родимыхъ водъ, никѣмъ не зримый...

Онъ упалъ безжизненъ, безголосенъ
Все изливъ въ своей прощальной одѣ —
Такъ поетъ прощальный гимнъ природѣ
Передъ смертью, золотая осень.

Людмила Галичъ.

ЕСЛИ-БЪ МОГЪ Я ЗАБЫТЬ.

Если-бъ могъ я забыть эти встрѣчи,
Этотъ сладкій, чарующій сонъ,
Переливы любимой, ласкающей рѣчи
И надежды минувшихъ временъ!

Злой судьбою разрушено счастье,
Радость жизни навѣки ушла
И какъ осенью въ пору ненастья
Въ мою душу тоска заползла.

Не забыть никогда мнѣ любимой,
Такой близкой, родной, дорогой,
И попрежнему образъ незримый
Тѣнью слѣдуетъ всюду за мной.

Не могу, не хочу, не желаю
Погасить свѣтъ любви навсегда
И о счастьи до боли мечтаю,
Чтобы сбылось завѣтное «да».

Б. П.

РОДСТВЕННАЯ ДУША.

Гдѣ-то въ неизвѣстномъ и суровомъ краѣ,
Въ ласково-прекрасной можетъ быть странѣ,
Въ солнечной Испаніи, или же въ Китаѣ, —
Женская душа есть родственная мнѣ.

Въ маленькой Австраліи, можетъ быть
въ Гренландіи —
Тамъ гдѣ льды полярные хрусталемъ легли,
Въ Новой Каледоніи, Островахъ Зеландіи,
На отвѣсныхъ скалахъ Огненной земли;

Въ безконечно-синей и надзвѣздной сферѣ,
Гдѣ-то на далекой, пламенной звѣздѣ,
На кровавомъ Марсѣ, голубой Венерѣ,
Можетъ быть здѣсь рядомъ... Я не знаю гдѣ!..

Но я твердо вѣрю, что сквозь сѣть различій
И преградъ высокихъ на моемъ пути: —
Умудренный Данте встрѣтитъ Беатриче
И конечно счастье сможетъ обрѣсти.

Но что только случай, невозможный случай,
Сказочную свяжетъ между нами нить, —
Чтобъ была гармонія нѣжною, пѣвучей,
Чтобъ сердца могли бы истинно любить...

Такъ въ странѣ далекой, у границъ Китая,
Въ солнечной Испаніи, или на звѣздѣ,
Ждетъ моя невѣста трепетно мечтая,
Можетъ быть здѣсь рядомъ... Я не знаю гдѣ!..

Владиміръ Ольденборгеръ.

МОЕЙ КОРОЛЕВѢ.

Я люблю старину, ритуалъ королевскихъ дворцовъ,
Церемоніи, рыцарей честныхъ, отважныхъ,
Во дворцѣ — кавалеровъ, въ сраженьи — бойцовъ,
Дамъ придворныхъ, блестящихъ, и важныхъ.

Я люблю королевъ въ пышно-строгихъ нарядахъ,
Чья душа такъ чиста и полна простоты;
Я мечтаю о тѣхъ стародавнихъ обрядахъ,
Гдѣ царилъ этикетъ, культъ любви, красоты.

Романтизмъ этихъ дней такой чистый, глубокій
Такъ не вяжется съ нынышней жизнью людей,
Словно сказка о спящей царевнѣ въ далекой,
Неизвѣстной странѣ, за пространствомъ морей.

Почему это прошлое — сказка, преданье,
Почему въ жизни жертвенныхъ подвиговъ нѣтъ,
Почему нѣтъ любви, нѣтъ надеждъ, упованья?
Жизнь — пустая мазня, жизнь — одинъ трафаретъ.

Я люблю иногда предаваться мечтаньямъ,
И въ мечтахъ я бываю, какъ въ дѣтствѣ, счастливъ, —
Нѣтъ ужъ мѣста былымъ, пережитымъ страданьямъ,
Ощущается силъ безконечный приливъ.

Я хотѣлъ бы имѣть королеву такую,
Пажемъ вѣрнымъ до гроба ей быть —
Вотъ о чемъ я всегда неизмѣнно тоскую,
Королевъ прежнихъ дней не могу я забыть.

Королева идетъ... Красота, благородство,
Лучезарныхъ очей чистота, глубина,
Голосъ нѣжный, пѣвучій, въ которомъ господство,
Всемогущество, сила и гордость слышна...

Королева идетъ... Я за ней, въ отдаленьи,
Я — пажъ вѣрный до гроба, служитель, солдатъ.
И ликуетъ душа — въ ней одно лишь горѣнье,
За нее пострадать, для нея жизнь отдать.

С. Б.

ЛЮБИТЬ.

Любить... Развѣ можно любить въ настоящемъ,
Грядущаго пить золотое питье?
Любить можно въ прошломъ ушедшемъ; томящемъ
Гдѣ радость, гдѣ слезы, гдѣ было горящимъ
И вѣчно измученнымъ сердце мое!

Сегодня люблю я... Но годы незримымъ
Промчатся волшебнымъ видѣніемъ сна;
И станетъ воистину пылко любимымъ
Лишь то, что покроется прошлаго дымомъ,
Когда на вискахъ промелькнетъ сѣдина...

Когда моя юность покажется сказкой,
Когда станетъ близкимъ чернѣющій крестъ,
Когда я съ горячею, нѣжною лаской,
Увижу за прошлаго яркою маской
Не мнѣ предназначенныхъ въ жены невѣстъ!..

Владиміръ Ольденборгеръ.

* * *

Полная грусти надъ сталью воды
Силюсь я счастье понять...
Смогутъ ли воды мнѣ слезы унять,
Смыть ихъ слѣды?

Свѣтлыя думы, безбрежные дни
Такъ далеко позади...
Будто волнуются, шепчутъ въ груди
Нѣжно они.

Падаютъ листья душистымъ дождемъ,
Тихо кружась надъ водой,
Искрятся слезы прозрачной росой
Въ сердцѣ моемъ.

Алексъ.

О чистотѣ русскаго языка.

Времена великихъ русскихъ потрясеній тяжкимъ образомъ отразились на развитіи русскаго языка. Въ теченіи добрыхъ 15 лѣтъ русскій языкъ претерпѣваетъ рядъ насилій и весьма часто русскіе люди, въ пылу житейскихъ заботъ, не замѣчаютъ происходящаго. Не говоря о молодежи, нужно съ грустью отмѣтить, что люди старшихъ поколѣній, къ глубокому сожалѣнію, безразлично относятся къ многочисленнымъ вреднымъ явленіямъ. Между тѣмъ, нужно задуматься надъ многимъ. Въ теченіи многихъ лѣтъ нашъ русскій языкъ засоряется словами иностраннаго происхожденія. Сплошь и рядомъ люди забываютъ о существованіи родныхъ словъ, замѣняя ихъ, безъ нужды, иностранными; даже щеголяютъ съ небрежнымъ легкомысліемъ своими новыми „достиженіями“.

Разбирая вопросъ объ употребленіи иностранныхъ словъ, мы должны отмѣтить, что съ давнихъ поръ, въ силу роковой отсталости Россіи, многія слова, даже при наличіи соотвѣтствующихъ русскихъ значеній, завоевали себѣ права гражданства и стали употребляться наравнѣ съ чисто русскими.

Оставимъ эти слова въ сторонѣ, какъ неизбѣжное зло; обратимся къ тѣмъ, которыя въ изобиліи появляются на страницахъ печати въ наши дни. На первомъ мѣстѣ, по количеству „грѣховъ“ стоятъ наши газеты, безъ различія ихъ политическихъ направленій; явленіе это отнюдь не ново, да и въ прежнія времена было не лучше. А такъ какъ газеты являются ежедневнымъ, почти обязательнымъ чтеніемъ, то они сулжатъ первичнымъ проводникомъ иностранныхъ словъ въ русскомъ обиходѣ. Волей или неволей, писателямъ приходится пользоваться подобными нововведеніями, а посредствомъ новыхъ книгъ эти новыя слова, доходя до читателя, внѣдряются въ русскій языкъ, какъ въ письменной, такъ и въ разговорной. Далеко ходить за примѣрами не нужно. Возьмемъ такое „русское“ слово — *ситуація*. Развѣ для выраженія этого понятія не имѣется русскаго слова? Развѣ это слово красивѣе слова „положеніе“? Или человѣкъ, пользующійся имъ въ письмѣ или разговорѣ, похвальбы ради, хочетъ показать свои блестящія знанія французскаго языка? Отвѣтъ вполнѣ ясенъ — употреблять такія слова является преступленіемъ въ отношеніи роднаго языка. Лишь въ крайнемъ случаѣ, когда невозможно выразить русскимъ словомъ какое-нибудь понятіе, можно допускать въ родной рѣчи чуждыя слова.

Въ наше время болѣзненныя явленія въ развитіи русскаго языка происходятъ въ общемъ, въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, новыя формы россійской жизни, со всей ея логикой стараго быта и старыхъ понятій, привели къ созданію новыхъ понятій, родившихъ новыя и подчасъ чрезвычайно уродливыя слова. Въ данномъ случаѣ мы говоримъ о подъяремной Россіи. Теперешніе властители, въ порывѣ всякихъ „строительствъ“, обладая подчиненной имъ печатью, путемъ множества газетъ и книгъ совѣтскихъ писателей, внѣдряютъ въ русскія головы такую массу новыхъ словъ, что, въ конечномъ счетѣ, остается задать вопросъ: что же станется съ русскимъ языкомъ? Намъ, современникамъ, эта тяга новыхъ словъ извѣстна въ достаточной степени. Ихъ очень много, такъ много, что новому Далю придется не мало поработать при составленіи новѣйшаго русскаго словаря. Примѣровъ противоестественныхъ словъ слишкомъ много. Наряду съ иностранными, эти слова, часто совѣтскаго происхожденія, дѣлаютъ большой вкладъ въ русскую рѣчь. Не будемъ говорить о *художественной цѣнности*: этотъ вопросъ ясенъ до очевидности. Возьмемъ такое „современное“ и достаточно прiѣвшееся всѣмъ слово „колхозъ“. Если бы вы произнесли это слово, скажемъ, 15 лѣтъ назадъ, то васъ приняли бы за не вполнѣ нормальнаго человѣка. Хуже подобнаго извращенія нельзя придумать. Но, такъ или иначе, это слово составлено, оно существуетъ, даетъ производныя и, увы, за нимъ права гражданства. Это слово, какъ и ему подобныя, обладаетъ огромными недостатками: во-первыхъ, первая его половина иностраннаго происхожденія, во-вторыхъ, оно представляетъ собой соединеніе двухъ первыхъ слоговъ, отрѣзанныхъ отъ двухъ цѣлыхъ словъ. Если такое слово является удобнымъ для *условнаго* почто-телеграфнаго адреса, то въ этомъ еще нѣтъ бѣды. Когда же оно произносится наравнѣ со словами „столъ“, „книга“ и т. п., то за русскость языка становится страшно.

Нѣсколко лучше, но тоже далеко не блестяще, обстоитъ дѣло за рубежомъ. Если здѣсь не изобрѣтаютъ (а если изобрѣтаютъ, то въ небольшомъ количествѣ) новыхъ словъ, то, вза-

мѣнъ, пользуются весьма широко возможностями языковъ всѣхъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ протекаетъ жизнь русскихъ изгнанниковъ. Въ зависимости отъ страны, русскіе люди вводятъ въ обиходъ французскія, нѣмецкія, сербскія и т. п. слова. Выражается это въ составленіи фразъ, гдѣ русскія слова перемѣшиваются съ иностранными до такой степени, что нельзя свѣжему человѣку сразу сообразить, какимъ языкомъ говоритъ его собесѣдникъ. Мало того, самое построеніе рѣчи принимаетъ иностранный оттѣнокъ, вплоть до введенія иностраннаго оборота въ цѣломъ видѣ. Классическимъ примѣромъ является выраженіе такого рода: „я *взялъ* трамъ" и т. п. Примѣровъ такихъ можно было бы привести тысячи тысячъ.

Если люди старшаго поколѣнія, съ теченіемъ времени, усваиваютъ подобные пріемы разговорной рѣчи, то подрастающее поколѣніе въ особенности подвержено этимъ извращеніямъ. Тутъ много причинъ; за краткостью статьи не будемъ говорить пространно: необходимость получать образованіе въ иностранныхъ школахъ, недостаточность наблюденія родителей за рѣчью дѣтей, большое вліяніе иностранной среды. Но какъ бы то ни было, невольно возникаетъ жгучее желаніе. Нужно всѣми мѣрами препятствовать вреднымъ вліяніямъ, нарушающимъ правильность рѣчи и всячески ограждать чистоту русскаго языка отъ вторженія чуждыхъ ему словъ и оборотовъ.

Надо оставить нашу русскую мягкотѣлость, надо вспомнить, что наши великіе писатели и поэты воспользовались нашимъ русскимъ языкомъ для того, чтобы создать величайшія произведенія. Наша русская литература, въ міровомъ значеніи, обладаетъ большимъ удѣльнымъ вѣсомъ.

Русскій языкъ не можетъ и не долженъ быть превращеннымъ въ своего рода „Эсперанто", а потому долгъ всѣхъ русскихъ заключается въ ревнивомъ и неусыпномъ наблюденіи какъ за ближними, такъ и за самимъ собой.

Только неусыпныя заботы сохранятъ намъ нашъ русскій языкъ и дадутъ ему вѣрные пути для развитія.

Обращаясь къ читателямъ, мы не хотимъ, чтобы это обращеніе было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Русскіе люди, берегите въ чистотѣ нашъ родной, прекрасный языкъ! **Б. П.**

БИБЛІОГРАФІЯ.

НОВЬ. *Апрѣль 1933.*

Въ Ревелѣ вышелъ ко Дню Русской Культуры 5-й сборникъ произведеній русской зарубежной молодежи.

Художественная обложка съ перваго взгляда располагаетъ къ сборнику. Первое впечатленіе не обманываетъ — рисунки въ сборникѣ очень хороши. Это лучшее, что въ немъ есть. Изъ нихъ особаго вниманія заслуживаетъ копія картины худ. К. Иртель — „Подруги": двѣ дѣвочки, сидящія на огромномъ камнѣ, среди поля.

Въ обращеніи къ молодежи, въ декабрѣ 1932-го года, Редакція „Нови" просила присылать разсказы, стихи и статьи всевозможнаго характера.

Къ сожалѣнію, молодежь откликнулась, повидимому, только стихами: въ сборникѣ нѣтъ ни одной статьи.

Замѣтка о послѣдней рѣчи А. А. Кизеветтера, разсказъ П. Иртель (члена редакціи „Нови") „Гараська" и 21 стихотвореніе. Вотъ, не считая рисунковъ, содержаніе сборника.

Разсказъ, вѣрнѣе очеркъ, „Гараська" былъ бы недуренъ, если бы авторъ не началъ его преувеличенно народнымъ языкомъ, постепенно перешедшимъ въ обыкновенный литературный.

Изъ поэтовъ на первомъ мѣстѣ можно поставить Виталія Вячеславскаго. Его поэзія представлена пятью стихотвореніями. Слогъ легкій и естественный, но темы немного однообразны. Такъ „Въ Гауши" является почти-что варіантомъ „Подъ чужимъ небомъ".

Очень не плохо стихотвореніе Лидіи Девель.

Слабѣе стихи Бориса Нарциссова.

У Евгенія Мельникова „статуй" рифмуетъ съ „распятья".

Остальные стихи ничѣмъ не заслуживаютъ вниманія.

Сборникъ напечатанъ по новой орфографіи.

Э. И.

МѢСТНАЯ ЖИЗНЬ.

Балъ Русскихъ Химиковъ.

Ежегодный балъ русскихъ химиковъ въ пользу нуждающихся и безработныхъ членовъ союза, какъ и слѣдовало ожидать, прошелъ съ полнымъ успѣхомъ.

Красиво убранный залъ Hôtel Europe вмѣстилъ нарядную, далеко не по бѣженски одѣтую публику.

Прекрасный оркестръ Жаззъ; артистическая программа, выбранная со вкусомъ, умѣло.

Артистка Барселонской оперы Сандра Яковлева, наша соотечественница, любезно согласившаяся пропѣть нѣсколько вещей изъ своего репертуара, своимъ сильнымъ меццо-сопрано очаровала весь залъ. Въ заключеніе спѣтый на „бисъ" романсъ: „Въ вазѣ букетъ умирающихъ розъ", вызвалъ восторженныя и понятныя рукоплесканія.

Окончившій недавно Ліонскую Консерваторію первымъ, господинъ Константини показалъ свое умѣніе, и его пріятный, бархатный голосъ долго будутъ помнить русскіе ліонцы.

Безукоризненно исполненные господиномъ Б. Matefotte и Гопакъ вызвали общее одобреніе.

Лотерея съ красивыми бездѣлушками и сидящимъ въ корзинкѣ, настоящимъ, живымъ кроликомъ, заставила русскихъ людей сильно раскошелиться.

Но не только она одна.

Буфетъ съ многочисленными закусками и холодной водкой доказалъ воочію, что, при умѣлой постановкѣ дѣла, онъ можетъ принести исключительно полный доходъ.

Головные уборы Котильона, блестя яркими красками и невиданными формами, еще болѣе увеличили общее непринужденное веселье.

Въ три часа ночи была избрана королевой бала Ирина Николаевна Шевякова и, съ національной лентой черезъ плечо, вышла на середину зала.

Долго не смолкавшія рукоплесканія показали, насколько выборы были удачны.

Такъ прошелъ вечеръ Русскихъ ліонскихъ химиковъ, надолго оставившій въ памяти веселье и искреннюю радость. *Поклонитель.*

Концертъ Ф. И. Шаляпина.

4 мая Ф. И. Шаляпинъ далъ въ Ліонѣ концертъ. Несмотря на высокія цѣны и конецъ сезона, огромное помѣщеніе Salle Rameau было почти заполнено. Появленіе великаго артиста было встрѣчено громомъ рукоплесканій. Необыкновенно разнообразная программа дала возможность услышать Шаляпина во всевозможныхъ жанрахъ.

Особенный успѣхъ имѣли: Ночной Смотръ (Глинка), арія Лапорелло изъ оперы Донъ Жуанъ (Моцарта), исполненная по итальянски, пѣсенка о титулярномъ совѣтникѣ, а также Le Cor (Flégier).

Послѣ окончанія концерта публика долго не хотѣла расходиться, безконечно вызывая Шаляпина.

Г-нъ И. Базилевскій художественно исполнилъ на фортепіано нѣсколько произведеній извѣстныхъ композиторовъ.

Мѣстная французская критика, какъ единодушно восторгавшаяся Шаляпинымъ въ „Борисѣ Годуновѣ" (Котораго онъ пѣлъ въ Ліонѣ, въ прошломъ году), отнеслась много холоднѣе къ его концерту. Одна изъ газетъ заявила даже, что восхищаться знаменитымъ артистомъ могутъ только шоферы такси и „manœuvres slaves"! *Любитель.*

Юго-Восточный салонъ.

Въ Консерваторіи, въ верхнихъ залахъ, около пятисотъ рисунковъ, полотенъ и декоративныхъ панно. И только какой-нибудь десятокъ остается въ памяти. Остальное — убожество, жалкія потуги, претенціозно именуемыя, къ сожалѣнію, искусствомъ.

Только по каталогу можно опредѣлить, что это, напримѣръ, кошка, а рядомъ — мертвая баранья голова.

Шесть громадныхъ полотенъ Couty. Неестественныя позы, незаконченныя формы, незакавыченныя краски. Дѣти, въ возрастѣ 10-14 лѣтъ, рисуютъ въ томъ же родѣ.

Приблизительно тоже самое можно сказать о неподписанномъ Nu — мужчинѣ. Невѣроятнаго размѣра ступни ногъ, узкія плечи, красныя коленки и уши. Типъ дегенерата. Если въ природѣ такіе люди и встрѣчаются, то, изображая ихъ, можно требовать отъ художника правдиваго и тщательнаго рисунка. Здѣсь этого нѣтъ. Какъ нѣтъ и смѣлости. Просто непонятно, какъ могла попасть сюда, на выставку, эта жалкая, незакавыченная, не Творцомъ, не художникомъ, фигура...

Въ томъ же родѣ пейзажи Lapisse. Лучше другихъ покрыты снѣгомъ деревушки.

Изъ выставленныхъ Morillon вещей заслуживаетъ вниманія Nature morte. Хорошо взято въ красивомъ букетѣ.

Henriette Morel — извѣстная художница, къ сожалѣнію, ничѣмъ не можетъ заинтересовать. Ея шесть картинъ — блѣдны и грубы.

Изъ большихъ полотенъ Alice Kohn замѣчательны два Nu. Бронзоваго цвѣта, красиво вылитый тѣла. Золотистыя волосы. Вѣрныя, одухотворенныя краски. Чувствуется крупный талантъ.

Интересна картина Frecht'a, очень небрежно нарисованная, но бросающаяся въ глаза. На фонѣ синяго африканскаго неба, пальмъ, попугаевъ, голой негритянки и лежащихъ негровъ, сидитъ европеецъ, съ трубкой въ зубахъ, съ очень выразительнымъ лицомъ.

Изъ всего выставленнаго запоминается Morisot. 6 полотенъ, оригинальный замыселъ и крупный талантъ. Картины: Ombre, Lumière, Ténèbres — замѣчательны. Какая игра свѣта и тѣней. И въ полумракѣ — нагіе люди. Великолѣпны также статуя Мадонны, въ двухъ варіантахъ, при разномъ освѣщеніи.

Въ салонѣ полное отсутствіе пастеля.

Въ общемъ очень и очень слабое впечатлѣніе отъ одной изъ самыхъ большихъ Ліонскихъ выставокъ. Чувствуется, что искусство превращено въ ремесло, и сводится на уровень просто кустарной декораціи. *Любитель.*

Помни Россію!

Будь готовъ!

Часъ возрожденія Родины недалекъ.

Настрадавшейся отчизнѣ нужны будутъ граждане сильные духомъ и тѣломъ, беззавѣтно преданные Ей и всегда готовые на жертву для Нея.

Національная Организація Русскихъ Развѣдчиковъ, Орлятъ и Пчелокъ (Н. О. Р. Р.) подготовляетъ подростающую молодежь въ этомъ направленіи. Кому дорого будущее Родины и своихъ собственныхъ дѣтей, посылайте ихъ въ отряды указанной организаціи.

Запись производится:

1. М. Я. Иванова-Тринадцатая, 8, Imp. Bonnefond. Montchat. Lyon.
2. В. В. Хоромanскій, 44, rue Crillon, Lyon.
3. А. А. Бажановъ, 67, rue St Pierre de Vaise. Lyon.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

ПРИНИМАЕТЪ ВЕДЕНІЕ ДѢЛЪ:

СУДЕБНЫХЪ, АДМИНИСТРАТИВНЫХЪ, БРАКОРАЗВОДНЫХЪ. СОСТАВЛЕНІЕ ДОГОВОРОВЪ. ЛИКВИДАЦІИ. ФИНАНСИРОВАНІЕ ВСЯКАГО РОДА ПРОЦЕССОВЪ. ПЕРЕВОДЫ

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ:

ПОЛУЧЕНІЕ ВОЗНАГРАЖДЕНІЙ ПОСЛѢ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ (отъ процента, безо всякихъ затратъ со стороны истца).

Сотрудничество виднѣйшихъ франц. адвокатовъ

КОРРЕСПОНДЕНТЫ ВО ВСѢХЪ СТРАНАХЪ

ПИСАТЬ И ОБРАЩАТЬСЯ ПО-РУССКИ:

„LE DÉLÉGUÉ FRANÇAIS"
8, RUE DE LA PLATIÈRE, LYON (RHONE)
TÉLÉPHONE: BURDEAU 67-55

Безработнымъ, инвалидамъ и несовершеннолѣтнимъ скидка.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на независимую двухнедѣльную Русскую газету
ОРГАНЪ СОЮЗА МЛАДОРОССОВЪ

„МЛАДОРОССКАЯ ИСКРА"

Во Франціи: на 6 мѣс. 12 №№ — 5 фр.
на 1 годъ 24 №№ — 10 фр.
Въ Германіи, Австріи, Венгріи:
на 6 мѣс. — 4 герм. марки
на 1 годъ — 8 герм. марокъ
Въ другихъ странахъ: на 6 мѣс. — 50 ам. центовъ
на 1 годъ — 1 ам. долларъ

Всю переписку и переводы направлять на имя:
Mme Véra Corbov. „Etincelle Russe", 2, Square Auguste Chabrière, 2. Paris XV.

ДОКТОРЪ

Н. М. МАРКОВЪ

ВНУТРЕННІЯ БОЛѢЗНИ и ДІАГНОЗЪ

ПРІЕМЪ ПО ВЕЧЕРАМЪ отъ **6** до **8** ч.

24, rue de la Ruche, 24
LYON - MONTCHAT

STÉNOGRAPHIE - DACTYLOGRAPHIE

COMPTABILITÉ

LEÇONS DE FRANÇAIS

Mlle **MARJOLLET**
Professeur diplomée de la Faculté de Droit
26, Avenue Jean Jaurès
Tél. Parmentier 41 - 92

Pour toutes transformations et dépannage de T. S. F. de toutes marques adressez-vous par écrit

à Mr Stephane ANDREEFF
27, rue Ney à LYON

БОЛЬШОЕ ШЕСТИМѢСТНОЕ TAXI

ДНЕМЪ и НОЧЬЮ

ЗАГОРОДНЫЯ ПОѢЗДКИ
СВАДЬБЫ и прочія церемоніи

10% СКИДКИ
всѣмъ читателямъ журнала „ВЗЛЕТЫ"

4, rue Julien, Lyon
Mr M. ERDÉLY
Tél. L. 34.93 (Buffet de la Gare des Brotteaux)

„ВЗЛЕТЫ"

Принимаются съ благодарностью рукописи по отдѣламъ: литературному, художественному, историческому, научному и критики

Желающихъ получить обратно непринятые матеріалы, просятъ прилагать марку на отвѣтъ

По всѣмъ дѣламъ обращаться къ секретарю редакціи
Mlle **ERDÉLY**
4, RUE JULIEN, 4
MONTCHAT, LYON (Rhône)

2795 Imprimerie E. GELEZNIAKOFF, 51, rue Van Campenhout, Bruxelles N.-E (Belgique) Téléphone 33.20.50

HOOVER INSTITUTION

Russ
serial
emigré

Vzlety

ВЗЛЁТЫ

№ 3

ВЗЛЕТЫ
LES ELANS

Независимый Литературно-Художественный Журналъ

№ 3
Октябрь 1933 г.

ОТВѢТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОРЪ:
В. Ольденборгеръ, 3, rue Villeroy, LYON

Цѣна номера
во Франціи - 3 фр.

Изъ воспоминаній о недавномъ прошломъ.

— Дыня, ты спишь? — Въ отвѣтъ слышалось ровное дыханіе, потомъ скрипнула кровать — кто-то повернулся на другой бокъ.

— Ну, что тебѣ?

— Ты слышалъ, что вчера случилось съ Погодинымъ? — Отвѣта не было, кто-то зѣвнулъ.

— Что ты говоришь?

— Я говорю, слышалъ, что случилось вчера вечеромъ?

— Нѣтъ.

— Говорятъ, что Погодинъ видѣлъ привидѣніе.

— Гдѣ привидѣніе?

— Въ верхней комнатѣ; будто въ окно смотрѣлъ кто-то, лицо такое худое, блѣдное, какъ у мертвеца, и руки костлявыя, съ длинными пальцами.

— Можетъ-быть кто-нибудь изъ старшихъ же и подшутилъ?

— Не думаю, тамъ мансардное окно, а попробуй вылезти на крышу съ другой стороны!

— Да. А кто тебѣ объ этомъ говорилъ?

— Бобо разсказалъ Капуцину, а Капуцинъ мнѣ.

— Бобо?

— Дыня, а ты вѣришь этому?

— Не знаю, какъ тебѣ сказать, если бы я самъ видѣлъ...

— Ну, нѣтъ ужъ, спасибо! — Помолчали немного.

— Ладно, давай спать, сказалъ тотъ, кого называли Дыней, — завтра, братъ, того, — онъ опять зѣвнулъ, — повторить надо, хочу пораньше встать.

Еще долго кто-то ворочался — видно не спалось. Потомъ все стихло. Ночникъ, слабо мерцая, освѣщалъ ряды постелей, полку съ книгами, ночные столики около постелей. Огонекъ сталъ постепенно уменьшаться, сдѣлался совсѣмъ маленькой точкой, вдругъ ярко вспыхнулъ и потухъ. Гдѣ-то часы пробили половину.

— —

Дни быстро смѣнялись одинъ другимъ. Приближались репетиціи; пришли и прошли. Занятія кончились. Наступили лѣтнія каникулы.

Младшіе всѣ разъѣхались по домамъ, остались: директоръ, одинъ воспитатель и насъ человѣкъ шесть.

Былъ чудный вечеръ, полная луна заливала весь садъ голубымъ свѣтомъ; трещали цикады, пахло хвоей. Въ одномъ окнѣ нашего дома еще горѣлъ свѣтъ, но, вотъ, и онъ потухъ. Гдѣ-то хлопнула дверь; на террасу вышелъ директоръ. Мы встали.

— Сидите, сидите; Криневичъ, скажите Георгію Николаевичу, что я вернусь черезъ полчаса. — Зашуршалъ гравій подъ удаляющимися шагами, скрипнула калитка и снова водворилась тишина.

Криневичъ всталъ и пошелъ вглубь сада за воспитателемъ, черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся. Вскорѣ показался и Георгій Николаевичъ. Недалеко отъ тенисной площадки онъ задержался и сталъ смотрѣть на одно изъ оконъ верхняго этажа, какъ бы всматриваясь во что-то.

— Что онъ тамъ нашелъ? — спросилъ чей-то голосъ.

Въ это время Георгій Николаевичъ звалъ насъ, дѣлая знаки рукой. Мы подошли.

— Господа, — сказалъ онъ, — видите ли вы что-нибудь?

Всѣ видѣли, но никто почему-то не отвѣтилъ. Въ одномъ изъ оконъ, расплываясь и мѣшаясь съ лунымъ свѣтомъ, поблескивавшимъ на стеклахъ, стояло что-то свѣтлое, напоминавшее по формѣ человѣческую фигуру, какъ будто женскую. Пятно это, колеблясь и

расплываясь, стало темнѣть, словно отходя вглубь темной комнаты. Вскорѣ смѣшалось съ окружающей темнотой, совсѣмъ растворилось въ ней и исчезло. Мы больше не видѣли ничего.

Всѣ, кажется, чувствовали себя неважно и, оставаясь на прежнихъ мѣстахъ, молчали и, казалось, ждали еще чего-то. А потомъ, вдругъ, заговорили всѣ разомъ, перебивая и не слушая другъ друга, словно нарочно, чтобы создать побольше шума. Воспитатель что-то объяснялъ. Пошли назадъ, къ террасѣ.

Домъ стоялъ такой хмурый, непривѣтливый, зіяя черными дырами кое-гдѣ открытыхъ оконъ. Стало холодно и сыро — завтра, навѣрно, будетъ плохая погода. На луну набѣжали маленькія тучки и когда она снова открылась, деревья, колышась отъ легкаго вѣтра, бросали на стѣны дома черныя тѣни. И онѣ скользили, поднимаясь и опускаясь, удлиняясь и укорачиваясь, какъ огромные, фантастическіе щупальцы.

Черезъ два дня я уѣхалъ.

— —

Октябрь. Осень. Падаютъ листья, падаютъ капли дождя, падаетъ температура, потомъ падаетъ снѣгъ и отъ всего этого падаетъ настроеніе. Наблюдается общее движеніе сверху внизъ, въ отличіе отъ весны, когда все лезетъ снизу вверхъ, за исключеніемъ балловъ, которые, наоборотъ, весною сильно понижаются.

Итакъ, была осень. Начинался новый учебный годъ. Воспитанники съѣзжались вяло. Наконецъ, отслужили молебенъ и, съ Божьей помощью, принялись снова за науку. И снова дни стали строиться въ длинную, однообразную вереницу; всѣ такіе нудные и скучные, а въ то же время, незамѣтно и быстро, смѣнявшіеся одинъ другимъ, какъ всегда въ учебной обстановкѣ.

Вотъ уже и Рождество осталось далеко позади. Прошелъ и январь. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали конца зимы. Уже бывали хорошіе, свѣтлые дни, но деревья еще оставались голыми и по временамъ дулъ холодный вѣтеръ, стуча ставнями и позванивая колокольчикомъ, что надъ калиткой.

Нарѣдкость теплый и совсѣмъ весенній день выдался въ одну изъ субботъ. Но къ вечеру, все же, стало сыро и окна пришлось закрыть.

Кончился ужинъ, послышалась команда встать.

— Повернитесь къ образу, читайте молитву, — сказалъ директоръ.

Пѣли въ этотъ вечеръ какъ-то особенно ладно. Настроеніе было бодрое, даже веселое. Завтра воскресенье — всѣ свободны; многіе уходили въ отпускъ. Слова молитвы звучали въ тишинѣ четко и ясно.

Вдругъ послышался легкій трескъ и ударъ оконной рамы о косякъ стѣны. Я быстро обернулся въ ту сторону, какъ и остальные — всѣ окна въ столовой были открыты настежъ.

Водворилась полная тишина; потомъ, слегка дрогнувшимъ голосомъ, читавшій продолжалъ молитву —

— ... и прости имъ всѣ согрѣшенія, вольныя и невольныя, сподоби ихъ вѣчной жизни и сотвори имъ вѣчную память!

Я снова посмотрѣлъ въ окно. Садъ тонулъ во мракѣ; луны не было, только небо сіяло, усыпанное звѣздами. Воздухъ будто застылъ; было тихо, поразительно тихо.

Быстро и безшумно разошлись по своимъ комнатамъ; говорили мало, да и о чемъ было говорить?

Вотъ, уже третій разъ происходило что-то неладное въ нашемъ домѣ. Теперь появилось какое-то тяжелое, давящее безпокойство и чувство чьего-то незримаго присутствія. Появилось тягостное ожиданіе несчастья, уже близкаго и неизбѣжнаго.

— —

Погодинъ и Ильвановъ были выпускными. Имъ скоро предстояло держать отвѣтственные экзамены, подготовка требовалась серьезная, а поэтому они пользовались полной свободой въ распредѣленіи своего времени. Часто бывало въ послѣдніе дни, что кто-нибудь изъ нихъ опаздывалъ къ обѣду или ужину, уйдя заниматься въ лѣсъ, начинавшійся почти-что за нашимъ домомъ.

Прошло, приблизительно, недѣли двѣ послѣ происшествія въ столовой.

Какъ-то, вечеромъ, когда уже зажгли свѣтъ, я, проходя черезъ классную, въ дверяхъ столкнулся съ Ильвановымъ; онъ несъ газету и, протянувъ ее мнѣ, спросилъ: — хочешь? Я взялъ, и, когда бралъ, наши глаза встрѣтились. Онъ смотрѣлъ какъ-то странно, а можетъ быть мнѣ это только показалось, не знаю. Просматривая газету, я не обратилъ вниманія, куда онъ пошелъ.

За ужиномъ Ильванова не было и когда директоръ спросилъ, гдѣ онъ, никто ничего не

могъ отвѣтить. Думая, что Ильвановъ въ саду, и не слышалъ звонка, дежурный взялъ звонокъ и, выйдя на террасу, громко позвонилъ. Но никто не откликнулся. Бѣгали наверхъ, комната была пуста.

На повѣркѣ Ильванова отмѣтили отсутствующимъ.

Поверхностный осмотръ комнаты показалъ, что онъ былъ въ легкихъ комнатныхъ туфляхъ и безъ воротничка; въ такомъ видѣ онъ далеко уйти не могъ; но ни въ саду, ни въ домѣ его не было. Всѣхъ охватило безпокойство; младшіе замѣтно волновались, никто не хотѣлъ ложиться спать. Успокоились только тогда, когда имъ сказали, что Ильвановъ вернулся и вызванъ къ директору. Но Ильванова не было.

Директоръ приказалъ осмотрѣть платье и вещи Ильванова. Это дало результатъ. — Въ одномъ изъ кармановъ пиджака нашли коробку револьверныхъ патроновъ. Снова начались поиски, уже только въ саду. Каждый думалъ одно и то же, но громко объ этомъ еще никто не сказалъ.

Послѣ дальнѣйшихъ безплодныхъ поисковъ заявили въ полицію.

Луна недавно показалась и ея косые лучи, черными пятнами, отбрасывали далеко въ сторону тѣни отъ всѣхъ предметовъ.

Снова все обошли и снова безрезультатно.

Въ садъ вышелъ директоръ, въ пальто, въ шляпѣ и съ палкой. Было свѣжо.

— Пойдите, одѣньтесь и выходите обратно, — сказалъ онъ и назвалъ четыре фамиліи, среди которыхъ была и моя, — а остальные спать.

Черезъ пять минутъ мы вышли въ лѣсъ.

Лѣсъ нашъ не густой, но площадь его велика, такъ что обойти его весь не было никакой возможности. Начали мы поиски съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ обыкновенно бывали въ свободное время. Сначала шли всѣ вмѣстѣ по дорогѣ, потомъ вошли въ чащу и цѣпью стали расходиться по одному, вѣеромъ, въ стороны.

Сухіе, старые листья шуршали подъ ногами; такой же щорохъ и потрескиваніе сучьевъ я слышалъ съ одной стороны, съ другой все было тихо — я оказался крайнимъ.

Шелъ и думалъ, какъ я найду Ильванова, я почему-то рѣшилъ, что онъ стрѣлялся въ сердце, что онъ еще живъ, лежитъ среди вотъ такихъ же листьевъ и стонетъ, по этому стону я найду его, позову нашихъ, а если они уже уйдутъ, то я возьму Ильванова себѣ на спину и, самъ весь испачканный въ крови, принесу домой. Вдругъ кто-то захохоталъ наверху, что-то зашуршало, упала сухая вѣтка, я вздрогнулъ и остановился. Слышался удаляющійся шумъ крыльевъ; вскорѣ все снова стихло. Я замечтался и ушелъ далеко въ сторону, Да, а если онъ мертвъ, если я найду лишь холодный трупъ? Что тогда дѣлать?

Немного пройдя впередъ, я остановился и, посмотрѣвъ по сторонамъ, повернулъ назадъ. Вскорѣ я нашелъ остальныхъ. Въ лѣсу, оказывается, мы провели больше трехъ часовъ. Пошли домой. Настроеніе было подавленное.

Спросили директора, что будемъ дѣлать. Онъ сказалъ, что полиція завтра возобновитъ поиски, а мы еще разъ осмотримъ садъ и домъ.

Спустились съ пригорка влѣво и пошли по дорожкѣ, параллельной забору.

Теперь садъ былъ иной. Луна стояла высоко, тѣни почти исчезли, стало свѣтло, какъ днемъ. Влѣво начинались кусты, потомъ былъ маленькій перерывъ и затѣмъ, почти вплотную къ забору, росло толстое дерево. Вотъ тамъ, показалось намъ, что-то лежитъ. Подошли ближе; изъ-за дерева высовывался локоть и на рукѣ покоилась голова, лицомъ книзу.

Между оградой и деревомъ лежалъ мертвый Ильвановъ.

Пріѣхавшая полиція установила, что смерть послѣдовала, приблизительно, за часъ до ужина. Смерть была мгновенная отъ выстрѣла изъ револьвера въ високъ.

Сколько разъ мы проходили мимо него, но, благодаря большой тѣни отъ забора, не видѣли.

Причина смерти до сихъ поръ не извѣстна.

— —

На похоронахъ собралось много народу, пришли даже совсѣмъ незнакомые. Среди послѣднихъ была одна, поразительной красоты, дѣвушка; я спросилъ кто это, мнѣ назвали ее А. М. Кромѣ этой встрѣчи я ее видѣлъ одинъ разъ. Врядъ ли она была знакома съ Ильвановымъ, даже навѣрно нѣтъ. — Зачѣмъ же она пришла сюда, — думалъ я. И такъ странно было видѣть ее на кладбищѣ — въ царствѣ мертвыхъ, около гроба незнакомаго ей человѣка. — Здѣсь смерть и тлѣніе, она — воплощеніе жизни, красоты и гармоніи. Зачѣмъ она здѣсь?

Какъ-то вышло такъ, что не одного Ильванова мы похоронили тогда, но еще что-то. Тотъ годъ былъ послѣднимъ, обстоятельства сложились такъ, что пансіона больше нѣтъ.

Но домъ стоитъ попрежнему, а за нимъ шумитъ лѣсъ.

— —

Прошелъ еще годъ. Не помню, кто мнѣ сказалъ, что умерла А. М., умерла какъ-то странно, отъ пустяка.

— —

Почему-то показалась особенно длинной дорога. Я шелъ, шелъ, казалось, безъ конца.

Солнце палило немилосердно; отъ зноя даль подернулась синеватой дымкой; кругомъ ни души. Кусты придорожные, пыльные и грязные, безжизненно поникли.

Но вотъ, наконецъ, наша улица, старый заборъ, калитка; она оказалась запертой. Живетъ ли теперь кто-нибудь въ этомъ домѣ? Всѣ ставни наглухо закрыты.

Я взялся за ручку колокольчика и дернулъ. Послышался такой знакомый, а теперь безконечно тоскливый звонъ.

Никто не вышелъ, никто не откликнулся.

Иду по дорогѣ внизъ; а вотъ и дерево по ту сторону ограды, большой, старый каштанъ. Неужели уже три года прошло съ тѣхъ поръ!

— —

На кладбищѣ тихо и спокойно. Много цемента и камня, мало зелени. А можетъ быть такъ и надо, вѣдь растенія живыя, а здѣсь все мертвое, и люди, и камни.

Вотъ и новое кладбище. Могилъ мало, и онѣ всѣ имѣютъ запущенный, брошенный видъ. Особенно одна, та, что въ сторонѣ, возлѣ кучи обломковъ заржавѣвшихъ оградъ со старыхъ могилъ, разбитыхъ мраморныхъ колоннокъ и никому не нужныхъ больше вѣнковъ.

И кругомъ трава, сухая, порыжѣлая. Она длинными, желтыми космами свѣшивается со всѣхъ сторонъ холмика могильнаго, безжизненно поникнувъ, какъ тѣ кусты, въ пыли, при дорогѣ.

Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ, прости имъ всѣ согрѣшенія, вольныя и невольныя и сотвори имъ вѣчную память.

Колышатся и шуршатъ мертвымъ шелестомъ у креста мертвые цвѣты. Мнѣ помнится, такъ, гдѣ-то въ полѣ, шептали, высушенные солнцемъ, блѣдные безсмертники.

В. Дубревскій.

ВИДѢНІЕ ЮНОСТИ.

Солнце, скажи мнѣ, живетъ ли еще Океанъ,
Катитъ ли волны свои изъ далекихъ,
невидимыхъ странъ?
Вѣетъ ли вѣчный, какъ Божье дыханье, пассатъ,
Красенъ ли Моря Индійскаго яркій закатъ?

Вѣтеръ, скажи мнѣ, злится ли знойный Хамсинъ,
Рѣжетъ ли зыбь бѣлобрюхій гуляка дельфинъ,
Въ воздухъ бросаетъ ли китъ свой веселый
фонтанъ,
Мифы Эллады блюдетъ ли гигантъ Матапанъ?
Тучи, скажите, васъ рветъ ли спиной
Гибралтаръ,
Грозенъ ли волнъ Океана о камни ударъ,
Страшенъ ли старый убійца матросовъ
Ландсендъ,
Есть ли одежда на немъ изъ туманныхъ
сплетенная лентъ?

Дай мнѣ отвѣтъ ты, далекая въ небѣ звѣзда!
Радостны-ль глазу медузъ разноцвѣтныхъ стада,
Такъ же-ль безплотенъ, какъ былъ, алабатроса
парящій полетъ,
Такъ же-ль коваренъ, какъ прежде, акулы
прожорливой ходъ?
Гдѣ вы, о, гдѣ вы, десятки промчавшихся лѣтъ!
Меркнетъ въ глазахъ моихъ радостный
солнечный свѣтъ,
Стынетъ когда-то кипучая алая кровь...
Видно, что ликъ свой Господь не откроетъ
мнѣ вновь.

Грифъ.

* * *

Не ходи въ неизвѣданный край,
Не стремись отъ земли въ высоту,
По дремучимъ лѣсамъ не блуждай,
Не ищи и не пой красоту!

И въ глубинахъ души голубой,
Не ищи непонятныхъ излукъ.
Сердца юнаго стукъ
Самъ прійдетъ за тобой!

Постучится неслышно рукой,
Унесетъ въ неизвѣданный край,
По дремучимъ лѣсамъ,
По высокимъ горамъ,
Тамъ,
Гдѣ шелестъ неясный, нѣмой
Открываетъ негаданный рай!

Алексѣй В.

ИЗЪ СОФІЙСКАГО АЛЬБОМА.

Гигантъ на бронзовомъ конѣ,
Стоишь ты, словно небожитель,
Какъ рыцарь въ латахъ и бронѣ,
Ты — Русскій Царь-Освободитель.

Пройдутъ года, вѣка, быть можетъ,
Все такъ измѣнится вокругъ,
Но символъ доблести не можетъ
Угаснуть среди грозъ и вьюгъ.

И твой примѣръ, такой великій,
Зажжетъ сердца еще не разъ,
И торжествующіе клики
Услышитъ Кремль въ завѣтный часъ.

Тогда другой, могучій, славный,
Придетъ Освободитель-Царь,
И будетъ править Православной,
Какъ управлялъ ты Русью встарь.

С. Б.

МАГДАЛИНѢ.

Разскажи мнѣ, — какія мысли
Въ твоей стриженой бродятъ головкѣ,
Не томи, поскорѣй перечисли
Мнѣ побѣды свои и уловки.

Не гнушаясь отнюдь мифологіи
Пріукрась всѣ видѣнья неровныя,
Въ твердой памяти и въ хронологіи
Говори мнѣ про факты любовные.

Сколько лѣтъ тебѣ, милая, было
Когда въ первый разъ ты влюбилась,
Черезъ сколько недѣль ты остыла:
Когда въ прозѣ любви убѣдилась?

Здѣсь вздохни о потерянномъ прошломъ,
Или просто — безъ всякой причины,
И шепни мнѣ съ лицомъ перекошеннымъ:
— «Подлецы, негодяи мужчины»!

А потомъ, прочитавъ мнѣ нотаціи,
Кайся тихо, что стала ты скверная, —
Что предметъ ты мужской эксплотаціи
Ты, несчастная «жертва вечерняя».

И тогда, предъ лицомъ неизбѣжности,
Пожалѣю, любя, какъ мужчина,
И съ особенно горькою нѣжностью
Поцѣлую тебя, Магдалина!

Вл. Ольденборгеръ.

МОЛИТВА.

Іисусе мой, Всемилостивый Боже!
Со дня на день Твои черты все строже
И все синѣе откровенья даль.

Не черствымъ судьямъ и не грубой стражѣ,
И не апостоламъ довѣрю даже...
Несу къ Твоимъ стопамъ свою печаль.

Зачѣмъ, томимый мукой жгучей жажды
Хочу Тебя распятымъ видѣть дважды?
Безумныхъ сонмы думъ куда влеку?

На скорбный ликъ поднять не смѣя вѣжды,
Кроплю слезой пречистыя одежды
И прячу въ складки страстную тоску.

Владиміръ Синій.

* * *

О чемъ же пѣть, когда для пѣсенъ нѣтъ,
Ни нужныхъ словъ, ни нужнаго порыва,
Вѣдь мы дошли вплотную до обрыва,
Придя сюда отъ злобы и клеветъ...

Не все-ль равно, что въ прошломъ потеряли,
Не все-ль равно, что въ будущемъ найдемъ...
Идемъ, — идемъ! — намѣченнымъ путемъ
Въ какія-то невѣдомыя дали...

Быть можетъ тамъ, на этомъ чернѣмъ днѣ
У нашихъ ногъ лежащаго ущелья,
Насъ встрѣтитъ пиръ безумья и веселья,
А можетъ быть, покой въ послѣднемъ снѣ...

Не все-ль равно, что въ будущемъ мы встрѣтимъ,
Не все-ль равно, что въ прошломъ умерло,
Идемъ домой — темно или свѣтло —
Намъ все равно, путемъ безвѣстнымъ этимъ...

Безъ словъ идемъ, и пѣсень пѣть нельзя:
Для нихъ нѣтъ словъ, мелодій нѣтъ въ туманѣ,
Кто можетъ намъ повѣдать путь заранѣ,
Къ чему ведетъ неровная стезя?

Не все-ль равно... Отрада иль тоска...
Играть себя въ комедіи иль драмѣ
И Реквіему иль Эпиталамѣ
Путь завершить дастъ Фатума рука,..

Б. Каменскій.

ПИСЬМА.

Эрнъ долго раздумывалъ, какъ, гдѣ и какимъ орудіемъ совершить задуманное преступленіе. Онъ цѣлый день ходилъ по малознакомому городу и искалъ подходящее мѣсто.

Банки и мѣняльныя конторы лихорадочно привлекали его вниманіе. Онъ подходилъ къ витринамъ и пристально разглядывалъ выставленные деньги, облигаціи, займы.

Онъ заглядывалъ во внутрь и искалъ взоромъ служащихъ, фотографировалъ расположеніе комнатъ. Его великолѣпная зрительная память была цѣнной ему помощницей.

На одной изъ большихъ и кривыхъ улицъ чуждаго города онъ нашелъ наконецъ то, что искалъ. Это была небольшая мѣняльная лавка, гдѣ за перегородкой сидѣлъ старый, бородатый еврей. Стараясь не возбуждать вниманіе прохожихъ, Эрнъ перешелъ на другую сторону улицы и оттуда наблюдалъ за намѣченной жертвой. Онъ видѣлъ старую женщину, выходившую изъ дальней комнаты и помогавшую еврею: если много было посѣтителей.

Орудіе... Эрну не на что было пріобрѣсти револьверъ: послѣднія деньги онъ истратилъ на покупку цвѣтовъ для любимой, единственной Вѣры. Да и потомъ, выстрѣлъ... Привлекъ бы вниманіе, если бы старикъ, паче чаянія, не пожелалъ бы быть послушнымъ. Относительно времени: Эрнъ рѣшилъ, что вечеромъ удобнѣе всего, когда магазины закрывались и еврей подсчитывалъ свою кассу.

Когда стемнѣло, онъ прошелся мимо лавки еще нѣсколько разъ и съ твердой рѣшимостью добыть деньги завтра, побрелъ къ себѣ домой.

Эрнъ не былъ профессіональнымъ воромъ и взломщикомъ. Не былъ онъ и убійцей. Нѣсколько мошенничествъ, совершенныхъ имъ, не оставили слѣда на его мѣщанско-обывательской психологіи. Они остались необнаруженными, не бросили на него тѣни. Этому обстоятельству очень помогала его простая, здоровая внѣшность. Онъ всегда былъ чисто и скромно одѣтъ и его краснощекое, добродушное лицо привлекало вниманіе и симпатіи.

Приближаясь къ дому, гдѣ съ пріятелемъ своимъ онъ снималъ комнату, Эрнъ шелъ по еле освѣщенной, пригородной улицѣ.

Вдругъ онъ споткнулся. Выругавшись, онъ толкнулъ ногою что-то лежавшее на его пути. Потомъ, въ полутьмѣ, поднялъ.

Подойдя къ первому фонарю, онъ увидѣлъ въ рукахъ своихъ кусокъ ржаваго, четверть метра длины, желѣза. Кусокъ этотъ кончался овальной формы закругленіемъ и былъ довольно тяжелымъ.

И вдругъ Эрнъ почувствовалъ, что сама судьба направила его по этому пути; что металлическій стержень является для него необходимымъ орудіемъ для выполненія задуманнаго плана. Онъ положилъ его въ карманъ пальто и въ скоромъ времени подошелъ къ своему подъѣзду.

Поднявшись въ темнотѣ по лѣстницѣ, онъ добрался наконецъ до своего логова. Ивановъ уже спалъ.

Онъ работалъ на какомъ то металлургическомъ заводѣ, вставалъ рано, былъ аккуратенъ и всегда денежно выручалъ Эрна. Онъ не зналъ, откуда у послѣдняго средства на жизнь и слѣпо вѣрилъ въ какую-то, выдуманную Эрномъ, тетушку, высылающую каждый мѣсяцъ изъ Берлина дорогому племяннику деньги. Впрочемъ, этому вѣрили всѣ.

Эрнъ сѣлъ одѣтымъ на кровать. Въ такомъ положеніи онъ оставался минутъ пятнадцать, не двигаясь, ничѣмъ не обнаруживая лихорадочную дѣятельность мозга.

Потомъ онъ снялъ пальто и устало подсѣлъ къ столу.

Ивановъ, проснувшись отъ яркаго электрическаго свѣта, что-то мрачно промычалъ. И опять крѣпко и здорово заснулъ.

Что-то рѣшивши, Эрнъ подошелъ къ чемодану, открылъ его, потомъ снова закрылъ...

Поставивъ его на мѣсто, онъ вынулъ изъ ящика стола маленькую металлическую коробку и повернулъ на ея крышкѣ старый механизмъ. Раздался нѣжный, странный звонъ.

Крышка медленно поднялась. Въ коробкѣ съ бархатными стѣнками лежали письма. Отъ нея, — отъ Вѣры...

Перечитавши ихъ, Эрнъ досталъ большой, толстый конвертъ и, вложивши письма во внутрь, запечаталъ его. Затѣмъ положилъ его во внутренній карманъ своего костюма.

Раздѣвшись, онъ легъ въ постель. Спать долго не могъ. Онъ думалъ больше всего о Вѣрѣ, о томъ, что если его дѣло выгоритъ, то онъ сдѣлаетъ ей предложеніе; что родители не откажутъ. Потомъ, улыбаясь, вспомнилъ о мнимой тетушкѣ, о ея письмахъ (сочиненныхъ имъ) и читанныхъ у Вѣры дома. Волнуясь, онъ перечиталъ ихъ вновь прелесть ея поцѣлуя, свѣжаго и дѣвичьяго и полной грудью вдохнулъ запахъ, пахнущаго миндальнымъ мыломъ, молодого тѣла. Помечтавши еще немного, онъ крѣпко и спокойно заснулъ.

* * *

Проснулся онъ поздно, зная, что спѣшить ему некуда, что все равно нужно чѣмъ-нибудь заполнить длинный весенній день. Думать о затѣянномъ онъ не хотѣлъ, ибо зналъ, что это волнуетъ и разстраиваетъ. Свиданіе съ Вѣрой было назначено на завтра и, въ зависимости отъ успѣха предпріятія, онъ хотѣлъ ей что-либо подарить. Онъ бродилъ, голодный, цѣлый день по городу, не думая о себѣ, сосредотачивая всю свою волю на желаніи, къ вечеру, раздобыть крупныя деньги. Въ одной изъ витринъ онъ замѣтилъ красивой формы кольцо съ крупнымъ, голубоватымъ брилліантомъ. И, рѣшивъ его пріобрѣсти, онъ мысленно любовался имъ на Вѣриной тонкой рукѣ. И къ вечеру онъ былъ совершенно увѣренъ въ себѣ, въ своей безнаказанности.

Ея письма, лежащія около сердца, придавали ему еще больше силъ и походили на фетишъ, приносящій во всѣхъ дѣлахъ несравненное и полное счастье.

Наконецъ, когда въ городѣ зажглось электричество, когда витрины магазиновъ засіяли разноцвѣтными огнями, а идущія людскія тѣни стали длинными и черными, Эрнъ приблизился къ знакомой мѣняльной лавкѣ и остановился около, выжидая время.

Магазины стали закрываться; люди, усталые отъ суеты и тряски человѣческаго общежитія, стали прятаться въ свои интимныя, плохо пахнущія норы.

Эрнъ прошелся нѣсколько разъ передъ лавкой и увидѣлъ сидящаго за конторкой старика. Онъ былъ одинъ и, наклонившись подъ зеленой лампой, медленно и важно писалъ.

Эрнъ опустилъ руку въ карманъ и сразу почувствовалъ холодъ и тяжесть металла. Затѣмъ, ни о чемъ не думая, какъ будто падая въ безлюдную, черную пропасть, онъ отворилъ стеклянную дверь. Раздался звонокъ.

Старикъ спокойно всталъ и направился къ деревянному, полированному барьеру.

Не слыша своего голоса, Эрнъ поздоровался. Потомъ, какъ-то сразу придя въ себя, онъ, лѣвой рукой, вынулъ изъ кармана, заранные приготовленную, пачку бумагъ, положилъ ее передъ евреемъ и медленно сталъ разворачивать.

Руки его не дрожали, а спокойно дѣлали свое дѣло.

Старикъ, еще не понимая, опустилъ голову: дабы ближе разсмотрѣть лежащія передъ нимъ бумаги.

И въ этотъ моментъ Эрнъ быстро, но какъ ему казалось — страшно медленно, выхватилъ правой рукой кусокъ желѣза и ударилъ его по сѣдымъ и рѣдкимъ волосамъ. Но, когда рука его опускалась и, съ ужасной силой, должна была раскроить находящійся передъ ней черепъ, Эрнъ, непроизвольно, на десятую долю секунды, замедлилъ ея движеніе и этимъ въ нѣсколько разъ уменьшилъ свою силу.

Можетъ быть, самъ того не сознавая, онъ сдѣлалъ все возможное чтобъ не убить...

Онъ не слышалъ глухого удара и стона.

Старикъ какъ-то странно медленно повалился бокомъ на полъ. Плѣшивая голова стала красной, кровь нѣсколькими струйками потекла по лбу.

Не теряя ни одной секунды, Эрнъ акробатически перепрыгнулъ деревянную стойку и, бросивши свое орудіе, ринулся къ письменному столу. Онъ не былъ закрытъ и, выдвинувши большой ящикъ, раздѣленный перегородками, Эрнъ, не разбирая, началъ собирать находящіяся въ немъ бумаги. Торопясь, но не волнуясь, онъ разсовалъ по карманамъ пачки кредитныхъ билетовъ. Затѣмъ бросился къ выходу. Но, въ то время, когда его ноги оттолкнулись отъ пола, чтобъ перебросить тѣло черезъ перегородку, онъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ его за брюки. И въ тотъ же моментъ раздался страшный, безумный крикъ.

Волосы Эрна поднялись дыбомъ; желая освободиться, онъ ударилъ изо всей силы по чему то мягкому. Дикій крикъ перешелъ въ вой.

И въ этотъ моментъ Эрнъ почувствовалъ, что погибъ.

Изъ дальней комнаты выскочила старуха. Визжа и причитая, она бросилась за Эрномъ, отворяющимъ выходную дверь. Нечаяннымъ дви-

женіемъ локтя онъ выбилъ стекло и поранилъ руку. Онъ былъ уже далеко, когда старуха, выбѣжавъ на улицу, огласила ее дикимъ визгомъ. Крича и захватывая на пути прохожихъ, захлебываясь и спотыкаясь, она бѣжала по тому направленію, куда слѣдовалъ потерявшій самообладаніе Эрнъ. Изъ его кармановъ падали завязанныя пачками деньги. Окровавленная его рука возбуждала всеобщее вниманіе и онъ, освѣщенный электрическими фонарями, мѣдно-чеканной луной, преслѣдуемый кричащей вдалекѣ толпой, походилъ на затравленнаго гончими звѣря. Онъ сознавалъ, что все кончено, но инстинктивно бѣжалъ впередъ, падая и задыхаясь. Встрѣчные его не задерживали. Видъ его возбуждалъ страхъ и ужасъ.

Вдругъ онъ остановился. Крики преслѣдующихъ сразу приблизились.

Онъ вспомнилъ о Вѣрѣ, о письмахъ, о томъ стыдѣ и горѣ, которые ее ожидаютъ...

И сразу, какъ-то странно преобразившись, онъ, удвоивъ силы, бросился всторону, къ черной, скудно освѣщенной набережной.

На широкой, быстро-текущей рѣкѣ, проходили, блестя разноцвѣтными огнями, баржи и пароходы. Полная луна лила блѣдный свѣтъ на чернѣющіе по ту сторону лѣса и играющія воды. Она освѣтила и Эрна, когда онъ, подбѣжавъ къ берегу, остановился на мгновеніе.

И среди каменныхъ складовъ и построекъ вдругъ раздался эхомъ приближающійся грозный шумъ.

Свистки полицейскихъ, крики мужскихъ и женскихъ голосовъ, топотъ бѣгущихъ ногъ:— все это неслось къ Эрну съ головокружительной быстротой.

Тогда онъ вошелъ какъ можно глубже въ воду и, вынувъ изъ кармана знакомый толстый конвертъ, поднесъ его окровавленной рукой къ сухимъ и искривленнымъ губамъ. И, размахнувшись, бросилъ его со всей силою.

Затѣмъ, повернувшись къ приближающейся и рокочущей толпѣ, онъ уже спокойно и равнодушно ждалъ, глядя передъ собой невидящими, мертвыми глазами.

О. Шведовъ.

ИЗЪ ПЕТРО КАРМАЙСКІЙ (XIX в.).

(Переводъ съ галиційскаго).

Когда въ замолкнувшемъ лѣсу алѣетъ листъ
лещины,
И иней серебритъ загонъ;
Когда на тонкихъ струнахъ паутины
Играетъ вѣтеръ пѣсню похоронъ:
То давитъ душу мнѣ въ сей часъ печальный
Рой призраковъ, друзей весны и силы,
Зовутъ, поютъ напѣвъ мнѣ погребальный,
Зовутъ къ забвенью смерти и могилы.
Туманъ усталости ложится мнѣ на очи,
Жизнь прожита, вся полная ненастья,
При свѣтѣ солнца день темнѣе ночи,
Прожиты годы, но ни часа счастья.
Послѣднимъ отблескомъ прощальнаго привѣта
Шлетъ солнца лучъ мнѣ скорбное сіянье,
Разбитъ мой щитъ и пѣснь о жизни спѣта,—
Все-жъ хочется и жизни, и страданья!

О'Ленкуръ.

СРЕДНЕВѢКОВЬЕ.

Въ опочивальнѣ — тишина,
Кинжалъ и крестъ — у изголовья,
Царевна спитъ совсѣмъ одна...
— Средневѣковье... —

Какъ будто крадутся шаги,
Подъ дверью шутъ задергалъ бровью:
«Шагъ короля или слуги?»...
— Средневѣковье... —

Неясный стонъ, чуть слышный плачъ,
А въ темной башнѣ пѣсня совья...
Чу! пробѣжалъ съ мѣшкомъ палачъ...
— Средневѣковье!..

На сердцѣ порванъ бѣлый лифъ,
Запечатлѣлась тайна кровью.
Царевны нѣтъ... царевна миѳъ
— Средневѣковье...

Надрывно шутъ рыдалъ въ углу,
Надъ невозможною любовью
И слезы уходили въ мглу
— Средневѣковья. —

Тамара Величковская.

* * *

Въ саду курился цвѣточный ладанъ,
Цвѣты качали колокола
Зачѣмъ такъ больно вопросъ мнѣ заданъ?
Зачѣмъ такъ колетъ его игла?

Въ саду подъ вечеръ — религіозно...
Онъ весь торжественъ какъ Божій храмъ.
... Вы здѣсь о счастьи молились слезно,
Роняли жемчугъ къ его ногамъ.

Но на вопросъ вашъ, такой печальный,
Ничѣмъ отвѣтить я не могла...
Струился ладанъ и погребально
Цвѣты качали колокола.

Людмила Галичъ.

ПРОЩАНІЕ.

Въ тотъ вечеръ воздухъ былъ прозрачно-
золотистъ,
И такъ по мирному синѣли дали,
И лишь воронки и шрапнелей свистъ
О чемъ-то грозномъ здѣсь напоминали.

Она мнѣ говорила — помню всѣ слова,
Но какъ-то до сихъ поръ не понимаю;
И закружилась странно голова
Когда она сказала: «уѣзжаю»...

А черезъ часъ была гроза и дикій бой:
Всѣ тучи сбились въ исполинской грудѣ,
Всю даль заволокло завѣсой дымовой —
Тамъ кровь лилась и гибли люди.

И я кричалъ слова командъ до хрипоты,
Съ проклятьемъ посылая вдаль шрапнели,
А въ сердцѣ плакали какія-то мечты,
И струны нѣжныя рыдали и звенѣли.

Георгій Саковичъ.

ВѢТЕРЪ.

Разгони, буйный вѣтеръ, кручину мою,
Разметай, разнеси мое горе.
Одинокій, какъ перстъ, предъ тобою стою,
И о помощи, дружбѣ тебя я молю,
О свободѣ, о дикомъ просторѣ.

Унеси меня, вѣтеръ, туда, далеко,
За моря, за поля, въ край далекій,
Гдѣ дышать такъ отрадно, и жить такъ легко;
Въ голубыхъ небесахъ, высоко, высоко,
Гдѣ паритъ лишь орелъ одинокій.

Закружи меня, вѣтеръ, что бъ въ вихрѣ твоемъ
Я забылъ бы житейское горе.
Ты зажги мое сердце желаннымъ огнемъ,
И съ собой унеси, что бъ съ тобою вдвоемъ,
Мы исчезли бъ въ лазурномъ просторѣ.

Алексъ.

* * *

„Любите враговъ своихъ". Боже!
Но если любовь не жива,
И если на вражескомъ ложѣ,
Невѣсты моей голова...

Иванъ Савичъ.

Іюльскій расплавленный день догоралъ.
Его, на покой, хоръ цикадъ провожалъ.
Бой конченъ, въ аккордахъ штыковъ и «ура».
Туманъ поднимался изъ плавень Днѣпра.
Лѣниво шуршалъ надъ рѣкою камышъ.
Покорно стоялъ предо мною латышъ.
Стоялъ распоясанъ... Безъ шапки... Босой...
Высокій, здоровый и складный такой.
Торчалъ на затылкѣ белесый вихоръ,
Въ зрачкахъ затаился невнятный укоръ.
Разстегнутый воротъ... Могучая грудь,
Казалось, старалась поглубже вздохнуть.
Предъ таинствомъ смерти безсильно поникъ.
Онъ понялъ — предъ нимъ неоплатный должникъ.
Холодный на лобъ его выступилъ потъ,
Двѣ складки обняли страдальчески ротъ.
Насъ съ нимъ раздѣляло всего шаговъ шесть.
По нервамъ расплылась холодная месть.
Безстрастно ему межъ бровей я глядѣлъ
И тихо подвелъ карабинъ на прицѣлъ.
Запомнилъ расширенный страхомъ зрачекъ
И плавно нажалъ смертоносный крючокъ.
Мой другъ нарѣзной мнѣ отвѣтилъ рывкомъ...
Упалъ неуклюже, убитый, ничкомъ;
И, точно стыдяся, прикрыла трава
То мѣсто, на немъ, гдѣ была голова.
А съ паромъ поднялася кровь изъ травы.
Плясали и пѣли надъ ней комары.
Суровъ и торжественъ былъ хороводъ,
Какъ будто онъ съ жизнью мирилъ эшафотъ.
Къ бедру прижимая рукою прикладъ,
Я шелъ утомленный. Не глядя назадъ.
Ужъ звѣзды мерцали. И мягкая мгла
На грѣшную землю, ласкаясь, легла.
Всю ненависть — горя великаго дочь.
Прохладнымъ покровомъ укутала ночь.
Такъ матери, въ дѣтствѣ далекомъ, ладонь
Бредоваго жара сгоняла огонь.

Владиміръ Самурай.

Объ эволюціи русскаго языка.

Въ прошломъ номерѣ „Взлетовъ“ была помѣщена статья, озаглавленная „О чистотѣ русскаго языка“. Авторъ выражетъ сожалѣніе о введеніи въ обиходъ рѣчи русскаго зарубежья иностранныхъ словъ и оборотовъ, а въ обиходъ рѣчи русскихъ людей, проживающихъ на совѣтской территоріи, новообразованныхъ словъ вродѣ „Колхозъ“. Заканчивается статья призывомъ беречь чистоту русскаго языка.

Мысли, выраженныя въ этой статьѣ, представляютъ весьма распространенное мнѣніе, принимаемое почти какъ аксіому. Однако вопросы, затронутые авторомъ, гораздо сложнѣе, чѣмъ это, быть можетъ, кажется на первый взглядъ. Въ чемъ, по существу, заключаются качество языка и его чистота? Должно ли какъ-то активно заботиться о сохраненіи этой чистоты? Постараемся найти отвѣты на эти вопросы въ исторіи русскаго языка, отъ его рожденія до нашихъ дней.

Опредѣлить болѣе или менѣе точно моментъ зарожденія какого бы то ни было языка едва ли возможно. Не только для древнихъ языковъ, происхожденіе которыхъ теряется на грани исторической и до-исторической эпохъ, но даже для языковъ современныхъ, произвольность датъ всегда бросается въ глаза.

Для французскаго языка, напримѣръ, датой рожденія считается IX-й вѣкъ и за первый памятникъ принимаютъ, такъ называемый «Serment de Strasbourg»*), написанный на языкѣ, лишь отдаленно напоминающемъ нынѣшній и, по существу, болѣе близкомъ латинскому. Точно также, первые письменные памятники русскаго языка — Лѣтопись Нестора, Завѣщаніе Ярослава Мудраго — написаны на языкѣ настолько отличномъ отъ настоящаго, что лишь знакомство съ церковно-славянскимъ языкомъ, весьма близкимъ древне-славянскому, позволяетъ намъ, хотя бы немного, его понимать. Однако опредѣленно разграничить русскій языкъ отъ славянскаго такъ же невозможно, какъ французскій отъ романскаго, нѣмецкій отъ древне-германскаго и т. д.

Постепенность измѣненій дѣлаетъ невозможной установку точныхъ границъ и опредѣленій и говоритъ о постоянной эволюціи языка.

Главнымъ двигателемъ, такъ сказать, побудителемъ этой эволюціи, основной причиной этого постояннаго движенія является несомнѣнно развитіе культуры, рождающей все новыя и новыя понятія и требующей для ихъ выраженія все болѣе и болѣе совершеннаго органа, которымъ является языкъ.

Если мы попытаемся перевести на древне-славянскій языкъ какое-нибудь современное произведеніе, то мы увидимъ, что намъ не хватаетъ доброй половины словъ. Передъ аналогичной задачей оказались «украинизаторы», пытавшіеся перевести на малорусскій языкъ, живущій лишь въ малокультурной части населенія, современныя литературныя и научныя произведенія.

Развитіе культуры требуетъ развитія языка.

Русскій языкъ, какъ и всѣ современные языки, развивался двумя путями: за счетъ иностранныхъ корней, готовыхъ словъ и оборотовъ, съ одной стороны, и за счетъ новообразованныхъ словъ и производныхъ отъ существовавшихъ корней, съ другой.

Общность корней въ языкахъ разныхъ народовъ объясняется часто общимъ происхожденіемъ: латинскій — для романской группы (французскій, итальянскій, испанскій), славянскій — для славянской группы (русскій, польскій, болгарскій, чешскій). Однако, большое количество общихъ корней явилось слѣдствіемъ сношеній между народами. Такимъ образомъ, попадали въ русскій языкъ, вѣроятно черезъ Византію, латинскіе корни, количество которыхъ гораздо больше, чѣмъ это принято думать: «Caesar» — дало «Царь», «socrus» дало «свекровь», «verto» — «вертѣть», «spina» — «спина», «video» — «видѣть» и т. д.

Интересно отмѣтить слово славянскаго или даже точнѣе скифскаго происхожденія, продѣлавшее обратный путь: «Слав» — дало въ латинскомъ языкѣ «slavus» (такъ называли плѣнниковъ-скифовъ, затѣмъ плѣнниковъ вообще и въ концѣ концовъ рабовъ) и позднѣе во французскомъ «esclave». Характерно также, что древне-русскому слову «броня» соотвѣтствуетъ во французскомъ языкѣ той же эпохи (X-й и XI-й вѣка), слово «broigne», также обозначавшее кольчугу. Это слово, такъ же, какъ и самую броню, занесли, вѣроятно, и во Францію и въ Россію, норманы.

Кіевская Русь, жадно впитывавшая византійскую культуру, внесла въ языкъ своего времени множество греческихъ корней и словъ — „порфира“, „хламида“, „скипетръ“, „монахъ“, „панихида“, „просфора“ и много другихъ словъ, главнымъ образомъ придворнаго и церковнаго обихода. Замѣчательно, что каждодневныя слова „кровать“ и „тетрадь“ — также греческаго происхожденія.

Языкъ, принимая въ свою среду большое количество новыхъ словъ, постепенно измѣнялся. Не всегда, однако, эта эволюція происходила равномѣрно. Въ опредѣленныя историческія эпохи языкъ подвергался измѣненіямъ и болѣе значительнымъ, и болѣе рѣзкимъ.

Нашествіе татаръ, наложившее отпечатокъ на всю русско-славянскую культуру, внесло огромное количество корней, чуждыхъ по существу славянскому языку. Замѣчательно, что зачастую введеніе новыхъ словъ совершенно не вызывалось необходимостью новаго понятія: „Лошадь“, „собака“, „нагайка“ появились несмотря на существованіе „коня“, „пса“ и „плети“. Несомнѣнно, что съ точки зрѣнія современниковъ, появленіе новыхъ словъ должно было являться своего рода потерей чистоты языка. Но для насъ, русскихъ людей XX-го вѣка, эти синонимы лишь увеличиваютъ богатство языка, позволяя давать различные оттѣнки каждому понятію. Къ тому же, всѣ слова иностраннаго происхожденія, попавшія въ русскій языкъ болѣе 2-3-хъ вѣковъ тому назадъ, уже утратили для насъ свою „иностранность“ и мы рѣдко отдаемъ себѣ отчетъ въ ихъ не-славянскомъ происхожденіи.

Въ эпоху Петра, западная культура, ворвавшаяся въ бытъ Московской Руси, внесла совершенно исключительное количество иностранныхъ словъ и оборотовъ. Русская рѣчь конца царствованія Петра представляла странную смѣсь старинаго языка съ множествомъ иностранныхъ словъ, большинство которыхъ не дожило до нашихъ дней.

— „Изъ сей дескрипціи результируетъ, что сія персона решпектабельностью не обладаетъ“.

Въ частности, военный и морской языкъ этого времени, болѣе чѣмъ на три четверти, состоялъ изъ иностранныхъ словъ.

Нашествіе „двунадесяти языковъ“, ввело въ обиходъ русской рѣчи большое количество словъ, происхожденіе которыхъ уже начинаетъ ускользать: Не всегда приходитъ въ голову, что „шерамыжникъ“ — это „chèr ami“, что „шваль“ это „cheval“ и т. д.

Но не одни только историческіе катаклизмы вводили рѣзкія измѣненія въ языкъ. Науки, приходившія изъ намъ, (такъ же какъ и ко всѣмъ современнымъ народамъ) на латинскомъ и греческомъ языкахъ, внося съ собой новыя понятія, вносили готовыя выраженія этихъ понятій: „Философія“ (фило — люблю, софія — мудрость), „логика“ (Логосъ — слово), „космографія“, „астрономія“, „исторія“, „литература“, „культура“, „интеллегентный“, „принципъ“, „музыка“, „театръ“, „драма“, „опера“ и множество другихъ.

Въ этомъ отношеніи XIX вѣкъ, вѣкъ развитія русской науки и русскаго искусства, особенно характеренъ. Введены были въ русскую рѣчь не только иностранные корни, но и иностранныя окончанія; „-антъ“, „-ентъ“, „-ура“, и даже иностранныя словообразованія: „предметъ“ — переводъ французскаго „ob-jet“.

Техническіе термины — также, почти исключительно иностраннаго происхожденія.

Другимъ путемъ эволюціи былъ путь самодовленія, развитіе за счетъ видоизмѣненія существующихъ словъ, и созданія новыхъ. Количество производныхъ является наиболѣе характерной чертой богатства русскаго языка: Отъ одного слова „дѣва“, мы производимъ: дѣвка, дѣвочка, дѣвчонка, дѣвица, дѣвушка, дѣвонька.

Другой, тоже весьма характерной чертой русскаго языка являются комбинированныя слова: тиходумъ, толстосумъ, горемыка и т. п. Замѣтимъ, что смыслъ двойного слова далеко не всегда является простымъ сочетаніемъ двухъ первоначальныхъ понятій.

Толстосумъ — не является просто человѣкомъ съ толстой сумой, а богачемъ.. — Въ этомъ характерное отличіе русскихъ комбинированныхъ словъ отъ нѣмецкихъ, гдѣ составленіе слова изъ нѣсколькихъ является по существу выпускомъ соединительныхъ предловъ.

*) Клятвенный договоръ, заключенный 15-го февраля 842 года между внуками Карла Великаго — Людовикомъ Германскимъ и Карломъ Лысымъ. Договоръ былъ записанъ и прочитанъ на двухъ языкахъ: на шюдескомъ, для солдатъ Людовика, и на романскомъ, для солдатъ Карла. Романскій текстъ считается первымъ памятникомъ французскаго языка: „Pro Deo amor et pro christian pablo et nostra commun salvament d'ist di en avant in quant Deus savir et podir me dunat, si salvarai co cist mon fradre Karlo et in adindha et in cadhuna cosa si cum om per dreit son fradre salvar dist“.

Языкъ служитъ для выраженія мысли. Естественно, что главнымъ качествомъ языка является способность точнаго выраженія понятій — то, что по настоящему можно назвать богатствомъ языка. Сравнивая русскій языкъ съ другими современными языками, легко отдаешь себѣ отчетъ, въ чемъ именно заключается его богатство. — Съ одной стороны, замѣчательный подборъ корней и еще болѣе замѣчательный выборъ префиксовъ и суффиксовъ для-формированія производныхъ, — съ другой стороны, — развитая почти до максимума грамматика, съ точной этимологіей и гибкимъ синтаксисомъ.

Несомнѣнной причиной такого замѣчательнаго развитія языка, отъ Лѣтописца Нестора до Тургенева и Толстого, является самая исторія Русской Націи:

Призваніе варяговъ и походы на Византію, набѣги хозаръ, печенѣговъ и половцевъ, нашествіе татаръ и завоеванія Казани, Астрахани и Сибири, Смутное время и реформы Петра, Отечественная война и покореніе Кавказа. — Географическое положеніе Россіи постав ло ее на грань Восточнаго и Западнаго міра. Исторически Россія долгое время была связана съ культурой Византіи. Съ Петромъ она вступила въ культурную жизнь Запада. Такимъ образомъ, на протяженіи вѣковъ Русскій языкъ развивался въ постоянномъ контактѣ съ языками самыхъ различныхъ группъ, черпая отъ нихъ все, что могло увеличить его богатство.

Эволюція языка, являясь живымъ отраженіемъ исторіи народа, останавливается лишь тогда, когда кончается исторія націи какъ таковой. Подобнаго рода переставшимъ эволюціонировать, „мертвымъ“ языкомъ, является латинскій, не измѣнившійся со времени смерти Рима.

Русская исторія не кончилась. — Катаклизмъ, переживаемый Россіей въ настоящій моментъ, несомнѣнно является однимъ изъ самыхъ крупныхъ въ ея исторіи. Не слѣдуетъ, однако, впадая въ эгоцентризмъ, предполагать, что настоящій моментъ исключителенъ и произвольно останавливать исторію на 1917-мъ году. Достаточно представить себя на мѣстѣ нашихъ предковъ, переживавшихъ Смутное Время или періодъ реформъ Петра Великаго, чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что нынѣшнія событія ое представляютъ изъ себя, въ историческомъ масштабѣ, ничего выходящаго изъ рамокъ и что и большевизмъ, и эмиграція лишь страницы въ будущемъ учебникѣ Русской Исторіи. Наши дни оставятъ несомнѣнно отпечатокъ на русскомъ языкѣ. Эмиграція, снова слившись съ русскимъ народомъ, внесетъ въ обиходъ русской рѣчи много новыхъ иностранныхъ корней. Слова, которыя сейчасъ намъ рѣжутъ ухо, ассимилируются, „обрусѣютъ“, и будутъ употребляться наряду съ другими словами иностраннаго происхожденія, уже пріобрѣтшими права гражданства и употребляемыми въ русскомъ языкѣ. „Аксиданъ“, по существу, ничѣмъ не хуже „авантюристъ“ и „примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи“ — является такимъ же грамматически чуждымъ построеніемъ, какъ и „взять“ трамвай.

Независимо отъ политической оцѣнки дѣяній теперешнихъ правителей Россіи, нельзя отрицать огромныхъ измѣненій, внесенныхъ въ бытъ народа. Новыя понятія внесли потребность въ новыхъ словахъ. Несомнѣнно русскій языкъ былъ бы въ состояніи дать этимъ новымъ понятіямъ опредѣленія многословныя, но громоздкость такого способа выраженія мысли очевидна. Путь, на который вступили въ совѣтской Россіи, а именно — созданіе новыхъ словъ изъ корней, входящихъ въ полное опредѣленіе понятія, не представляетъ изъ себя ничего непріемлемаго a priori. Дѣйствительно, подобнаго рода образованіе словъ существовало издавна въ русскомъ языкѣ: Воевода — *ведущій воевъ*, лежебока — *лежащій* на *боку*, водоросль — *растущее* въ *водѣ*. По этому же принципу образованны „Днѣпрострой“, „главковерхъ“, „совхозъ“ и т. п. Правда, что „колхозъ“ — „*коллективное хозяйство*“ группируетъ два корня разнаго происхожденія. Однако подобнаго же рода примѣры мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу: „виноградъ“ — отъ „vinum“ и „градъ“, „псевдоножка“ (у амёбы) — отъ „псевдо“ и „нога“.

Большое количество комбинированно-сокращенныхъ словъ, вызванное телеграфными условіями, появилось, къ тому же, еще въ военное, дореволюціонное время: Начдивъ, Генштабъ, Командармъ и т. д.

Замѣтимъ также, что большинство сокращенныхъ словъ совѣтскаго быта является изобрѣтеніемъ учрежденій: „Полпредство“, „Военсовѣтъ“, „Госторгъ“. Совершенно аналогичное

явленіе мы наблюдаемъ и въ другихъ странахъ, гдѣ почти всѣ крупныя предпріятія и учрежденія имѣютъ краткія названія — изъ инціаловъ или первыхъ слоговъ полнаго названія: „P. L. M.“, „S. D. N.“, „Als-Thom“ (Compagnie *Alsacienne et Thomson réunis*), „WEPI“ (Westinghouse Electric Products Incorporated), „Aero postal“ и т. п.

Каждое новое слово вызывается какой-то необходимостью или, по крайней мѣрѣ, вноситъ какое-то удобство и такимъ образомъ увеличиваетъ богатство языка. Однако... много званныхъ, но мало избранныхъ. Не всѣ иностранныя слова и не всѣ новыя слова внутренняго образованія (кстати сказать, въ учебникахъ русской словесности именуемыя варваризмами и неологизмами — словами иностраннаго происхожденія и образованія) прививаются языку, „принимаются“ на его почвѣ.

Для того, чтобы стать русскимъ, получить права гражданства, слово должно обработаться, должно подчиниться правиламъ грамматики. Необходимо также, чтобы звуковой комплексъ слова переставалъ быть диссонансомъ; — ухо должно привыкнуть къ новому слову.

Для того, чтобы слиться съ гармоніей языка, слово должно быть настроено на тотъ же ладъ.

Далеко не всѣ слова выдерживаютъ эту обработку, длящуюся не мѣсяцы и не годы, а десятки лѣтъ. Все ненужное, неподходящее, противное логикѣ и гармоніи языка, отпадаетъ. Изъ иностранныхъ словъ, введенныхъ съ реформами Петровской эпохи, большая часть осталась за бортомъ, будучи замѣнена русскими неологизмами. „Особа“ — замѣнила „персону“, „почтеніе“ — „решпектабельность“ и т. д. — Точно также жаргонъ русской эмиграціи и совѣтскаго быта не войдутъ цѣликомъ въ русскій языкъ. Произойдетъ подборъ, останутся слова, въ которыхъ есть нужда, останутся, быть можетъ, нѣкоторыя удобныя формы мысли. Предрѣшать намъ сейчасъ незозможно, да и не нужно.

Жизнеспособность слова явится, какъ и являлась до сихъ поръ лучшимъ критеріемъ его пріемлемости.

Будущее русскаго языка тѣсно связано съ будущимъ всего русскаго народа. Катаклизмъ, переживаемый нами, не первый и, вѣроятно не послѣдній въ Исторіи Государства Россійскаго.

Не въ первый разъ подвергается русскій языкъ вліяніямъ контакта иностранной рѣчи и переворотовъ внутренняго быта, черпая все полезное для своего развитія и откидывая все непригодное. Мы можемъ быть спокойны: Мощность русскаго языка позволяетъ ему не нуждаться въ нашихъ заботахъ. Какъ сказалъ Тургеневъ — въ трудную минуту жизни онъ самъ явится нашей поддержкой и опорой.

Опасаться за будущее русскаго языка — это опасаться за будущее Русской культуры, за будущее Русской націи. Ал. Толстой, устами Владиміра Святого, говоритъ о будущемъ Руси и Русской культуры:

„...А если бъ надъ нею бѣда и стряслась
Потомки бѣду перемогутъ“.

Будемъ вѣрить въ пророческую правдивость этихъ словъ.

Вл. Гюльцгофъ.

ЛИСТОПАДЪ.

И ясныхъ зорь осенняя прозрачность
Мнѣ говоритъ о счастьѣ неземномъ.

Осенникъ дней, былыхъ печалей
Сегодня память смятена
И я съ невидимыхъ скрижалей
Читаю тихо имена.

Плодовъ душистыхъ винограда
Румяныхъ, нѣжныхъ, золотыхъ,
Забытый вкусъ я вспомнить рада —
Эмблему радостей простыхъ.

И каждый день въ холмистой дали,
У моря, гдѣ безкрайный лѣсъ, —
Мечты задумчиво искали
И ясность сердца и небесъ.

Уходитъ жизнь, прозрачны тѣни
И невозвратенъ каждый сонъ.
Не плачь, мы станемъ на колѣни
И будемъ слушать тихій звонъ.

И я скажу на зовъ привѣтный:
„Не тронь, душа быть можетъ спитъ...“
А шепотъ листьевъ разноцвѣтный
О мертвомъ счастьѣ говоритъ.

В. Романовичъ.

* * *

Мыслей нарушенъ покой:
Ихъ бѣлоснѣжную нить
Такъ загрязнить, зачернить
Кто смѣлъ нечистой рукой?
Дьявольской или людской?

Мысли сомнѣній полны:
Властвуетъ мракъ Сатаны.
Еле мерцаютъ въ ночи
Блики пречистой свѣчи —
Сны синеокой весны.

Власть эта — злая напасть,
Страшно въ ненастье упасть,
Жутко — куда-бъ ни пойти
Всюду найти на пути
Пропасти жадную пасть.

Владиміръ Синій.

* * *

Вѣчной и спокойной ночи
Пожелаю я тебѣ, мой другъ:
Вѣдь твой саванъ бѣлый — не замочитъ
Моихъ глазъ мучительный испугъ...

Не заплачу; только развѣ,
Когда тѣло въ крематоріи сожгутъ,
Унесу твой пепелъ въ черной вазѣ:
Чтобъ всегда онъ былъ со мною тутъ;

Чтобы къ цѣломудренному изголовью
Ты бы, — примиренный пилигримъ,
Приходилъ, съ нездѣшнею любовью:
Былъ бы стражемъ вѣрности моимъ...

В. Ольденборгеръ.

КНИГИ ПРИСЛАННЫЯ ДЛЯ ОТЗЫВА

ЗАВТРА — *Ежемѣсячникъ утвержденцевъ* (№№ 1 и 3).

Полная аполитичность нашего журнала — чисто литературнаго и совершенно независимаго — не позволяетъ намъ заняться ни критикой самой идеи, или вѣрнѣе идей „утвержденцевъ", ни даже критикой по существу содержанія присланныхъ номеровъ.

И все-таки хочется привѣтствовать объединеніе молодыхъ силъ Зарубежья — тѣмъ сильнѣе, чѣмъ шире платформа, чѣмъ меньше сектантства, чѣмъ меньше ненависти.

Повторяю — мы привѣтствуемъ не новую политическую партію или даже „политико-идеологическое объединительное движеніе". Мы привѣтствуемъ, и всегда будемъ привѣтствовать всякое *идейное* объединеніе молодежи — сыновей вѣчно ссорящихся отцовъ.

Поставить Идею много выше личныхъ и даже корпоративныхъ интересовъ является необходимымъ условіемъ жизнеспособности всякаго широкаго объединительнаго движенія. Окажется ли возможнымъ преодолѣть центробѣжную силу розни — до сихъ поръ убивавшую всякую попытку объединенія — покажетъ завтра.

Завтра... Претендовать на знаніе будущаго нельзя, но „Завтра" будетъ и объ этомъ надо помнить и къ этому „завтра" какъ-то готовиться, ибо для насъ, молодежи:

„...въ этомъ „Завтра" нашъ порывъ, наша цѣль, наша вѣра безмѣрная".

ДЕНЬ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Единственный разъ въ году, когда русскіе люди, безъ различія своихъ политическихъ и религіозныхъ вѣрованій, собираются дружно вмѣстѣ.

Большой залъ Hôtel Europe переполненъ. Русская ліонская колонія представлена многолико. Выработанная умѣло программа, имена извѣстныхъ артистокъ и артистовъ, пробуждаютъ въ русскихъ людяхъ чувство національной гордости и сплоченности.

Въ 15 часовъ предсѣдатель Эмигрантскаго Комитета г. Клуссиншъ, по-русски и по-французски, объясняетъ цѣль настоящаго дня, посвященнаго памяти И. Тургенева. Г. Бѣлоцерковскій блестяще говоритъ о Тургеневѣ, о его біографіи и творчествѣ. Этимъ официальная часть заканчивается.

Концертная программа начинается выступленіемъ баритона Русской Парижской Оперы, любимца ліонской публики Браминова. Арія Шакловитаго бисируется. Голосъ артиста заполняетъ залъ.

Извѣстный гармонистъ Игнатьевъ, какъ всегда, увлекаетъ родными мелодіями очарованныхъ слушателей. Г-жу Семенову, въ ея цыганскомъ репертуарѣ, долго не отпускаютъ.

И наконецъ, долгожданный Павелъ Троицкій. Дружные апплодисменты и смѣхъ искренній и возбужденный. Мѣткія слова и безподобная мимика повергаетъ весь залъ въ гомерическій хохотъ. Троицкаго вызываютъ и вызываютъ...

Въ 21 часъ начинается балъ. Дружный натискъ на буфетъ, по доброму совѣту Павла Троицкаго, дастъ всякую возможность предполагать, что помощь безработнымъ и инвалидамъ осуществится въ полной мѣрѣ.

Танцуютъ до полуночи.

Х.

Отъ Комитета помощи безработн. Русскимъ въ Ліонѣ

Комитетъ помощи Русскимъ безработнымъ въ гор. Ліонѣ убѣдительнѣйше проситъ всѣхъ лицъ сочувствующихъ дѣятельности Комитета, напрячь усилія по сбору пожертвованій въ пользу безработныхъ, продавая талоны по «1 франку въ пользу безработныхъ» которые можно получать у казначея Комитета капитана Болтухина, 33, rue Edouard Vailland, Villeurbonne.

Въ настоящее время матеріальное положеніе Комитета не блестяще, т. к. приходится выдавать средства не только на ночлегъ и ѣду безработнымъ, но и оказывать поддержку на проѣздъ до мѣста работы и для полученія carte d'idantité.

Каждый Русскій человѣкъ, обязанъ откликнуться на призывъ Комитета о помощи безработнымъ, т. к. многіе безработные безъ поддержки самихъ Русскихъ, обречены на голодъ. **Пріемъ пожертвованій во всѣхъ Церквахъ и Русскихъ организаціяхъ г. Ліона.**

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ и БИБЛІОТЕКА
„КУЛЬТУРА"
ЛІОНЪ, 70-72, rue Rabelais
ВСѢ НОВИНКИ КНИЖНАГО РЫНКА.
УЧЕБНИКИ, НОТЫ, ОТКРЫТКИ и ГРАВЮРЫ.
ДѢТСКІЯ и НАУЧНЫЯ КНИГИ, ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ. МАРКИ ДЛЯ КОЛЛЕКЦІЙ. ИКОНЫ. НАТѢЛЬНЫЕ КРЕСТИКИ.
Библіотека безпрерырно пополняется всѣми новинками.

ЧИТАЙТЕ ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ БЮРО РУССКИХЪ ТРУДЯЩИХСЯ ХРИСТІАНЪ
„НОВЫЙ ПУТЬ"
Редакція и контора:
GENÈVE, 33, CHEMIN MIREMONT
Годовая подписка (12 номеровъ — во Франціи — 5 фр.) и отдѣльные номера у всѣхъ мѣстныхъ представителей Б. Р. Т. Х.
Въ Ліонѣ: Mr KHOROMANSKY, 44, rue Crillon

Кооператоры!
Если вы озабочены помѣщеніемъ Вашей свободной наличности съ тѣмъ, чтобы одновременно, получая значительную пользу, имѣть полную и серьезную гарантію въ будущемъ, Вы безъ сомнѣнія поймете, что Вамъ слѣдуетъ довѣрить свои сбереженія
КООПЕРАТИВНОМУ БАНКУ ФРАНЦІИ
BANQUE DES COOPÉRATIVES DE FRANCE
Siège Social à Paris, 31, rue de Provence
AGENCE RÉGIONALE: 65, Avenue Jean Jaures, LYON
Tél.: Parmentier 17.88 ■ R. C. 6428 ■ Chèques post. 3.87 Lyon
Единственное Кредитное Учрежденіе, спеціально созданное кооператорами Франціи въ цѣляхъ содѣйствія кооперативнымъ обществамъ, защиты ихъ интересовъ и развитія кооперацiи во Франціи.
Производимъ всякія банковскія операціи. Вклады до востребованія. Вклады на срокъ. Текущія счета. Храненіе цѣнныхъ бумагъ. Провѣрка тиражей. Оплата всякихъ купоновъ. Всевозможныя биржевыя операціи. Размѣнъ, регумеризація цѣнныхъ бумагъ. Подписка на займы.

РАЗМѢРЫ ПРОЦЕНТОВЪ:

Вклады до востребованія	
„ на срокъ 1 годъ	3,25 %
„ „ 2 года	4,75 %
„ „ 5 лѣтъ	5 %
По текущему счету	5,25 %
	2,75 %

Денежн. переводы въ Россію черезъ Торгсин
Стоимость переводовъ: 10 фр. за кажд. переводъ.

Электрическія установки
T. S. F.
Р. ДВОСКИНЪ
106, Bd des Belges, LYON
Телефонъ: Lalande 42-77.
По предъявленію этого объявленія 5% скидки.

ПЛАСТИНКИ
РУССКІЯ, УКРАИНСКІЯ, ПОЛЬСКІЯ
ПЛАСТИНКИ въ гор. Ліонѣ
Maison GONET
75, PASSAGE DE L'ARGUE
(около Place de la République)
ГРАММОФОНЫ всѣхъ марокъ. ГИТАРЫ. МАНДОЛИНЫ итальянскія. БАЛАЛАЙКИ. ДОМБРЫ. БАНЖО. Гавайскія ГИТАРЫ. ГАРМОНИКИ итальянскія хроматическія. ПІАНИНО. ЖАЗЗЪ полный отъ **350** фр.
РУССКІЯ НОТЫ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
подержанныхъ ПІАНИНО отъ **550** фр.
Всѣмъ читателямъ „ВЗЛЕТОВЪ" скидка 5%
ПРОДАЖА ВЪ КРЕДИТЪ.
Магазинъ открытъ по воскр. и праздн. днямъ

HOOVER INSTITUTION

БАКАЛЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ
РУССКІЕ ПИЩЕВЫЕ ПРОДУКТЫ
P. CHATANAI
142, rue de Créqui. LYON

Всѣ крупы. Малосольные огурцы. Королевскія сельди. Балыкъ. Икра. Грибы сух. Халва. Всѣ рус. консервы ЧАЙ Высоцкаго и Ко. — Кузмичева и Ко. Гильзы для папиросъ и т. д.

Цѣны умѣренныя.

ЕСТОРАНЪ „ЛИРА"
МАЧАБЕЛЛИ (хозяинъ)

14, rue Voltaire, 14. Lyon

ОБѢДЫ и УЖИНЫ отъ **3** *фр.* **50** *с. съ хлѣбомъ до* **25** *фр. съ персоны.*

По субботамъ и воскресеньямъ **МУЗЫКА**

Отдѣльное помѣщеніе для собраній.

I. КАЙШІАНЪ

Покупайте свѣжіе русскіе продукты по дешевой цѣнѣ въ моемъ

БАКАЛЕЙНО-МЕЛОЧНОМЪ МАГАЗИНѢ
150, rue Moncey. 150

РАЗНАЯ ВОДКА, ЛИКЕРЫ, ЧАЙ КУЗМва, КОРОЛЕВСКІЯ СЕЛЬДИ, ШПРОТЫ, ХАЛВА, РАХАТЪ - ЛУКУМЪ, ОГУРЦЫ и т. д.

Борисъ Поляковъ

150, RUE GARIBALDI, 150
(Между Cours Lafayette и rue Moncey)

Для Вашихъ электрическихъ проводокъ и постовъ **T. S. F.**

будетъ

СПЕЦІАЛЬНАЯ ЦѢНА

Русская Библіотека
3, Cours Gambe Ha — Входъ черезъ кафэ

Открыта по средамъ и субботамъ 8 - 10 ч. в.
ПЛАТА: отъ 5 фр. въ мѣсяцъ ▲ ▲ ▲
Больш. выборъ класс. и совѣтск. литературы.

Дипломированный ПОРТНОЙ для мужчинъ и дамъ

J. ZAROUKIAN ЗАРУКІАНЪ

10, rue François Garcin, Lyon

Костюмы, пальто передѣлка по мѣркѣ

ЦѢНЫ: начиная съ 275 фр. — пальто и 325 фр. — костюмъ.
Для читателей жирнала „ВЗЛЕТЫ" 5% скидка.

Ресторанъ „МОДЕРНЪ"

КУХНЯ ПОДЪ РУКОВОЕСТВОМЪ ИЗВѢСТНАГО ПОВАРА

РУССКІЙ БИЛЛІАРДЪ

ВОДКА, ВИНО И ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ СО ЛЬДА

„ВЗЛЕТЫ"

Единственный въ г. Ліонѣ періодическій журналъ литературн. кружка

ПРИНИМАЮТСЯ:
РУКОПИСИ ПО ОТДѢЛАМЪ: литературному, художественному, научному и критики.
ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Матеріалы направлять:
Редактору В. Ольденборгеръ,
3, rue Villeroy; LYON.

Авторовъ рукописей просятъ прилагать марку на отвѣтъ.

Продажа журнала: въ книжномъ магазинѣ „КУЛЬТУРА" и въ ресторанахъ.

2920 Imprimerie E. GELEZNIAKOFF, 51, rue Van Campenhout, Bruxelles N.-E (Belgique) Téléphone 33.20.50

ВЗЛЕТЫ
LES ELANS

НЕЗАВИСИМЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
В. ОЛЬДЕНБОРГЕРА
21, RUE PAUL BERT, LYON

№ 4
ДЕКАБРЬ 1933 г.

ЦѢНА НОМЕРА ВО ФРАНЦІИ
2 фр. 50 сант.

РЕДКОЛЛЕГІЯ

журнала „Взлеты" доводитъ до свѣдѣнія читателей, что съ 1-го номера 1934 года журналъ будетъ иллюстрироваться.

Редколлегія оставляетъ за собой право сокращать и исправлять принятыя рукописи; статьи дискуссіоннаго характера она помѣщаетъ полностью не беря на себя никакой отвѣтственности.

□

„ВЗЛЕТЫ"

Единственный въ г. Ліонѣ

Литературно-Художественный журналъ

ПРИНИМАЮТСЯ:

РУКОПИСИ ПО ОТДѢЛАМЪ: литературному, художественному, научному и критики.

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:
W. Oldenborguer, 21, rue Paul-Bert, Lyon
Телефонъ: **Volkov, Villeurbanne 39-13**

Авторовъ рукописей просятъ прилагать марку на отвѣтъ.

Продажа журнала: въ книжномъ магазинѣ „КУЛЬТУРА" и въ ресторанахъ.

□

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

ВЪ ПАРИЖѢ:
Mr W. Gultzgoff, 21, rue des Dames, Paris (17)

ВЪ ГРЕНОБЛѢ и РИВѢ:
Mr V. Doubrevsky, Château de l'Orgère Rives (Isère)

ВЪ БЕЛЬФОРѢ:
Mr Koulikoff, 80, Avenue Jean Jaures, Belfort

Тарифъ объявленій:

	1 разъ	2 раза	3 раза	4 раза	5 разъ	6 разъ
1 стр.	140	250	365	475	590	700
1/2 „	75	135	195	255	315	375
1/4 „	40	70	105	135	170	200
1/8 „	25	45	65	85	105	125
1/12 „	15	27	39	51	63	75

Читайте И. БУНИНА

Русской Библіотекѣ

въ 3, Cours Gambetta

Входъ черезъ кафэ

Открыта по средамъ и субботамъ 8-10 ч. в.

ПЛАТА: отъ 5 фр. въ мѣсяцъ ▲ ▲ ▲

Больш. выборъ класс. и совѣтск. литературы.

ЛОТЕРЕЯ

Е. И. В. Великой Княгини Елены Владиміровны

Распоряженіемъ Мин. Фин. отъ 15 мая с. г. разрѣшена ЛОТЕРЕЯ въ пользу Русскаго Дѣтскаго Пріюта въ С.-Жерменѣ и Дома для престарѣлыхъ на Югѣ Франціи,

находящагося подъ покровительствомъ Е. И. В. Великой Княгини Елены Владиміровны.

Главные выигрыши: **Брилліантъ отъ Картье**, стоимостью въ **35.000** франковъ.

(По желанію выигравшаго можетъ быть обмѣненъ на деньги).

Автомобили и болѣе 1000 предметовъ, пожертвованныхъ лучшими магазинами Парижа.

Билеты по **2** франка.

Въ ЛІОНѢ билеты продаются: въ Русскихъ ресторанахъ, книжномъ магазинѣ „Культура", писчебумажномъ магазинѣ, 47, rue de Bonnel и въ другихъ мѣстахъ. О днѣ и мѣстѣ тиража будетъ объявлено особо такъ же, какъ и номера выигравшихъ билетовъ будутъ опубликованы.

Принимается подписка на 1934-й годъ

НА 2-хъ НЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

Органъ Союза Младороссовъ во Франціи

„Младоросская Искра"

„ETINCELLE RUSSE", 6, rue St Lambert, PARIS 15e

Цѣна № во Франціи 50 сант.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 6 мѣс. — 5 фр. (12 №№)
1 годъ — 10 фр. (24 №№)

ЗА-ГРАНИЦЕЙ: 6 мѣс. — $ 0.50 (амер. долл.)
1 годъ — $ 1.00

ВЪ ГЕРМАНІИ, АВСТРІИ и ВЕНГРІИ:
6 мѣс. — 2 герм. марки
1 годъ — 4 „ „

Продажа въ ЛІОНѢ: у Вас. Ст. ПЛАКСИНА
146, Cours Tolstoï, LYON-Villeurbanne
и въ книжн. маг. „La Culture", 70, rue Rabelais, Lyon

Дѣтская Четверговая Школа въ Ліонѣ

для дѣвочекъ и мальчиковъ отъ 5 до 15 лѣтъ

при „Младоросскомъ Домѣ", 146, Cours Tolstoï, во дворѣ

производятся занятія, подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ, по Закону Божьему, Русскому Языку, Исторіи и Географіи Россіи, музыкѣ, пѣнію и иностраннымъ языкамъ.

За справками обращ. въ МЛАДОРОССКІЙ ДОМЪ, къ старшинѣ

Съ Новымъ Годомъ!

... Съ новымъ счастьемъ.

Въ этотъ день глубокій смыслъ этого пожеланія говоритъ всѣмъ о движеніи жизни: въ Новомъ году есть мѣсто только новому счастью; ощутитъ его лишь обновленная душа.

Время идетъ и ничто не остановитъ его... И какъ бы ни было прекрасно прошлое, какъ бы ни стремились мы къ старому счастью, — не въ нашей власти вернуть назадъ ни вѣкъ, ни секунду. Быть можетъ возвратится вѣтеръ на круги свои — но на старомъ мѣстѣ найдетъ новые побѣги... Невозвратность прошлаго — самая страшная трагедія человѣческаго существованія. Въ движеніи же впередъ, въ постоянномъ возрожденіи въ новыхъ формахъ — новое счастье Будущаго.

Радость бытія въ вѣчномъ обновленіи и благо тому, кто можетъ и хочетъ быть молодымъ, чья вѣчно юная душа готова къ причастію этого счастья.

Среди множества, набѣгающихъ какъ волны, идей, есть одна, возвращающаяся снова и снова — самая древняя и самая свѣжая и юная. Это идея красоты, идея стремленія ввысь — идея, дающая вѣчно новую радость.

Въ день Новаго Года — предтечи Новой Весны, мы хотимъ подѣлиться съ тѣми, кто читаетъ эти строки счастьемъ, которое дала намъ она.

И мы зовемъ за собой всѣхъ... всѣхъ кто еще не примерзъ къ холодной землѣ, зовемъ хоть на время туда, гдѣ сквозь разорванный, сѣрый куполъ будней, видно синее небо вѣчно НОВАГО СЧАСТЬЯ.

ВЗЛЕТЫ.

СВЕРШИЛОСЬ

Одинъ, безъ дорогъ, по болотамъ,
Облитый смертельнымъ потомъ,
Шагаю въ лѣсной глуши...
Въ рукахъ — свѣча
Четверговая,
Тоска на плечахъ
Стопудовая —
Не видно живой души.

Вѣтеръ, добренькій вѣтеръ!
Развѣ мало на свѣтѣ
Мѣста?
Лѣсъ-то
Обойди хоть,
Лѣсъ и болоть.
Даже и здѣсь
Дуй во весь
Духъ.
Только не тронь
Святой огонь.

Отъ суда до суда
Шагаю, шагаю...
Болотамъ — ни конца, ни края.
Не блеснетъ нигдѣ живая вода!
Два дня идти
И три ночи.
Лишь бы стало мочи,
Лишь бы свѣчу донести.

Ой, трудно, трудно мнѣ!
Что ни шагъ — то увязъ.
Неужели къ заутренѣ
Не сподобитъ Спасъ?

Крикъ!
Съ вечера слышу надъ лѣсомъ,
Голосъ Человѣка-Двери.
Ему вѣрю
Желѣзомъ
Моихъ стопудовыхъ веригъ.

Вторая ночь — чернымъ-черно
Отъ земли до неба.
Скверно!
Мнѣ бы
Не споткнуться бы.
Каждый корень — врагъ,
Тверже, тверже шагъ.
Ахъ!
Черный страхъ.

Послѣдняя ночь труднѣе всѣхъ:
Вопьется въ душу смрадный грѣхъ
И злая жуть
Покроетъ путь
Огнями дьявольскихъ вѣхъ.

Я-ли, — кого — боюсь?
Прочь, трясинная гнусь!
Нечистая сила, сгинь!

Одинъ, безъ дорогъ, по болотамъ,
Облитый смертельнымъ потомъ,
Шагаю въ туманную синь.

Владимiръ Синiй.

ANNIE.

Вотъ вы, господа, говорите о женской красотѣ; правда, это великая вещь, но въ чемъ именно она заключается — Богъ ее знаетъ! — Читалъ: выбираютъ теперь самую красивую дѣвушку въ государствѣ и потомъ изъ этихъ красавицъ выбираютъ красивѣйшую — miss Европу. Все это очень хорошо, конечно, а вотъ бываютъ въ жизни случаи, когда только руками разведешь. Да вотъ послушайте! — Въ то время задумалъ я писать картину и, какъ всегда, увлекся этой идеей до ненормальности. Жилъ я тогда въ Ліонѣ. — Городъ старинный, мрачный. Часть города возлѣ церкви „ Фурвьеръ “ всѣмъ средневѣковьемъ отдаетъ. И вотъ тутъ-то, среди этихъ черно-коричневыхъ развалинъ и возродилась моя мысль о картинѣ. Я ее долго, тщательно обдумывалъ и когда смогъ съ закрытыми глазами представлять ее моему умственному взору — началъ писать этюды.

Есть въ Ліонѣ,возлѣ вокзала Святого Павла, домъ Генриха IV-го. Башенка полуразвалившаяся торчитъ наверху, старыя, старыя оконныя амбразуры пугаютъ чернымъ проваломъ, а внизу ворота, вдѣланные въ землянной валъ, древнѣе древности. Очаровалъ меня совершенно этотъ нѣмой свидѣтель минувшихъ вѣковъ и я, полный творческаго жара, принялся за работу. Съ этюдами дѣло пошло хорошо, нѣсколько набросковъ были на рѣдкость удачны: съ полотна, чуть-чуть подновленный, но, пожалуй, еще болѣе мрачный, смотрѣлъ на меня темными окнами Maison Henri IV. Вдохновенье мнѣ помогло придать суровое и жуткое „выраженіе“ зданію. Я, понимающій языкъ развалинъ, читалъ цѣлую жуткую повѣсть о суровыхъ, непреклонныхъ нравахъ, о чудовищныхъ пыткахъ, о стонахъ и звонѣ цѣпей глухихъ подземелій — въ строгихъ, простыхъ линіяхъ зданія. Мнѣ хотѣлось все это передать на полотнѣ, со всей неумолимой правдивостью и сдѣлать это фономъ для портрета — увы, не страшнаго лица инквизитора, не лица древней старухи, олицетворяющей ушедшій въ мглу, жестокій вѣкъ, не лица сіяющей красавицы, а лица простого и свѣтлаго, „ солнечнаго “ лица молоденькой дѣвушки. Я его представлялъ себѣ такъ ясно: свѣтлая нѣжность овала, дѣтское выраженіе ясныхъ глазъ, а въ наклонѣ головы и углахъ губъ та неуловимая, прелестная женственность, которая проскальзываетъ на старинныхъ портретахъ королевъ и изображеніяхъ Мадоннъ. Лицо не должно быть прекраснымъ, о нѣтъ! Но юность и свѣжесть утренней росинки должны поражать глазъ. А главное „солнечность“, „солнечность“!

Я видѣлъ это лицо ясно въ своемъ воображеніи, но передать на полотно жизненность и женственность этого образа я не могъ. Сдѣлалъ нѣсколько этюдовъ и остался недоволенъ, не то, не то и не то... Исканія эти меня мучили долго и свирѣпо и навѣрное долго бы еще промучали, если бы мнѣ не помогъ случай. Въ то время я велъ жизнь очень замкнутую, почти нигдѣ не бывалъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ коллегъ по искусству, да изрѣдка въ театрѣ. Среди друзей, навѣщавшихъ изрѣдка меня, былъ одинъ молодой русскій художникъ, успѣвшій, несмотря на молодые годы, пріобрѣсти извѣстность и даже славу. Извѣстны были его очаровательныя „nues“, которыхъ онъ писалъ съ самыхъ красивыхъ женщинъ въ мірѣ богемы. Онъ всегда искалъ совершенство линій, но, увы, или дѣлалъ видъ, или на самомъ дѣлѣ не былъ удовлетворенъ своими хорошенькими натурщицами, которыя, къ слову сказать, были и страстными его поклонницами. Считался онъ очень красивымъ, да и правда, былъ очень хорошъ замѣтной, южной красотой.

Вотъ къ нему-то, какъ къ знатоку женскихъ лицъ, я и обратился со своими невзгодами. Онъ предложилъ мнѣ цѣлую кипу фотографій „ звѣздъ“ синема и music-holl'ей, съ которыми онъ былъ знакомъ. Назвалъ одно извѣстное имя танцовщицы, которую за наивность лица называли „baby“. Но нѣтъ! Развѣ есть что-нибудь общее у этой глуповатой, красивой женщины съ тѣмъ тонкимъ образомъ, который я искалъ. Я не нашелъ ничего подходящаго въ его коллекціи и онъ, пожавъ плечами, собралъ фотографіи съ пылкими надписями и пообѣщалъ поискать то, что мнѣ нужно...

И вотъ, потянулись дни безплодныхъ исканій, безнадежныхъ всгрѣчъ и снова попытокъ, попытокъ безъ результата.

Я, какъ полупомѣшанный, слонялся по улицамъ, заходилъ въ рестораны, въ церкви, въ кабачки, въ музеи... Однажды забрелъ, въ поискахъ идеала, въ такую улицу, изъ которой постыдно бѣжалъ, потерявъ по дорогѣ альбомъ для этюдовъ и палку. „Красавицы“ изъ каж-

даго окна и двери глазѣли и заговаривали со мной, несмотря на мой довольно преклонный возрастъ и далеко не веселящійся видъ.

Какъ-то въ одинъ солнечный день (что довольно рѣдкое явленіе въ Ліонѣ), я зашелъ въ скверикъ, по которому можно подняться къ подножію церкви „Фурвьеръ". Много зелени, изрѣдка скамеечки и бѣлые памятники съ барельефами, изображающими сцену изъ жизни какого-нибудь святого. Мнѣ понравился одинъ солнечный просвѣтъ, гдѣ сквозь темные кусты просвѣчивали очертанія черно-бѣлой церкви съ кусочкомъ ярко-голубого неба наверху. Весь фонъ какъ будто бы былъ нарисованъ сепіей.

Какъ разъ напротивъ находилась скамеечка, на которой сидѣла какая-то женская фигурка. Я подсѣлъ и, доставъ альбомъ для набросковъ, сталъ зарисовывать славный уголокъ.

На сосѣдку свою я не обратилъ вниманія, но чувствовалъ, что она изрѣдка, украдкой, поглядываетъ на мой рисунокъ. Когда я случайно взглянулъ въ ея сторону, то увидѣлъ молодой розовый подбородокъ, видный изъ-подъ полей большой шляпы и чуть тронутыя карминомъ губы. Она что-то читала и только изрѣдка поднимала голову, когда переворачивала страницу. Встрѣтивъ ея глаза, я съ удовольствіемъ отмѣтилъ красивый сѣро-голубой цвѣтъ ея глазъ. Красивымъ лицо моей сосѣдки нельзя было назвать; много неправильностей: маленькое личико съ очень большимъ лбомъ, что нельзя было скрыть даже низко надвинутой шляпой. Въ углахъ губъ и линіяхъ около носа — что-то строгое, даже немножко злое... Я опять перевелъ глаза на свой рисунокъ. Онъ былъ почти оконченъ — нѣсколько штриховъ на колоннахъ и потомъ вотъ этотъ пышный кустъ. И вотъ тутъ случилась маленькая исторія, которая мнѣ впослѣдствіи такъ помогла. Какъ я уже говорилъ, день былъ чудесный, солнечный и теплый. Масса маленькихъ жизней копошилась среди зелени и радовалась солнцу. Жужжали и вились маленькія мошки; комары пользовались случаемъ полакомиться и немилосердно жалили. Въ кустахъ все возилось и звенѣло — пичужки чирикали и носились въ воздухѣ. И вотъ одна изъ нихъ, съ озабоченнымъ видомъ несшая въ клювѣ какую-то крошку, вдругъ, повидимому замѣтивъ ошибку въ моемъ рисункѣ, рѣшила исправить ее и сдѣлала это, надо сказать, преоригинальнымъ способомъ. Рисунокъ мой внезапно украсился порядочнымъ пятномъ и, случайно, это вышло какъ разъ наверху колонны, въ видѣ вѣнца увѣнчавшаго ее...

Я, отъ неожиданности, даже слегка вскрикнулъ, а сосѣдка моя не смогла удержать молодого смѣха и звонко разсмѣялась. И вотъ, когда она разсмѣялась, я былъ пораженъ перемѣной ея лица — до чего милое оно стало. Сразу лицо стало почти дѣтскимъ, а въ уголкахъ губъ и глазъ заиграла такая искренняя молодая веселость, что оно стало солнечнымъ и теплымъ. Какая бездна симпатіи въ маленькихъ розовыхъ складочкахъ въ углахъ вѣкъ и на одной щечкѣ! Я чуть не подскочилъ: вотъ оно, давно искомое, долго жданное лицо для моей картины!..

Но барышня, вдругъ испугавшись своего несдержаннаго смѣха, густо покраснѣла и быстро, быстро захлопнувъ книжку, поднялась, чтобы уходить. Я тоже вскочилъ и, по-французски, въ самыхъ высоко-вѣжливыхъ выраженіяхъ, извинился и изложилъ свою просьбу — позволить писать съ нее портретъ. Она была очень удивлена, смущена и, повидимому, не знала что ей дѣлать. Я призвалъ на помощь все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить ее въ полной благонадежности моихъ намѣреній. Въ подтвержденіе моихъ словъ я досталъ свою карточку и протянулъ ей. Наконецъ, она нерѣшительно промолвила, что поговоритъ съ родными и мнѣ напишетъ.

Потомъ кивнула головой, слегка улыбнувшись (ну и милая же у нея улыбка!) и быстро пошла внизъ по дорожкѣ, гдѣ скрылась за поворотомъ.

Черезъ нѣсколько дней, и какихъ мучительныхъ, втеченіе которыхъ я тщетно пытался набросать на полотнѣ ея маленькое лицо съ солнечной улыбкой, — я получилъ открытку, гдѣ моя незнакомка сообщала день и часъ, когда она придетъ съ тетей. Я былъ на седьмомъ небѣ! — пусть приводитъ двадцать тетушекъ и столько же дядюшекъ, лишь бы имѣть возможность закончить такъ увлекшую меня картину.

И вотъ, въ назначенный день и часъ, я встрѣтилъ ее въ сопровожденіи почтенной дамы въ траурѣ. Барышня была немного слишкомъ молчалива и мнѣ довольно трудно было вызывать на ея лицѣ столь преображавшую ее улыбку. Тогда я сталъ ей разсказывать анекдоты на которые я мастеръ. Она оживилась, стала улыбаться, потомъ смѣяться, поглядывая на свою чопорную спутницу, которая, хотя и была

углублена въ чтеніе какого-то толстаго томика, но, все же, время отъ времени, вскидывала скрытые пенснэ глаза поверхъ книжки. Я сдѣлалъ нѣсколько этюдовъ углемъ, увлекся до самозабвенія и, кажется, порядкомъ-таки утомилъ мою маленькую натурщицу. Прощаясь, она пообѣщала придти на слѣдующей недѣлѣ. Я, разумѣется, разсыпался въ благодарностяхъ и предложилъ ей по окончаніи нашей работы написать ея портретъ для нея лично, въ знакъ признательности. Тетка ея расплылась въ улыбку, а Melle Annie (такъ какъ ее звали именно такъ) покраснѣла отъ удовольствія. Обѣ, кажется, вполнѣ увѣрилась въ моей благонадежности и солидности. Поводивъ обѣихъ по моей студіи и показавъ мои оконченныя работы, я проводилъ моихъ гостей и принялся за работу. Какъ только, какъ говорится, „вошелъ во вкусъ", послышался звонокъ, а потомъ условный стукъ, какъ дѣлали всѣ мои друзья. Взлохмаченный, перемазанный красками, съ кистью въ рукѣ, я открылъ дверь и впустилъ моего молодого друга и коллегу, о которомъ я уже упоминалъ въ началѣ разсказа. Увидя мой одичалый видъ, онъ, съ улыбкой, спросилъ:

— Какъ вижу, вы въ пылу работы... Что-нибудь новое или все тотъ же Henri IV?

— Представьте, нашелъ, и совершенно случайно именно то, что мнѣ было нужно!..

— А ну, покажите, покажите...

Войдя въ мое ателье, онъ долго разсматривалъ мои этюды, хмурилъ брови, молчалъ... Мнѣ было не до него; хотѣлось обязательно уловить нужный тонъ свѣтлаго овала щечки моей натурщицы до захода солнца, а оно уже посылало свои прощальные, красные лучи. Гость мой стоялъ за моей спиной и молча наблюдалъ. Черезъ четверть часа сиреневые сумерки заставили меня бросить работу и я вопросительно обернулся къ моему другу: „Какъ ваше мнѣніе, Юрій Александровичъ?" — Онъ отвѣтилъ не сразу: „Какъ вамъ сказать... — картина, безусловно, незаурядна и это незначительное личико, конечно, преобразится подъ вашей талантливой кистью. Только, по моему, это такое обыкновенное лицо, вѣдь если отнять у него то, что даетъ вашъ талантъ, этотъ налетъ таинственности и невинности, то останется нуль... Я представляю себѣ черты болѣе совершенныя, что-то вродѣ... ну, да, вотъ, сами посмотрите, какъ-нибудь принесъ показать".

И онъ протянулъ мнѣ фотографію.

— Это кто же? Очередное увлеченіе?

— Новая звѣзда „Moulin-bleu", танцовщица Вѣра Невѣрова.

— А-а-а... И что же, вы очень увлечены?

Юрій Александровичъ разсмѣялся.

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы! Просто художественный интересъ. Она мнѣ позируетъ „nue" на тигровой шкурѣ... Идеальныя линіи и цвѣтъ тѣла... Пишу ее при оранжевомъ освѣщеніи. Представьте себѣ желтую съ чернымъ тигровую шкуру... рыжіе растрепанные волосы... изломъ удлиненнаго тѣла и блескъ изумрудовъ на пальцахъ, въ ушахъ и цвѣтѣ глазъ... Думаю выставить въ осеннемъ салонѣ. — Вотъ бы ее на вашу картину...

Я улыбнулся.

— Знаете, мой другъ, это была бы великолѣпная реклама для моднаго мыла или пудры... Да это вызывающее лицо опошлило бы мнѣ мой, съ такимъ трудомъ искомый старинный колоритъ. Лицо съ модной картинки, пикантное, я бы сказалъ нахальное, хотя и красивое — спору нѣтъ. Вникните въ мою идею и вы увидите, что кажущееся вамъ заурядным и скучнымъ, лицо моей натурщицы составляетъ одно цѣлое съ моимъ фономъ, моимъ замысломъ. Впрочемъ, я самъ думаю закончить работу къ осеннему салону, а тамъ увидимъ...

Мой молодой другъ ушелъ, какъ мнѣ показалось, слегка разочарованный, а меня окрылила удача.

Слѣдующіе сеансы прошли гладко и я поближе познакомился съ моей натурщицей. Она была мила, остроумна, но сдержанна и о себѣ говорила очень мало. Узналъ, что въ Ліонѣ она живетъ съ родными, что она студентка-первокурсница, что ей 20 лѣтъ и она единственная дочь. Фамиліи своей она не говорила, какъ мнѣ показалось, намѣренно, а называть ее просила Melle Annie. По-французски она говорила замѣчательно чисто, не мѣшая въ языкъ жаргонъ и не растягивая слова, какъ это дѣлаютъ Ліонцы. Что-то мнѣ подсказывало, что она не изъ Ліона. Тетка ея, въ неизмѣнной черной вуали всегда ее сопровождала и добросовѣстно просиживала битый часъ, углубившись въ книгу и не принимая участія въ разговорахъ.

На 4-ый или 5-ый сеансъ пришелъ Юрій Александровичъ. Мнѣ показалось, что привело его любопытство. Какъ всегда разодѣтый, раз-

душенный, онъ галантно поклонился въ сторону дамъ и съ почтительно-товарищескимъ видомъ подсѣлъ ко мнѣ. Картина моя его повидимому поразила. Онъ долго переводилъ глаза съ портрета на оригиналъ съ не то удивленнымъ, не то восхищеннымъ видомъ. Я, слѣдившій, конечно, съ вниманіемъ за выраженіемъ личика Annie замѣтилъ, что мой другъ произвелъ на нее впечатлѣніе. Замѣтилъ по нѣжному румянцу, по блеснувшимъ глазамъ и по тому преувеличенно-равнодушному виду, съ которымъ она старалась не смотрѣть на него. Зато тетка ея осматривала его привлекательную наружность съ видимымъ неодобреніемъ.

Юрій Александровичъ подсѣлъ ко мнѣ и слегка понизивъ голосъ, сказалъ по-русски: „Картина прелестна, но натурщица ваша ничего особеннаго изъ себя не представляетъ... хотя удивительно какъ она выигрываетъ на полотнѣ — и она, и не она...“

Annie, навѣрное, догадалась, что говорятъ о ней, потому что вдругъ быстро вскинула на насъ глаза и еще больше покраснѣла. По моему она была прелестна въ этотъ моментъ, что-то въ ней было и женственное и мальчишеское одновременно. Юрій Александровичъ что-то еще прибавилъ по поводу ея незначительной внѣшности, на что я ничего не отвѣтилъ. Уходя, онъ, однако, мимоходомъ, освѣдомился о томъ, когда назначенъ слѣдующій сеансъ. Такъ какъ я и самъ еще не зналъ, когда Annie располагаетъ временемъ, то ничего опредѣленнаго ему не смогъ отвѣтить. Проходя мимо дамъ, онъ опять поклонился имъ съ особой, присущей ему граціей и ушелъ, какъ всегда, довольный собой, жизнерадостный, гордо неся свою красивую голову съ отброшенными назадъ волосами.

Annie послѣ его ухода заговорила о немъ. Оказывается, бывая на выставкахъ, она видѣла его работы и восхищалась не разъ его живымъ талантомъ; она выразила желаніе познакомиться съ нимъ, покосившись при этомъ на тетушку, углубленную въ свою книжку. Между прочимъ, въ этотъ день я впервые замѣтилъ, что въ ея мягкомъ, „солнечномъ“ выраженіи лица иногда проскальзываетъ въ дрогнувшихъ бровяхъ, въ маленькой продольной складочкѣ на ея нѣжномъ лбу, что-то волевое, властное. Я подумалъ тогда, что у нея навѣрное довольно сильный, выработанный характеръ и, признаться, понравилась она мнѣ еще больше.

Слѣдующій сеансъ назначенъ былъ черезъ четыре дня. Судьбѣ было угодно привести ко мнѣ въ этотъ день и Юрія Александровича. Я познакомилъ молодыхъ людей и, не теряя времени, принялся за работу. Между тѣмъ, у нихъ завязался оживленнѣйшій разговоръ. Говорили о театрѣ, объ искусствѣ, о злободневныхъ темахъ и я только диву давался какой Annie оказалась начитанной, образованной и очаровательной собесѣдницей. Мѣткія сравненія, своеобразность взглядовъ и молодая порывистость рядомъ съ тонкимъ тактомъ восхищали и притягивали къ ней. Даже мой избалованный другъ, всегда остроумный и находчивый, стушевался рядомъ съ ея живой прелестью. Онъ забылъ, что заявилъ мнѣ входя, что куда-то спѣшитъ и, повидимому, совершенно увлекся разговоромъ. По окончаніи сеанса, онъ вызвался проводить дамъ, что было принято легкимъ кивкомъ головы и милой улыбкой. Еще на лѣстницѣ я слышалъ ихъ молодые голоса и смѣхъ... потомъ все стихло. Сумерки спустились легкіе, голубые, печальные. Мнѣ почему-то стало грустно. Подумалось о своей неудавшейся личной жизни, о одинокой, надвигающейся старости, о томъ, какое это великое счастье отдать свое цѣльное, хорошее, первое чувство взамѣнъ на такое же молодое и чистое, о томъ, какія запоздалыя эти сожалѣнія и такъ расчувствовался, что, старый дуракъ, всплекнулъ немножко...

Прошло нѣсколько недѣль, картина подвигалась къ концу. Annie приходила аккуратно два раза въ недѣлю и почти каждый разъ являлся и Юрій Александровичъ. Онъ, какъ мнѣ казалось, все больше и больше увлекался Annie, меня это и забавляло, и радовало, и безпокоило. Чѣмъ все это кончится? Annie же была всегда ровно весела, выдержана и привѣтлива. Молчаливая тетка, повидимому, тоже къ намъ привыкла такъ, что даже однажды сама начала разговоръ, правда лишь о погодѣ. Почтенная дама въ туманные дни (а ихъ въ Ліонѣ 360 въ году) страдала легкими ревматическими болями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Т. Величъ.

Другу дѣтства.

Гдѣ ты? Степь ли Аргентинская
Свой пріютъ тебѣ даетъ?
Или пагода браминская
Надъ тобой смыкаетъ сводъ?

На чужбинѣ, словно странница,
Десять лѣтъ я прожила,
Дѣтскихъ игръ твоихъ избранница —
Здѣсь сужéнаго нашла.

Полно мнѣ. Я нынче въ гавани,
Въ той, гдѣ чинятъ корабли...
Ты же, странствующій въ плаваньи
По лицу чужой земли,

Выбрось дѣтское влюбленіе
Въ глубину чужихъ морей,
И пришли мнѣ поздравленіе
Бывшей суженой твоей!..

Людмила Галичъ.

* * *

Зачѣмъ не умеръ я? Скажи, зачѣмъ родился?
Зачѣмъ мнѣ было жить? Зачѣмъ, зачѣмъ страдать?
Безъ страстной вѣры я и прожилъ, и молился...
Зачѣмъ не могъ я жизни оправдать?!

Кто я? Лишь звукъ пустой. Домъ брошенный навѣки...
Какъ мхомъ обросшій дубъ отъ множества грѣховъ...
Я боленъ — но покой не сковываетъ вѣки,
Не посылаетъ ночь своихъ отрадныхъ сновъ.

Я мучаюсь. Истерзанъ и израненъ.
Въ умѣ моемъ хаосъ. Въ душѣ страданій рой...
И кажется порой, что тяжкій, тяжкій камень —
Домокловъ мечь повисъ надъ головой.
Зачѣмъ, скажи, зачѣмъ убогимъ я родился?

Зачѣмъ не смогъ вкусить я въ жизни счастья мигъ?
Скорѣй бы умереть!.. Я съ свѣтомъ распростился...
Пусть замолчитъ кощунственный языкъ!

Алексъ.

* * *

Есть доля сомнѣнья въ прозрачности линій,
Какая-то грусть подъ вѣнкомъ изъ рѣсницъ
И такъ несдержимъ мнѣ огонь этотъ синій,
Что падаю ницъ!

Есть что-то паучье въ пальцевъ извивахъ —
Паутину плететъ изъ цвѣтовъ
А за-душу такъ и беретъ въ переливахъ —
Жемчугъ зубовъ!

Алексѣй В — скій.

„Личность Лже-Димитрія по Маржерету".

Если раскрыть маленькій кожаный томикъ со слежавшимися страницами, изданный въ 1607-мъ году, изъ него вырвется затхлый запахъ вѣковъ, ушедшихъ безвозвратно и еще что-то неясное, оставшееся отъ актеровъ исторической сцены, какіе-то блѣдные образы людей съ выцвѣтшими глазами въ полуистлѣвшей одеждѣ, краски которой поблекли и увяли, какъ засушенные на память цвѣты... И вотъ мы въ XX-мъ вѣкѣ открываемъ этотъ томикъ, и читаемъ его. Постараемся брызнуть живой водой на этихъ покойныхъ героевъ, жажда вернуть имъ хоть на время, по волшебству, ихъ прежній колоритъ, чтобы получше разглядѣть и изучить ихъ физіономіи. Какое трудное заданіе, но зато сколько въ немъ необъяснимаго очарованія и неуловимой поэзіи.

1607-ой годъ! Во Франціи царствуетъ Генрихъ IV-ый. У насъ — Василій Шуйскій. Перенесемся въ эту отдаленную эпоху. Капитанъ Маржеретъ вернулся изъ Россіи послѣ ужасной драмы, разыгравшейся въ Москвѣ. Димитрія нестало, и его вѣрному слугѣ больше нечего было дѣлать въ чужой, жуткой странѣ, всколыхнувшейся и разбушевавшейся какъ грозный океанъ. Едва успокоившись отъ всѣхъ треволненій и переживаній, онъ взялся за гусиное перо, чтобы описать тогдашнюю Россію, такъ мало знакомую Западной Европѣ и въ частности Франціи, и посвятить нѣсколько искреннихъ, теплыхъ страницъ памяти того, кѣмъ онъ былъ обласканъ, въ кого онъ непоколебимо вѣрилъ и кому остался преданъ навсегда.

Замѣтимъ, что описывая событія недавняго прошлаго, Маржеретъ не былъ больше заинтересованъ ни съ какой стороны. Если прибавить къ этому тотъ фактъ, что онъ, въ качествѣ капитана личной гвардіи Лже-Димитрія, близко и хорошо его зналъ и видѣлъ въ самой интимной обстановкѣ, то все это вмѣстѣ взятое придастъ въ нашихъ глазахъ извѣстный вѣсъ оцѣнкѣ и характеристикѣ загадочнаго человѣка съ доселѣ невыясненной личностью и съ такой блестящей и трагической судьбой.

Да. Не всѣмъ смертнымъ предназначена такая особенная судьба. Говорятъ, что каждый человѣкъ рождается подъ своей звѣздой... Если такъ, то у Лже-Димитрія была *падучая* звѣзда... Явился молодой мечтатель, мистикъ. Повѣрилъ самъ въ себя, въ помощь Божію. Задумалъ стать великимъ, блеснулъ, сверкнулъ и исчезъ такъ же молніеносно, как и появился, оставляя за собой во всеобщей тьмѣ тогдашней смуты свѣтлый слѣдъ воспоминанія о его умѣ, гуманности, добротѣ и геройству, связанному съ извѣстнымъ рыцарствомъ, въ которое онъ былъ такъ влюбленъ.

Такимъ, по крайней мѣрѣ, его намъ представляетъ капитанъ Маржеретъ въ своей маленькой книжкѣ подъ заглавіемъ: „Estar de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie". Авторъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что Лже-Димитрій былъ истинный Царевичъ, Іоанновъ сынъ, и никогда о немъ не говоритъ иначе. Вотъ его слова по поводу появленія самозванца:

„Finablement, l'an 1604 se découvrit ce qu'il (Борисъ) avoit tant craint, à sçavoir Demetrius Joannes, fils de l'Empereur Joannes Basilius, lequel on supposoit avoir esté tué à Ouglis" (стр. 111).

Маржеретъ придерживается версіи о подмѣнѣ Царевича во время Углицкаго злодѣянія: „...не боясь больше никого, — говоритъ авторъ, — кромѣ выше упомянутаго царевича и желая отъ него освободиться, онъ (Борисъ) послалъ въ Угличъ, чтобы убить его. Но его подмѣнили, что было осуществлено сыномъ одного человѣка, котораго онъ (Борисъ) послалъ въ качествѣ секретаря къ матери..." (стр. 18-19).

По мнѣнію Маржерета, Лже-Димитрій былъ самъ въ себѣ увѣренъ, и будучи надѣленъ всѣми качествами природнаго царевича, всегда велъ себя какъ ему подобало:

„Je crois... outce ses comportements, son asseurance, et autres qualitez qu'il avoit de Prince, qualitez qui ne se trouvent en un supposé et usurpateur. En mesure qu'il estoit asseuré et sans soupçon, ayant égard particulièrement à tout ce qui est cy devant dudit Demetrius, je conclus qu'il estoit vray Demetrius, fils de l'Empreur Joannes Basilius, surnommé le Tyran" (стр. 175).

Но прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ героя, познакомимся съ его внѣшностью. Вотъ портретъ Лже-Димитрія, написанный очевидцемъ и, какъ видно, безъ всякой предвзятой мысли:

„... ему было около двадцати-пяти лѣтъ; онъ былъ безъ бороды, средняго роста, съ крѣпкими и сильными руками и ногами, со смуглымъ цвѣтомъ кожи и съ бородавкой около носа подъ правымъ глазомъ" (стр. 141).

Любопытно сравнить это описаніе съ примѣтами самозванца въ „Борисѣ Годуновѣ" Пушкина. Замѣтимъ то обстоятельство, что Маржеретъ не упоминаетъ ни слова о длинѣ рукъ, изъ которыхъ, по Пушкину, одна была короче другой.

Отличительной чертой характера Лже-Димитрія было его великодушіе. Маржеретъ отзывается о немъ, какъ о милостивомъ монархѣ: „il estoit clément". Правда, по его словамъ, самозванецъ былъ вспыльчивъ, но авторъ тутъ же спѣшитъ замѣтить, что гнѣвъ его проходилъ такъ же скоро, какъ и разражался: „tost offensé, mais aussitost appaisé".

Держалъ онъ себя всегда очень просто съ боярами, которые вовсе не привыкли къ такому обращенію и почти не смѣли говорить въ присутствіи царя: „il se maustroit parfois un peu trop familier envers les seigneurs lesquels sont nourris en telle sujetion et crainte qu'ils n'oseroient presque parler en présence de leur Prince". Авторъ находитъ, что Лже-Димитрій умѣлъ всегда держаться на высотѣ должнаго величія, достойнаго царскаго сана, не прибѣгая ни къ какимъ излишнимъ строгостямъ и этикету (стр. 129). Одной изъ наиболѣе симпатичныхъ чертъ его, является незлобивость, незлопамятность. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству Маржерета, Лже-Димитрій вернулъ Шуйскаго изъ ссылки, повѣривъ въ его раскаяніе и приблизилъ его къ себѣ. Будучи довѣрчивымъ, онъ не ожидалъ, что люди могутъ имѣть что-нибудь противъ него и желать ему зла. Не любя доносовъ, онъ не придавалъ никакого значенія всѣмъ предупрежденіямъ и предостереженіямъ: „... „l'Empereur ne sembloit y adjouster grande foy" (стр. 136) и далѣе: „il pardonna aussi à plusieurs autres, car il estoit sans soupçon" (стр. 172).

Новый царь, по словамъ автора, былъ терпимымъ и гуманнымъ. Первое проявленіе этихъ качествъ было разрѣшеніе жениться, данное имъ всѣмъ тѣмъ, которые не имѣли этого права при Борисѣ Годуновѣ. Вообще на Москвѣ стало сразу легче дышать всѣмъ угнетеннымъ и запуганнымъ людямъ, которымъ „онъ понемногу показалъ, что такое свободная страна, управляемая милостивымъ монархомъ" (стр. 129).

Этотъ „либеральный" царь „любилъ честь", говоритъ Маржеретъ, и старался слѣдовать этому принципу. „Il estoit ambitieux", прибавляетъ онъ. Эта черта выражалась въ томъ, что Лже-Димитрій стремился къ тому, чтобы стать извѣстнымъ грядущимъ поколѣніямъ, оставить по себѣ память въ народѣ. Кромѣ того, онъ былъ уменъ: „il estoit sage", „il avait un grand esprit".

Ко всему этому нужно еще прибавить грацію, ловкость и безшабашное веселье, переходящее подчасъ въ непростительную безпечность.

Вотъ и весь Лже-Димитрій, по описанію Маржерета. Окончивъ его портретъ, авторъ съ сожалѣніемъ говоритъ, что „съ его смертью, весь христіанскій міръ понесъ большую потерю" (стр. 141-142).

Что же скажемъ мы этому неизвѣстному человѣку, или, вѣрнѣе, его призраку, посѣтившему насъ сегодня? Неужели у насъ хватитъ жестокости въ сердцѣ, чтобы отказать ему въ добромъ словѣ, въ доброй памяти?

Кто бы ни былъ этотъ хорошо всѣмъ извѣстный незнакомецъ, — онъ добрался до престола, завоевалъ его блестяще и показалъ себя его достойнымъ. Это одно уже даетъ ему право расчитывать, по крайней мѣрѣ, на снисходительность судей исторіи.

Юный, вѣтренный, блестящій и жизнерадостный, какъ мотылекъ, онъ могъ бы сказать, если бы предчувствовалъ свою судьбу:

„Но коротокъ мой вѣкъ,
Онъ не долѣе дня.
Будь же добръ, человѣкъ,
И не трогай меня!"

Но человѣкъ оказался недобрымъ и звѣрски отнялъ у него жизнь. Жизнь, которою онъ былъ переполненъ черезъ край и избытокъ которой заставлялъ его допускать нѣкоторыя, даже крупныя, ошибки. Многое ему да проститъ Богъ, пылкому, голубоглазому юношѣ съ возвышенной душой, свытлыми взглядами, широкими планами, яснымъ умомъ и страстнымъ, жизнерадостнымъ сердцемъ, жаждавшимъ блеска, славы и любви, то-есть полной жизни, со всѣми ея бурями и прекрасными проявленіями.

Тѣ, кто сейчасъ молодъ, — хорошо его поймутъ, а „понять" это значитъ „простить". Тѣ, кто уже созрѣлъ, узнаютъ себя въ немъ такими, какими они были въ самую лучшую пору своей жизни... Много-много юношей, хотя бы втайнѣ, мечтало о блестящемъ будущемъ, но не всѣмъ дано было его осуществить. Онъ на зарѣ своихъ дней пригубилъ золотую чашу, отпилъ изъ нея глотокъ сладкаго древняго меду, опьянѣлъ отъ его душистаго хмѣля и погибъ, не успѣвъ очнуться отъ своей сказки.

„Вкушая, вкусихъ мало меду, и се азъ умираю"... Кто бы ты ни былъ, блестящій, загадочный юноша, миръ памяти твоей!

Людмила Галичъ.

Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся
и обремененные и Азъ упокою вы.

Тишина...
Полумракъ...
Панихида...
Душный ладанъ
И пряный елей...
Растворяется въ слезахъ обида,
На рѣсницахъ усталыхъ людей.
Преклонили безсильно колѣни,
Въ образъ взоръ устремили съ мольбой;
Отъ лампадъ прозрачныя тѣни
Навѣваютъ нездѣшній покой...
Знаютъ правду суровые лики
Потемнѣвшихъ Рублевскихъ иконъ,
Въ нихъ колеблятся теплые блики
И тишайшій въ нихъ чудится звонъ.

У молящихся странныя лица,
Озаренныя снизу свѣчей...
Каждый хочетъ на мигъ позабыться,
Причтъ блещетъ нарядной парчей.
Хоръ запѣлъ про житейское море,
Зарыдала въ аккордахъ печаль,
Переливами, съ рокотомъ споря,
Въ нихъ сопрано звенящій хрусталь...
Ужъ не знаютъ усопшіе горя...
И живущихъ становится жаль;
Отъ кадила, клубясь и узоря,
Голубая растлалась вуаль.
И къ Святому Престолу моленья
Поднялись надъ убогой землей.
Можетъ быть, во блаженномъ успеньи,
Обрѣтемъ себѣ вѣчный покой?

В. Самурай.

* * *

Мы опоздали, милый другъ,
Мой другъ любимый — опоздали...
Разверзся слишкомъ поздно кругъ
Бытья, молитвы и печали.

И потому мы въ мірѣ всемъ
Съ тобой, любимый, одиноки
Мы въ душахъ нѣжное несемъ,
Мы міру чужды и далеки.

Сентиментальность прошлыхъ лѣтъ
Намъ ближе лавочной морали.
Мы любимъ въ жизни солнца свѣтъ
И свѣтло-благостныя дали.

Мы тщетно ищемъ красоту
Средь человѣческой клоаки,

Мы любимъ смѣхъ и простоту,
А насъ — лишь дѣти и собаки...

Мы ласки въ людяхъ не нашли
И сожалѣнья не встрѣчали...
— Иль слишкомъ рано мы пришли,
Иль слишкомъ, другъ мой, опоздали.

Но въ нашей встрѣчѣ на землѣ
Я вижу Божій перстъ Пречистый
— Пускай юродствуетъ во мглѣ
Толпа безлюбыхъ атеистовъ...

Насъ каждый можетъ оскорбить
И обмануть, и зря обидѣть —
— Мы въ міръ пришли чтобы любить,
А научились — ненавидѣть.

Тамара Величковская.

Полночь.

Полночь... пробило двѣнадцать ударовъ
Гдѣ-то вдали на чернѣющей башнѣ;
Снѣгъ вдоль безлюдныхъ, глухихъ тротуаровъ
Смѣшанъ съ прохожею грязью вчерашней.

Вылѣзли крысы изъ трубъ водосточныхъ
Въ поискахъ жадныхъ насущнаго хлѣба,
Кошки, предавшись восторгамъ досрочнымъ,
Бродятъ по крышамъ у самаго неба;

Мѣсяцъ, какъ будто монета чеканная,
Быстро плыветъ среди пыли разсыпчатой,
Зимняя ночь невеселая, странная
Трелью надъ міромъ звучитъ переливчатой;

Вѣтеръ морозный, тоскливый, бездомный
Плачетъ и мечется круглые сутки,
Тяжесть на сердцѣ... и въ комнатѣ темной
Крадутся тѣни какія-то жуткія...

Владиміръ Тлѣнный.

Теорія двухъ параллельныхъ моралей.

Чрезвычайно разнообразныя по формѣ, содержанію, напряженности и продолжительности человѣческія дѣйствія обобщаются одинаковой исходной точкой — центромъ ощущенія и сознанія своихъ авторовъ.

Далѣе, будучи представлены какъ соотношеніе сознаній своихъ участниковъ, всѣ человѣческія взаимодѣйствія располагаются въ законченную систему.

Основаніемъ настоящаго труда предложенъ анализъ, именно, духовно-дѣйственнаго содержанія человѣческихъ поступковъ въ общей ихъ совокупности.

Дѣйствіе, которымъ управляетъ независимое сознаніе субъекта, осуществляющее самостоятельную личную цѣль своей свободной воли — называется *инціативнымъ*; оно отличается: внѣшне — своей первопричинностью, неувязанностью съ какими-либо иными и предыдущими дѣйствіями; внутренне — тріединой одухотворенностью своего осуществленія:

1) независимымъ сознаніемъ субъекта,

2) его самостоятельной личной цѣлью (какъ идеалъ достиженія)

3) и свободной волей.

Объектъ — всегда конечная точка приложенія инціативнаго дѣйствія будетъ *положительнымъ*, если онъ — человѣкъ (человѣчество — въ предѣльномъ своемъ выраженіи) и *отрицательнымъ* — во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, напр.: животное, растеніе, предметъ, понятіе и т. д.

Воспріятіе объекта сознаніемъ субъекта можетъ быть положительнымъ или отрицательнымъ, т. е. утверждать человѣческое или иное подобіе естества объекта — независимо отъ истинной его природы.

Соотвѣтственно чему и инціативныя дѣйствія основываются:

1) на положительномъ воспріятіи отрицательнаго объекта, произвольно (хотя бы и не прямо) его очеловѣчивающемъ,

2) на отрицательномъ воспріятіи отрицательнаго объекта — въ порядкѣ внѣобщественной человѣческой дѣйственности,

3) на отрицательномъ воспріятіи положительнаго объекта, предшествующемъ прямому корыстному или безкорыстному насилію надъ человѣкомъ,

4) на положительномъ воспріятіи положительнаго объекта, являющемся желательной предпосылкой каждаго столкновенія человѣка съ обществомъ.

Совсѣмъ особо — группа самоинціативныхъ дѣйствій, т. е. направленныхъ прямо на себя и основанныхъ также

5) на положительномъ

6) и отрицательномъ самовоспріятіи.

7) Наконецъ, безразличное воспріятіе себя и всего окружающаго.

Этотъ кругъ міровоспріятія дѣйствующаго человѣка въ прошломъ сокращается въ настоящее время до 5 пунктовъ, забвеніемъ двухъ послѣднихъ.

Послѣдующее развитіе человѣческаго духа предвидится въ устраненіи еще 2 пунктовъ

1) положительнаго воспріятія отрицательнаго объекта

2) и отрицательнаго воспріятія положительнаго объекта,

для того, чтобы установиться на 3 *идеальныхъ*, т. е. совпадающихъ съ истинной природой объекта.

Изъ нихъ, естественнымъ для человѣческихъ взаимоотношеній слѣдуетъ считать, очевидно, — положительное воспріятіе положительнаго объекта, основанныя на которомъ инціативныя дѣйствія только и будутъ разсматриваться въ дальнѣйшемъ.

Изъ опредѣленія инціативнаго дѣйствія видно, что всестороннее его одухотвореніе, а, слѣдовательно, и полная отвѣтственность за него — принадлежатъ сознанію субъекта. Самостоятельность объекта уничтожается автоматически въ самомъ началѣ дѣйствія его согласіемъ принять на себя эту роль, не содержащую элементовъ инціативнаго одухотворенія и, во всѣхъ отношеніяхъ, безотвѣтственную.

Въ моментъ контакта съ объектомъ сознаніе субъекта неизбѣжно утверждается на одной изъ двухъ возможныхъ, по отношенію къ нему, позицій:

1) на эгоистической

2) или на альтруистической.

Истинное лицо такой позиціи или родъ личной цѣли субъекта выявляется относительнымъ направленіемъ его свободной воли, стремящей

ся подчинить въ предѣлахъ даннаго инициативнаго дѣйствія

1) существо объекта существу субъекта — въ случаяхъ перваго рода

2) и существо субъекта существу объекта — въ случаяхъ второго рода,

для удовлетворенія личныхъ потребностей доминирующаго существа.

Всѣ человѣческія взаимоотношенія опредѣляются инициативными дѣйствіями двухъ противоположныхъ родовъ:

1) эгоистическими

2) и альтруистическими.

Взаимная зависимость людей (даже и очень отдаленная) исключаетъ въ настоящее время возможность третьяго случая — незаинтересованнаго общенія; все же отступленія встрѣчаются.

По виду осуществленія инициативное дѣйствіе бываетъ

а) простымъ,

б) сложнымъ,

в) двойнымъ

г) и сложно-двойнымъ.

Простое инициативное дѣйствіе означаетъ всякій непосредственный эгоистическій или альтруистическій порывъ, при участіи въ осуществленіи субъекта и объекта только; оно заканчивается соотвѣтстующимъ искомымъ результатомъ

1) на субъектѣ, пройдя черезъ объектъ — въ случаяхъ перваго рода

2) на объектѣ — въ случаяхъ второго рода.

Сложное инициативное дѣйствіе примѣняетъ, какъ средство для осуществленія эгоистической или альтруистической цѣли, дополнительныхъ субъектовъ-объектовъ — людей, лишенныхъ въ данномъ дѣйствіи независимости сознанія, личной цѣли и свободной воли и связующихъ субъекта съ объектомъ вспомогательными дѣйствіями; оно заканчивается также соотвѣтствующимъ искомымъ результатомъ

3) на субъектѣ, пройдя черезъ объектъ и дополнительныхъ субъектовъ-объектовъ — въ случаяхъ перваго рода,

4) на объектѣ, пройдя черезъ дополнительныхъ субъектовъ-объектовъ — въ случаяхъ второго рода.

Двойное инициативное дѣйствіе представляетъ всякій непосредственный односторонній обмѣнъ, т. е. безъ заинтересованности противной стороны, при участіи въ осуществленіи только субъекта и объекта; распадаясь на два составляющихъ

а) причинное, въ основаніи котораго истинная, эгоистическая или альтруистическая личная цѣль субъекта

б) и обратное — противоположнаго рода, компенсирующее первое,

оно заканчивается

5) на субъектѣ, пройдя черезъ объекта, — искомымъ эгоистическимъ результатомъ причиннаго составляющаго и на объектѣ — компенсирующимъ альтруистическимъ результатомъ обратнаго составляющаго —

въ случаяхъ перваго рода,

6) на объектѣ — искомымъ альтруистическимъ результатомъ причиннаго составляющаго и на субъектѣ, пройдя черезъ объекта — компенсирующимъ эгоистическимъ результатомъ обратнаго составляющаго —

въ случаяхъ второго рода.

Сложно-двойное инициативное дѣйствіе представляетъ всякій односторонній обмѣнъ, примѣняющій людей какъ средство обмѣна, т. е. — обладаетъ свойствами двойного, состоящаго изъ двухъ сложныхъ;

оно заканчивается

7) на субъектѣ, пройдя черезъ объекта и соотвѣтствующихъ дополнительныхъ субъектовъ-объектовъ, искомымъ эгоистическимъ результатомъ сл. — причиннаго составляющаго и на объектѣ, пройдя черезъ соотвѣствующихъ дополнительныхъ субъектовъ-объектовъ, компенсирующимъ альтруистическимъ результатомъ сл. — обратнаго составляющаго —

въ случаяхъ перваго рода,

8) на объектѣ, пройдя черезъ соотвѣтствующихъ дополнительныхъ субъектовъ-объектовъ, искомымъ альтруистическимъ результатомъ сл. — причиннаго составляющаго и на субъектѣ, пройдя черезъ объекта и соотвѣтствующихъ дополнительныхъ субъектовъ-объектовъ, компенсирующимъ результатомъ сл. — обратнаго составляющаго —

въ случаяхъ второго рода.

Всего 8 прямыхъ инициативныхъ дѣйствій (по 4 каждаго рода).

Кромѣ прямого — инициативное дѣйствіе можетъ содержать *косвеннаго* объекта и будетъ, въ такомъ случаѣ, называться — *косвеннымъ*.

Планъ косвеннаго инициативнаго дѣйствія представляется графически въ видѣ треугольника, въ вершинахъ котораго

а) прямой

б) и косвенный — объекты,

связанные, независимыми отъ даннаго дѣйствія, отношеніями

в) и субъектъ, относящійся къ прямому объекту на общихъ основаніяхъ прямого инициативнаго дѣйствія, съ перенесеніемъ на косвеннаго объекта послѣдствій своего заинтересованнаго вмѣшательства въ отношенія объектовъ, примѣнительно къ своей личной цѣли.

Поэтому искомый результатъ косвеннаго инициативнаго дѣйствія въ сознаніи субъекта будетъ имѣть два значенія:

а) второстепенное *прямое*, какъ завершеніе прямого достиженія, съ участіемъ лишь прямого объекта

б) и главное *косвенное*, какъ предполагаемое и желательное, логическое слѣдствіе прямого результата, направленное на косвеннаго объекта.

Косвенное значеніе искомаго результата прилагается къ 8 видамъ инициативнаго дѣйствія въ двоякихъ сочетаніяхъ:

Простое, сложное, двойное и сл.-двойное эгоистическое инициативное дѣйствіе при эгоистическомъ и альтруистическомъ косвенномъ значеніи искомаго результата.

Простое, сложное, двойное и сл.-двойное альтруистическое инициативное дѣйствіе при эгоистическомъ и альтруистическомъ косвенномъ значеніи искомаго результата.

Т. е. всего 16 сочетаній или видовъ косвеннаго инициативнаго дѣйствія.

Вмѣстѣ съ 8 видами прямого — 24 односторонніхъ (при пассивномъ объектѣ) инициативнаго дѣйствія, создающихъ теченіе общественной жизни.

Воля субъекта, сталкиваясь съ сопротивленіемъ сознанія объекта или дополнительнаго субъекта-объекта, вызываетъ ихъ противодѣйствующую активность

а) или обрывающую инициативное дѣйствіе

б) или усиливающую его напряженность.

Съ другой стороны, всякое инициативное дѣйствіе способно возбудить въ своихъ второстепенныхъ участникахъ и въ посторонніхъ лицахъ неожиданную инициативу къ самостоятельнымъ, т. н. *слѣдственнымъ* одностороннимъ дѣйствіямъ, которыя, отличаясь внѣшне — отсутствіемъ первопричинности и внутренне — зависимостью сознанія субъекта отъ случайнаго посторонняго возбудителя, подобны во всемъ остальномъ 24 инициативнымъ одностороннимъ дѣйствіямъ.

Вполнѣ независимая инициатива объектовъ и дополнительныхъ субъектовъ-объектовъ можетъ быть проявлена лишь въ одномъ случаѣ, еще до вступленія въ составъ инициативныхъ или слѣдственныхъ дѣйствій — свободнымъ изъявленіемъ желанія этихъ лицъ занять соотвѣтствующія роли и выразится въ слѣдующихъ 10 т. н. *предварительныхъ* дѣйствіяхъ: изъявленіе желанія быть

1) косвеннымъ объектомъ эгоистическаго дѣйствія

2) „ „ альтруистическ. „

3) прямымъ „ эгоистическаго „

4) „ „ альтруистическ. „

5) дополн. суб.-объектомъ сложнаго эгоистическаго дѣйствія

6) „ „ сложнаго альтруистическаго дѣйствія

7) „ „ причиннаго — въ сл.-двойномъ эгоист. дѣйствіи

8) „ „ обратнаго — въ сл.-двойномъ эгоист. дѣйствіи

9) „ „ причиннаго — въ сл.-двойн. альтруист. дѣйствіи

10) „ „ обратнаго — въ сл.-двойн. альтруист. дѣйствіи

Одухотворенное тріедино, лишь сознаніемъ субъекта, одностороннее инициативное дѣйствіе становится двустороннимъ, трехстороннимъ и т. д. (до 5 сторонъ), какъ только въ сознаніи какого-нибудь изъ его второстепенныхъ участниковъ возникаетъ личная цѣль даннаго протекающаго инициативнаго осуществленія.

Такія новыя стороны одухотворенія представляются четырьмя группами, подобными инициативной.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

Владиміръ Волковъ.

HOOVER INSTITUTION

Ліонъ — Старый городъ.

Lugdunum.

I.

Ліонъ дышитъ стариной. Старина эта притаилась за камнями еще уцѣлѣвшихъ акведуковъ, выглядываетъ изъ сырыхъ подваловъ фурвьерскаго холма, говоритъ съ нами римскими надписями, выгравированными на камнѣ, и мѣстами ждетъ насъ подъ землей, еще не обнаруженная, спящая, опутанная корнями новыхъ растущихъ деревьевъ. Надо только любить ее, надо умѣть ее отыскать и заставить разсказать намъ свою повѣсть.

Что можно сказать о началѣ, о зачаткѣ Ліона? Приблизительно около VII-го вѣка до нашей эры, на смѣну предыдущимъ племенамъ, другой народъ пришелъ изъ Центральной Азіи, нѣсколько похожій на скиѳовъ, и жившій нѣкогда въ сосѣдствѣ съ ними въ Закаспійскихъ степяхъ.

Это были кельты. Вытѣснивъ собой Иверовъ и Лигуровъ, они заняли часть Испаніи и направились къ Марселю, недавно основанному новой Фокійской колоніей, гдѣ завязали немедленно торговыя сношенія съ цивилизованнымъ греческимъ міромъ. Въ серединѣ VI-го вѣка товарообмѣнъ уже вполнѣ наладился. Кельты научились добывать бронзу, желѣзо и другіе металлы. Въ Галліи появилось оружіе усовершенствованнаго образца, занесенное греками и ея новые обитатели быстро и рьяно стали воспринимать культуру. Стали подражать греческимъ манерамъ, переняли алфавитъ, завели у себя роскошь и пр.

Какъ и когда основался Ліонъ, никто еще точно не знаетъ. Существуетъ нѣсколько версій, изъ которыхъ одна получила наиболѣе широкое распространеніе. Это — версія греческаго древняго историка, жителя Родоса, по имени Клитофона. Въ одномъ изъ немногихъ отрывковъ, дошедшихъ до насъ, онъ упоминаетъ о двухъ братьяхъ Моморусѣ и Атепомарусѣ, королѣхъ одного и того же галльскаго племени Сегузіавовъ, выгнанныхъ изъ своего королевства новымъ завоевателемъ и пришедшихъ къ сліянію Соны и Роны въ поискахъ мѣста для новой столицы. Моморусъ былъ суевѣренъ, какъ и всѣ кельты, но слылъ за человѣка, умѣвшаго исключительно вѣрно толковать примѣты. Случилось такъ, что въ то время, когда его люди рыли землю и возводили новыя постройки на Фурвьерскомъ холмѣ, на дубы сосѣднихъ рощъ опустилась стая воронъ. Моморусъ увидѣлъ въ этомъ хорошій знакъ и захотѣлъ чтобы имя его столицы навсегда сохранило объ этомъ воспоминаніе. Поэтому онъ и назвалъ городъ „Lugdunum“ — т. е. на келльтскомъ нарѣчіи: „вороній холмъ“, отъ слова lugo — воронъ и dunа — холмъ. Объ этой легендѣ свидѣтельствуютъ монеты, найденныя здѣсь и носящія на себѣ съ одной стороны изображеніе вороны, сидящей на холмѣ, а съ другой надпись Segisou. Подобнаго рода ономастическіе ребусы были совсѣмъ во вкусѣ грековъ: напр. жители Анконы изображали согнутую руку отъ слова анконъ (локоть) или обитатели Родоса — розу отъ слова роза и т. д.

Какую физіономію имѣлъ Lugdunum въ серединѣ VI-го вѣка? Онъ не сразу сталъ городомъ въ современномъ понятіи этого слова, а былъ сначала просто „oppidum“ — т. е. цитадель, почти необитаемая въ мирное время и служившая для защиты жителей сосѣднихъ галльскихъ деревень, стекавшихся туда вмѣстѣ съ семьями, стадами и съѣстными припасами и возвращавшимися на родныя мѣста какъ только опасность проходила. Это обстоятельство легко объясняетъ, почему римскіе изгнанники не встрѣчали никакого сопротивленія со стороны Сегузіавовъ и могли мирно поселиться въ пустомъ Ліонѣ, обозначавшемся тогда всего лишь названіемъ горы: оросъ Лугдуновъ калуменонъ, т. е. гора называемая Lugdunum.

Родосскіе купцы, пріѣзжавшіе въ большомъ числѣ въ наши мѣста, оставили о себѣ память, давъ Ронѣ свое имя (Rhodanus), но почему-то келльтско-сегузіавское названіе Lugdunum осталось надолго за городомъ.

Несмотря на стараніе подражать во всемъ грекамъ, галльская цивилизація была еще смѣсью роскоши и нищеты, грубости и вкуса, благородства и звѣрскихъ обычаевъ. Лучъ свѣта, заброшенный культурными народами въ Галлію, лишь тронулъ и позолотилъ верхушки, а все остальное тонуло еще въ глубокой тьмѣ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

М. Черкассовъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ЖУРНАЛЪ СОДРУЖЕСТВА, литографированный журналъ, издается въ Выборгѣ содружествомъ окончившихъ реальный Лицей.

Рукописные и литографированные журналы всегда возбуждаютъ предубѣжденіе (большей частью вполнѣ оправдывающееся), однако, на этотъ разъ пріятное исключеніе. Есть, понятно, много недостатковъ: мѣстами журналъ напоминаетъ провинціальную газетку, но это, надо думать, оттого, что является, кажется, единственнымъ связывающимъ Русскую эмиграцію въ Финляндіи органомъ.

Есть въ немъ и неизбѣжная для молодыхъ начинаній разношерстость: Блокъ называется чуть ли не неудачникомъ, а чтобы показать какъ великъ и могучъ Русскій языкъ, въ примѣръ приводится тотъ же Блокъ.

Однако, это мелочи, главное въ томъ, что пріятно сознавать, что и тамъ, въ Финляндіи, Русскіе не сидятъ сложа руки, отдаваясь теченію — они борятся, отстаиваютъ свое Русское „Я“.

Мысль посторонняя: когда прочтешь этотъ журналъ и сравнишь его съ нашими изданіями во Франціи — красной нитью проступаетъ единство духа и мысли Русской эмиграціи, несмотря на ярко выраженный мѣстный характеръ — журналъ читается съ интересомъ. Въ слѣдующемъ номерѣ Взлетовъ, мы займемся имъ подробнѣе.

КРИТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Парижъ.

СОБРАНІЕ КЛУБА ПОРЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВЪ.

15-го ноября состоялось въ помѣщеніи Музея Рёриха первое, послѣ открытія, собраніе клуба Пореволюціонныхъ Писателей и Поэтовъ. Были прочитаны авторами слѣдующія произведенія: „Совѣтская олеографія“ (Н. Н. Быловъ), отрывокъ изъ романа „На нотахъ“ (И. С. Шаршунъ), отрывокъ изъ повѣсти „Преображеніе“ (В. С. Яновскій) и стихотворенія В. Дряхлова, В. А. Манченко, Б. Ю. Поплавскаго и Л. Б. Савинкова.

„Совѣтская олеографія“ описываетъ конфликтъ совѣсти служащаго полпредства при столкновеніи съ чарами „буржуазной“ жизни. Къ сожалѣнію, богатѣйшая тема разработана удачнѣе со стороны фабулы, чѣмъ со стороны психологіи. Трудно судить по двумъ прочитаннымъ главамъ о видимо большомъ произведеніи И. С. Шаршуна. „На нотахъ“; располагаетъ — глубина анализа и мощный, хотя слишкомъ рѣзкій, языкъ. Авторъ несомнѣнный и вполнѣ законченный мастеръ. Отрывокъ изъ „Преображенія“, описывающій переживанія русской эмигрантки ищущей работы, имѣлъ большой успѣхъ вѣроятно лишь благодаря исключительной злободневности сюжета. Авторъ не сумѣлъ выбраться изъ мелодрамы, несмотря на опредѣленное желаніе заглушить сентиментальность super-реалистическими деталями. По счастью, въ концѣ отрывка есть нѣсколько замѣчательно вѣрныхъ психологически моментовъ, которые позволяютъ надѣяться, что у автора есть будущее.

Борисъ Поплавскій, какъ всегда, чаруетъ. Его стихи и его манера читать обладаютъ главнымъ качествомъ поэзіи — они рождаютъ настроеніе. Въ вещахъ Дряхлова и Мамченко чувствуется несоотвѣтствіе между заданіемъ и выполненіемъ. Масштабъ затронутыхъ темъ требуетъ большого размаха и легче переноситъ крупную ошибку чѣмъ добросовѣстно-посредственное исполненіе.

Совершенно обособленно стоитъ Левъ Савинковъ. Онъ, несмотря на свою молодость, на много головъ выше своего окруженія. Отрывокъ изъ поэмы „Вчера“ и финальный аккордъ изъ „Россійскаго Вѣстника“: — „... Пока до неба землю не докинешь!“ — говорятъ о талантѣ размѣровъ Блока и можетъ быть даже Есенина. — Если Л. Савинковъ будетъ печататься и если въ русской средѣ существуютъ любители поэзіи — его извѣстность обезпечена.

В. Г.

МѢСТНАЯ ЖИЗНЬ.

SALON d'AUTOMGNE.

Въ верхнихъ залахъ Conservatoire Осенняя выставка. Профессоръ Ecole des Beaux-Arts съ группой учениковъ обходитъ по воскресеньямъ — утромъ свѣтлое помѣщеніе; останавливаясь передъ лично ему извѣстными произведеніями, указывая на достоинства и недостатки.

Слѣдуя за нимъ, вы получите много интересныхъ свѣдѣній о развитіи современной живописи и скульптуры.

Сразу бросается въ глаза воздушность пастели у Majorel. Краски легки и жизненны.

Два рисунка Cimière: La Mechanceté и le Mal, гдѣ рѣзко и нарочито грубо переданы самые отвратительные человѣческіе пороки, производятъ неизгладимое впечатлѣніе.

Три великолѣпныхъ полотна Favie; удивительно яркія краски и безупречность передачи, даютъ вѣрное впечатлѣніе о безусловной талантливости живописца.

Къ сожалѣнію нельзя того же сказать о пяти морскихъ пейзажахъ Parroud. Они не вызываютъ у васъ интереса.

Громадныя полотна Martin, мало имѣющія общаго съ классической живописью, — запоминаются. Декоративность исполненія — типа рекламы, не мѣшаетъ отдать должное таланту художника. Великолѣпенъ Кюре и рабочіе, играющіе въ бѣлотъ. Лица эти — живутъ и грубость ихъ жизни на лицо. Духъ отсутствуетъ.

Обратное впечатлѣніе отъ модерниста René Burlet. Духъ властвуетъ въ его картинахъ, цвѣта его красокъ неземные, ирреальные. Сказка въ современности выступаетъ съ его полотенъ.

Слѣдуетъ отмѣтить картину масломъ F. Nesme: Le Christ Revolté; милліоны согнутыхъ тѣней-вдовъ, идущихъ къ подножію Креста, зарево пожаровъ, проволочныя заграждения и черныя змѣи окоповъ. Внизу картины надпись: „И я имъ говорилъ: любите другъ друга“.

Emanuel Cacary даетъ волю фантазіи въ своемъ полотнѣ, гдѣ яркими красками представлено бушующее море. Вы смотрите и вы слышите грохотъ обрывающихся камней и вопли погибающихъ на кораблѣ... Одноглазые великаны выступаютъ изъ пѣнящагося моря, держатъ въ своихъ могучихъ лапахъ громадныя скалы и дико, и грозно хохочутъ...

HOOVER INSTITUTION

Хорошо представлены рисунки дѣтей ліонскихъ школъ и лицеевъ. Много творческой фантазіи и наблюдательности.

Отмѣчаемъ съ удовольствіемъ успѣхъ нашего соотечественника Михаила Задунайскаго въ области декоративнаго желѣза.

Бездѣлушки его, рѣшетки съ невиданными чудовищами и рыбами, производятъ очень хорошее впечатлѣніе и показываютъ, что у художника имѣется большой вкусъ и чувство мѣры. Работа его по красному желѣзу молоткомъ чрезвычайно трудна и кропотлива. Вещи его имѣютъ успѣхъ.

Отъ выставки впечатлѣніе хорошее. Публика ее посѣщаетъ, подолгу задерживаясь передъ любимыми мастерами.

Скульптура представлена слабо.

Любитель.

Балъ въ пользу военныхъ инвалидовъ и безработныхъ.

7-го октября с. г. состоялся балъ въ пользу русскихъ военныхъ инвалидовъ и безработныхъ.

Я не знаю, почему русскіе ліонцы не поддержали этотъ балъ. Почему такое хорошее начинаніе такъ печально, дифицитно окончилось.

Недостаточность рекламы, несвоевременность, безработица — все это не объясняетъ въ достаточной мѣрѣ свершившійся фактъ. Почему имя любимца ліонской публики Браминова, замѣчательное сопрано г-жи Кошукъ не привлекли на этотъ разъ русскихъ; или доброе дѣло помощи стало имъ окончательно чуждо? Быть можетъ дѣйствительно подготовка этого бала, организація его, на этотъ разъ хромала. Но все же, и при наличіи этого обстоятельства не все полнымъ образомъ объяснимо.

Устроитель бала г-нъ Hugues столько разъ самоотверженно отдавалъ дѣлу помощи и время, и деньги. Его не поддержали... Почему?

Никакія политически-религіозныя розни и личныя антипатіи не могутъ оправдать безразличіе и холодность русскихъ къ своимъ изувѣченнымъ и безработнымъ братьямъ.

Да будетъ неподдержавшимъ — стыдно!

О.

Концертъ Хора Донскихъ Казаковъ имени ген. Платова подъ управл. г. Кострюкова.

30 октября с. г. въ Opéra состоялся концертъ Донского хора казаковъ имени Платова.

Хоръ прибылъ въ Ліонъ изъ Парижа, а до Парижа былъ въ Лондонѣ. Онъ оставался въ Ліонѣ четыре дня, за это время онъ далъ концерты въ окрестностяхъ: во Vienne, St Etienne и Chambery.

Мы получили интересныя свѣдѣнія отъ регента хора г-на Кострюкова о томъ успѣхѣ, который сопровождалъ концерты хора въ Сѣверной Америкѣ, Бразиліи, Египтѣ и Англіи.

Хоръ, въ составѣ 27 человѣкъ, изъ Ліона направляется въ Grenoble и дальше въ Швейцарію. Путешествіе производится на нанятомъ, на срокъ двѣ недѣли, автокарѣ.

Изъ Швейцаріи, гдѣ хоръ гастролируетъ въ Женевѣ, Лозаннѣ и Бернѣ, онъ направляется въ Италію, а потомъ на французскій Côte d'Azur.

Программа концерта въ Ліонѣ вмѣщала, какъ свѣтскій, такъ и духовный репертуаръ. Поражала спѣтость и дисциплинированность хора.

Присутствовавшіе на концертѣ, во время самыхъ нѣжныхъ піаниссимо, затаивъ дыханіе, казалось ушли въ другой міръ.

Не слышно было ни кашля, ни шума отодвигаемыхъ креселъ.

Форто, могучее и русское, заставляло биться не только русскія сердца.

Къ сожалѣнію, мы должны отмѣтить недостатокъ выдающихся солистовъ.

Единственный солистъ — теноръ г. К. исполнялъ „Вечерній звонъ“, „Спи, моя дѣвочка“ и удалыя казачьи пѣсни.

Много лѣтъ жившій въ Ліонѣ г. Чагинъ, поступившій въ хоръ Платова, солировалъ. Онъ показалъ хорошую технику. Его пріятный баритонъ гармонировалъ съ ансамблемъ хора. Исполненное имъ „Морре“ является лучшей спѣтой на концертѣ вещью. Имитація шума прибоя — великолѣпна. Не такое впечатлѣніе остается отъ „Спи, моя дѣвочка“. Неувѣренность солиста передается хору.

Спѣтое на бисъ „Эй, ухнемъ“ въ оранжировкѣ г. Кострюкова, отчетливо передаетъ волжскую картину. Ясно видишь бурлаковъ, идущихъ по берегу и тянущихъ истошно лямку.

Наконецъ, „Казачекъ“, исполненный по очереди тремя танцорами, повергаетъ весь залъ въ веселье. Громовые аплодисменты показываютъ, что Платовскій хоръ въ Ліонѣ, какъ и раньше, имѣлъ заслуженный успѣхъ.

Пожелаемъ же ему дальнѣйшаго развитія его дѣятельности для прославленія русской пѣсни.

П.

НЕКРОЛОГЪ

† К. П. Ивановъ-Тринадцатый.

Жалкіе, слѣпые люди. Судите другъ друга по мелочамъ, по партійности, даже по одеждѣ, а не замѣчаете жаркаго горѣнія, которое синѣетъ въ нѣдрахъ души чѣловѣческой. И только въ перспективѣ временъ и въ аспектѣ исторіи рождается объективная оцѣнка. Безъ прошлаго нѣтъ настоящаго. Безъ настоящаго нѣтъ будущаго. Характернымъ представителемъ прошлаго былъ, скончавшійся 2. XII. 1933 г. въ Ліонѣ контръ-адмиралъ Ивановъ-Тринадцатый. Онъ навсегда связанъ съ прекраснѣйшей страницей исторіи Россійскаго флота. 1 августа 1904 г. Неравный бой Владивостокскихъ крейсеровъ съ эскадрой адмирала Кашимуры. Избитые, залитые кровью, уходятъ на родной сѣверъ „Россія“ и „Громобой“. На мѣстѣ сраженія мечется на смерть пораженный „Рюрикъ“. Перебиты мачты, стеньги... Пробиты трубы. Исковерканы борты. Заклинились орудія. На палубахъ смерть, кровь, пожары. Корабль тонетъ. На искалѣченномъ мостикѣ, впившись въ уцѣлѣвшіе поручни — лейтенантъ Ивановъ XIII. Щеки осунулись. Скулы обтянуты. Усы обвисли. Темными сгустками течетъ по лицу кровь. На предложеніе сдаться отвѣчаетъ огнемъ уцѣлѣвшихъ орудій. Безъ расчета на награды. Безъ надежды прославиться, ибо волны сотрутъ все. Впереди смерть. Твердъ до конца, до безпамятства въ холодныхъ объятіяхъ осенняго моря... Пусть каждый изъ насъ, погрязшій въ повсѣдневномъ мѣщанствѣ, честно отвѣтитъ себѣ: способенъ ли онъ на такое голубое самурайство, на желѣзную твердость въ разъ даннаго слова. „Вѣрно и неляцемѣрно, не щадя живота своего, врагамъ Государя моего упорное всюду чинить сопротивленіе до послѣдней капли крови...“ Передъ вѣчно-сіяющей силою доблести надъ свѣжей могилой адмирала склонимъ непокрытыя головы.

Ю. Тарасовъ.

ЕСТОРАНЪ

„РУСЬ"

В. Г. СОКОЛОВА

48, 59, RUE VOLTAIRE, LYON

КОРМЯТЪ ОЧЕНЬ ВКУСНО И НЕДОРОГО

ОБѢДЫ НАЧИНАЯ СЪ 4 ФР. 75 САНТ. СЪ ХЛѢБОМЪ.

СПЕЦІАЛЬНОЕ ПОМѢЩЕНІЕ СЪ ТРЕМЯ РУССКИМИ ЛУЗНЫМИ БИЛЛІАРДАМИ

СВОБОДНО! ЧУДНОЕ ОСВѢЩЕНІЕ!

Тамъ-же ЗАКУСОЧНАЯ

ВОДКА, ВИНА ЛУЧШИХЪ МАРОКЪ, ШАМПАНСКОЕ,

:: КРЮШОНЪ и ГЛИНТВЕЙНЪ. ::

ЕЛКА!!!

Réveillon ■ Сочельникъ

Встрѣча Новаго Года

ОТКРЫТО ВСЮ НОЧЬ

ДОМАШНІЙ УЮТЪ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ и БИБЛІОТЕКА

„КУЛЬТУРА"

ЛІОНЪ, **70-72, rue Rabelais**

ВСѢ НОВИНКИ КНИЖНАГО РЫНКА.
УЧЕБНИКИ, НОТЫ, ОТКРЫТКИ и ГРАВЮРЫ.
ДѢТСКІЯ и НАУЧЫЯ КНИГИ, ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ. МАРКИ ДЛЯ КОЛЛЕКЦІЙ. ИКОНЫ. НАТѢЛЬНЫЕ КРЕСТИКИ.

Библіотека безпрерывно пополняется всѣми новинками.

Получены къ Праздник.: ОТКРЫТКИ и КАЛЕНДАРИ

Кафе-Ресторанъ „РОДИНА"

Іосифа Антоновича КАРГОВА

1, rue du Bains, LYON-Vaise
Tél. Burdeau 70-25

Поздравляетъ уважаемыхъ кліентовъ съ праздн. Рождества Христова и наступ. Новымъ Годомъ

Рождественскій и новогодній столъ; всевозможныя закуски и напитки; спец. блюда по заказу. Шашлыки, Чибуреки и Хаши.

Четвергъ - ПЕЛЬМЕНИ; Пятница - УХА; Суббота - РАЗСОЛЬНИКЪ

Музыка. Посл. новости по радіо. Билліардъ „Russe"

Кухня подъ наблюденіемъ проф. поваровъ

Кооператоры!

Если вы озабочены помѣщеніемъ Вашей свободной наличности съ тѣмъ, чтобы одновременно, получая значительную пользу, имѣть полную и серьезную гарантію въ будущемъ, Вы безъ сомнѣнія поймете, что Вамъ слѣдуетъ довѣрить свои сбереженія

КООПЕРАТИВНОМУ БАНКУ ФРАНЦІИ

BANQUE DES COOPÉRATIVES DE FRANCE

Siège Social à Paris, 31, rue de Provence
AGENCE RÉGIONALE: 65, Avenue Jean Jaures, LYON
Tél.: Parmentier 17.88 ■ R. C. 6426 ■ Chèques post. 3.87 Lyon

Единственное Кредитное Учрежденіе, спеціально созданное кооператорами Франціи въ цѣляхъ содѣйствія кооперативнымъ обществамъ, защиты ихъ интересовъ и развитія кооперації во Франціи.

Производимъ всякія банковскія операціи. Вклады до востребованія. Вклады на срокъ. Текущія счета Храненіе цѣнныхъ бумагъ. Провѣрка тиражей. Оплата всякихъ купоновъ. Всевозможныя биржевыя операціи. Размѣнъ, регумеризація цѣнныхъ бумагъ. Подписка на займы.

РАЗМѢРЫ ПРОЦЕНТОВЪ:

Вклады до востребованія	3,25 %
„ на срокъ 1 годъ	4,75 %
„ „ 2 года	5 %
„ „ 5 лѣтъ	5,25 %
По текущему счету	2,75 %

Денежн. переводы въ Россію черезъ Торгсин
Стоимость переводовъ: 10 фр. за кажд. переводъ.
Продажа билетовъ НАЦІОНАЛЬНОЙ ЛОТЕРЕИ
КРУПНЫЕ ВЫИГРЫШИ.

БАКАЛЕЙНЫЙ МАГАЗИНЪ

РУССКІЕ ПИЩЕВЫЕ ПРОДУКТЫ

P. CHATANAI
142, rue de Créqui, LYON

Всѣ крупы. Малосольные огурцы. Королевскія сельди. Балыкъ. Икра. Грибы сухіе. Халва. Всѣ рус. консервы.
ЧАЙ Высоцкаго и Ко. — Кузмичева и Ко.
Гильзы для папиросъ и т. д. *Цѣны умѣренныя*

Борисъ Поляковъ

150, RUE GARIBALDI, 150
(Между Cours Lafayette и rue Moncey)

Для Вашихъ электрическихъ проводовъ и постовъ **T. S. F.**
будетъ СПЕЦІАЛЬНАЯ ЦѢНА

І. КАЙШІАНЪ

Покупайте свѣжіе русскіе продукты по дешевой цѣнѣ въ моемъ

БАКАЛЕЙНО-МЕЛОЧНОМЪ МАГАЗИНѢ
150, rue Moncey, 150

РАЗНАЯ ВОДКА, ЛИКЕРЫ, ЧАЙ КУЗМИЧЕВА, КОРОЛЕВСКІЯ СЕЛЬДИ, ШПРОТЫ, ХАЛВА, РАХАТЪ-ЛУКУМЪ, ОГУРЦЫ и т. д.

Дипломированный ПОРТНОЙ для мужчинъ и дамъ

J. ZAROUKIAN ЗАРУКІАНЪ

10, rue François Garcin, Lyon

Костюмы, пальто передѣлка по мѣркѣ

ЦѢНЫ: начиная съ 275 фр. — пальто и 325 фр. — костюмъ.
Для читателей жирнала „ВЗЛЕТЫ" 5% скидка.

ПЛАСТИНКИ

РУССКІЯ, УКРАИНСКІЯ, ПОЛЬСКІЯ
ПЛАСТИНКИ въ гор. Ліонѣ

Maison GONET

75, PASSAGE DE L'ARGUE
(около Place de la République)

ГРАММОФОНЫ всѣхъ марокъ. ГИТАРЫ. МАНДОЛИНЫ итальянскія. БАЛАЛАЙКИ. ДОМБРЫ. БАНЖО. Гавайскія ГИТАРЫ. ГАРМОНИКИ итальянскія хроматическія. ПІАНИНО. ЖАЗЗЪ полный отъ **350** фр.

РУССКІЯ НОТЫ

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
подержанныхъ ПІАНИНО отъ **550** фр.
Всѣмъ читателямъ „ВЗЛЕТОВЪ" скидка 5%
ПРОДАЖА ВЪ КРЕДИТЪ.

Магазинъ открытъ по воскр. и праздн. днямъ

3003 Imprimerie E. Gelezniakoff, 51, rue Van Campenhout, Bruxelles N-E (Belgique) Téléphone 33.20.50

ВЗЛЕТЫ

№ 1 1934

HOOVER INSTITUTION

„ВЗЛЕТЫ“

Единственный во Франціи литературно-художественный журналъ Русской молодежи.

Принимаются рукописи по отдѣламъ: литературному, художественному, научному и критики.

Авторовъ рукописей просятъ присылать ихъ четко написанными на одной страницѣ каждаго листа. На отвѣтъ прилагать марку.

Продажа журнала: во Франціи

LYON: 71 — 72 rue Rabelais, книжный магазинъ „Культура“.
DÈCINES: Mr. Chapovaloff. 5, rue Nouvelle, 5 (Vaulx en Velin).
PARIS: Mr. Gultzgoff, 21, rue des Dames, 21, Paris (17).
BELFORT: Mr. Koulikoff, 80, avenue Jean Jaures, 80, Belfort.

Въ Италіи

MILANO: Mr. S. Lamperti, via Bazzini 27.

Генеральныя представительства

Въ Польшѣ:
Księgarnia „Dobro“, Warszawa, Krakowskie Przedmieście 53.

Въ Сѣв. Америкѣ и Канадѣ.
Mr. Peter Ruth, 2034 Lexington av. apt. 5. New York n. 4. USA.

Въ Бельгіи:
Mr. Arsène Tchernykh. 99, rue Charles Quint. Bruxelles.

Ищутъ генеральныхъ представительствъ во всѣхъ странахъ.

Книжный Магазинъ и Библіотека

„КУЛЬТУРА“

ЛІОНЪ, 70-72, rue Rabelais

ВСѢ НОВИНКИ КНИЖНАГО РЫНКА

Учебники, Ноты, Открытки и гравюры. Дѣтскія и научныя книги, журналы и газеты. Марки для коллекцій. Иконы. Натѣльные крестики.

:-: :-: :-: Библіотека безпрерывно пополняется всѣми новинками. :-: :-: :-: :-: :-:

ПОЛУЧЕНЫ ОТКРЫТКИ И КАЛЕНДАРИ.

ВЗЛЕТЫ

LES ELANS

Независимый
Литературно-художественный
Журналъ Русской Молодежи

подъ редакціей
В. ОЛЬДЕНБОРГЕРА

21, rue Paul Bert, Lyon (3) France

СОДЕРЖАНІЕ:

Міровая слава Достойнѣйшаго. — Фелькнеръ.
Иванушка-дурачок. — В. Синій.
Annie (продолженіе) — Т. Величъ.
Собака. — В. Тлѣнный.
** * * стихотвореніе — В. Гюльцгофъ.*
REVEILLON. — В. Тарасовъ.
Эмигрантъ. — А. Величковскій.
Психологія денаціонализаціи и способы борьбы съ ней. — Сынъ Ивана.
Засвѣтила лампаду. — Людмила Чаликъ.
Ліонъ старый городъ. — Черкассовъ.
Озеро Маджіоре. — Страхова.
Библіографія.
Критическій отдѣлъ.
Мѣстная жизнь.

:-: :-: № 1

Апрѣль 1934 г. :-: :-: :-: :-: :-: :-: :-: :-:

Цѣна номера во Франціи 2 фр. 50 сант.

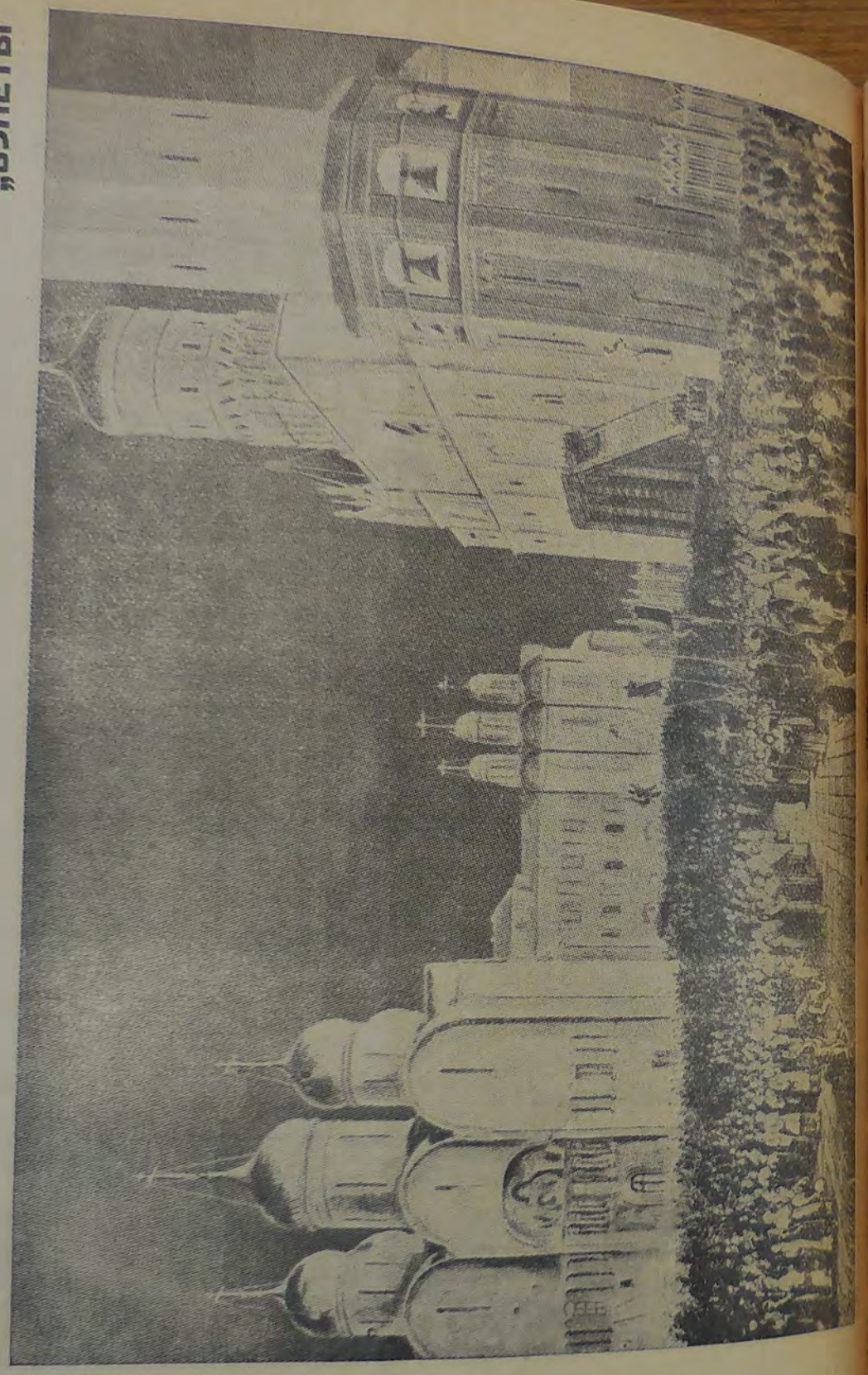
Заграницей — 3 фр.

HOOVER INSTITUTION

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Поздравляемъ уважаемыхъ г. г. читателей со Свѣтлымъ праздникомъ Христова Воскресенія.

„ВЗЛЕТЫ"



Міровая слава — достойнѣйшему!

О БУНИНѢ — ПОЭТѢ — *его же* словами.

„Въ сторонѣ далекой отъ родного края", на „миломъ" Ивану Алексѣевичу Бунину Скандинавскомъ „сѣверѣ", раздался 9 ноября минувшаго года „гудящій благовѣстъ". Отвѣчая давнему предчувствію самого поэта, „звѣздой пылающей вознесено надъ міромъ" ставшее отнынѣ въ „свѣтѣ незакатномъ" „смерти недоступнымъ" это славное русское имя. И, если раньше Бунинъ имѣлъ въ виду, „вырѣзывая на альпійскихъ высотахъ свои сонеты", только избранныхъ, „тѣхъ, кто бродитъ на вершинѣ", то теперь его долженъ захватить и не можетъ не „радовать" восторженный „привѣтъ" увлеченной его міровымъ „успѣхомъ „толпы" всего культурнаго человѣчества. Ибо несомнѣнно, что въ эти незабываемые дни душа нашего вѣнценосца, „затрепетавъ, какъ крылья вольной птицы", коснулась солнечной поющей высоты. А съ тѣмъ вмѣстѣ воспряло духомъ и родное ему Зарубежье, для котораго, благодаря *вновь* признанному величью русскаго слова, „стала ночь свѣтлѣй" и, хоть на время „позабыты старыя гробницы, и кельи тѣсныя, и страхи темноты" покрывшей несчастную Родину. Возложенные на гордое Бунинское чело Стокгольмскіе лавры— общее русское достояніе, относимое черезъ голову лауреата къ „обѣтованному отеческому краю", еще переживающему „черныя ночи ненастья"... Но

разсвѣтъ недалекъ и бодряще звучитъ обращенный къ намъ призывъ Бунина. „Приготовьтесь къ Великому мукой великихъ потерь!“. Самъ онъ—давно готовъ: не онъ ли произнесъ, что „чутко встану я на голосъ Капитана“!

Въ чемъ-же Бунинское очарованье, его непреходящее право на почетное мѣсто въ сонмѣ подлинныхъ олимпійцевъ міровой литературы: и то и другое—въ мастерскомъ воплощеніи возвышенныхъ мыслей въ великолѣпномъ словѣ, въ его „глаголахъ незакатной красоты“, находящей откликъ на всѣхъ языкахъ, даже въ относительно удачныхъ переводахъ. Вотъ почему Бунинъ имѣлъ уже давно откровеніе, что „будущимъ поэтамъ, для меня безвѣстнымъ, Богъ оставитъ тайну—память обо мнѣ“. Не даромъ онъ „въ сердцѣ жадно, радостно копилъ избытокъ силъ, какъ медъ въ незримыхъ сотахъ“.

Нѣкоторые критики находили, что стихотворенія Бунина являются лишь красивымъ музыкальнымъ прологомъ къ послѣдующей блистательной прозѣ. Существуетъ мнѣніе, что поэтическое дарованіе Бунина ярче выдвигается въ его прозаическихъ произведеніяхъ. Самъ Нобелевскій лауреатъ полагаетъ, что, повидимому, премія присуждена ему собственно за „Жизнь Арсеньева“, какъ наиболѣе зрѣлое его твореніе. За убѣдительность даваемаго авторомъ объясненія своего успѣха говоритъ то, что среди Стокгольмскихъ судей, наряду со знатоками русскаго языка, читавшими всего Бунина въ подлинникѣ, были и другіе, судившіе о русскомъ кандидатѣ по переведеннымъ на разные иностранные языки произведеніямъ Бунина — повѣтствователя и романиста, причемъ прелесть Бунинской лирики учитывалась ими лишь по совокупности литературнаго актива нашего блистательнаго писателя. Вѣрно, конечно, и то, что классичность „Арсеньева“ болѣе всего отвѣчаетъ опредѣленію Пушкина о совершенствѣ только такого созданья, гдѣ „планъ обширный объемлется творческой мыслью и смѣлостью воображенья“. За одно съ „Жизнью Арсеньева“, академическая оцѣнка охватила и такіе шедевры, какъ „Деревня“, „Суходолъ“, „Митина Любовь“, „Господинъ изъ Санъ-Франциско“, „Петлистыя уши“, „Іоаннъ Рыдалецъ“, „Князь во князьяхъ“. Во всѣхъ сочиненіяхъ этихъ выступаютъ, на основаніи глубокаго знанія русскаго народнаго быта и запустѣнья помѣщичьихъ гнѣздъ, превосходныя чисто-Тургеневскія описанія природы, прямо—Гончаровскій колоритъ, очаровательныя лирическія страницы, полныя тонкой психологіи... Все это безспорно, но не умаляетъ высокой каче ственности Бунинскихъ стихотвореній, *языкъ* которыхъ равно заслуживаетъ ему пальму первенства.

Его превосходство — въ художественной изобразительности, въ неподражаемой яркости образовъ, въ изумительной красочности его палитры. Разсматривая Бунина здѣсь только, какъ поэта, получившаго именно за стихи, еще въ молодые годы, Пушкинскую премію и вскорѣ посвященнаго въ члены Россійской Академіи по отдѣлу изящной словесности, можно сослаться на безчисленные примѣры необычайной наблюдательности его зоркаго глаза.

Такъ, при описаніи осени въ „Листопадѣ“ Бунинъ пользуется восмью красками, устанавливая своего рода рекордъ многоцвѣтности, непревзойденной ни Пушкинымъ, ни Лермонтовымъ, ни—въ лѣсной картинѣ — Кольцовымъ. Въ изображеніяхъ природы Бунинскій языкъ располагаетъ совсѣмъ оригинальными оттѣнками, напр. *„молочно-синій“* туманъ и *„нѣжно-млечная синева“*. Небеса часто чуть *сѣрѣютъ*, но случается быть „подъ небомъ *мертвенно-свинцовымъ“*. *Красный* цвѣтъ чередуется у него съ *алымъ, багрянымъ, рубиновымъ*: „мѣсяцъ садится за рѣку *краснымъ* серпомъ“ и „надъ болотомъ рѣетъ *красный“* сумракъ“, но поэтъ говоритъ и о „Западѣ *сумрачно-аломъ*“. Показывается *„багряная луна“* и приводитъ въ восторгъ *„пожаръ Полярнаго сіянія“*, тогда какъ „царственнымъ гербомъ горятъ холодныя алмазныя Плеяды“, но что касается обыкновенной зари, то

она обозначается просто „полоской *алаго огня*“. Отъ кадила же подымается „дыханіе *рубиновыхъ* углей“. Съ другой стороны у него „алтарь озаряется *янтарнымъ* блескомъ свѣчъ и солнца“. На поляхъ Бунинскихъ „въ *сизыхъ* ржахъ васильки зацвѣтаютъ *и бирюзовый* виднѣется ленъ“.

Не рѣдокъ у Бунина почти не встрѣчающійся у другихъ нашихъ поэтовъ эпитетъ „стеклянный“: такъ „рѣютъ *радужно-стеклянныя* стрекозы“ и *„стеклянный* и ядреный промчался дождь“, въ то время какъ „родникъ *стекломъ расплавленнымъ* бѣжитъ“, на Днѣпрѣ-же „ясно рѣчное *стекло*“! Отъ морскихъ волнъ разсѣивается *„лазурно-фосфорическая пыль“*, но зеленый цвѣтъ той же морской воды сквозитъ въ *„стеклянномъ небосклонѣ“*. Наконецъ, зеленая окраска переходитъ у него однажды въ *„неуловимый зелено-серебристый свѣтъ“*. Достаточно и этихъ образцовъ для даваемыхъ художественной кистью нашего поэта *цвѣтовыхъ оттѣнковъ*. Этимъ даромъ надѣленъ онъ самой природой, по его еще юношескому молитвенному желанію:

„Ты раскрой мнѣ, Природа, объятія,
Чтобъ я слился съ красою твоей.
Ты, высокое небо, далекое,
Безпредѣльный просторъ голубой,
Ты, зеленое поле широкое,
Только къ вамъ я стремлюся душой“

Отъ Бунинской поэзіи вѣетъ чистымъ идеализмомъ, отчасти унаслѣдованнымъ какъ отъ прабабушки поэтессы Анны Петровны Буниной, получившей названіе „Россійской Сафо“, такъ и отъ другого прославленнаго сородича Василія Андреевича Жуковскаго. Бунинъ опредѣленно заявляетъ: „старыхъ предковъ я наслѣдье чую“ и склоняется предъ дивной властью надъ нимъ прошлаго, мучительно страдая отъ того, что „не воротишь жизни прожитой назадъ“. Но онъ горячо вѣритъ въ то, что „придетъ, придетъ пора и воскресенья, и дѣянія, прозрѣнія и покаянія“. Онъ твердо надѣется на возрожденіе Россіи съ возстановленіемъ „Града Петра“, такъ какъ

„Петръ значитъ камень. Сынъ Господній
На камени созиждетъ храмъ
И скажетъ: „Лишь Петру я дамъ
Владычество надъ преисподней“

Возсозданію этого поруганнаго нынѣ властью Сатаны Храма И. А. Бунинъ служитъ доблестно за рубежомъ Россіи, какъ ревнитель основного національнаго нашего сокровища—великаго русскаго языка въ прозѣ и въ стихахъ. И „спасибо ему скажетъ за это сердечное“ освобожденный русскій народъ, о которомъ Бунинъ такъ печалился еще въ *первомъ* напечатанномъ *въ 1886 году* стихотвореніи, безъ всякаго сравненія—въ безконечное число разъ болѣе подходящее къ теперешнему состоянію:

„Грустно видѣть, какъ много страданья
И тоски, и нужды на Руси“...

Но тотъ же Бунинъ „какъ будто то, что было и прошло, *уже* познало радость воскресенья“, готовъ повторить, обращаясь къ обманутой затравленной народной массѣ: „Но не судья тебѣ я за грѣхи былого“.

Вл. Фелькнеръ.

Женева, 4 января 1934 г.

ИВАНУШКѢ-ДУРАЧКУ

Огонькомъ сиротливымъ и маленькимъ
трепещу на узорномъ окнѣ.
Дѣдъ-Морозъ задремалъ на завалинкѣ
и тихонько бормочетъ во снѣ.

Наступивъ на избу, обезножила
поднебеснаго калики пядь;
и подъ ней никому свѣта Божьяго.
никому изъ окна не видать.

Спи, Иванъ, въ эту темень кромѣшную
на полатяхъ у Бабы - Яги,
я тебѣ въ изголовьи навѣшаю
вѣщихъ сновъ золотые стоги.

Нагишемъ въ ночь морозную сбѣгаю,
(мнѣ и стужа, и тьма — нипочемъ).
по полатямъ, по бѣлому снѣгу - ли
протянусь многострунным лучемъ.

А на струнахъ за пѣсенкой пѣсенку
буду ткать, неустанно снуя,
и волшебную выплету пѣсенку
изъ избы въ голубые края.

Будетъ каждая пѣсня пропѣтая
въ новый день поворотомъ ключа. . .
Все же, знать, не увижу разсвѣта я,
пѣтухи безъ меня закричатъ.

Твой братишка съ умомъ, да за разумомъ,
самый старшій давно въ отрубу.
Одинъ ты — за Христовою пазухой:
я подслушалъ у Дѣда судьбу,

Отъ Непомнящихъ славнаго рода мнѣ
заповѣданы хартіи вьюгъ.
Спи, Иванъ, я твоими невзгодами
свое сердце стократъ обовью,

Сиротливымъ и маленькимъ пламенемъ
до зари на окошкѣ распнусь. . .
Не забудетъ меня въ поминаніи
православная синяя Русь.

Владиміръ Синій.

ANNIE.

(Продолженіе).

Однажды Annie пришла поздно, когда я ее уже не ждалъ. Вошла стремительно въ комнату свѣжая, хорошенькая, нарядная и, извинившись за опозданіе, заявила, что не сможетъ позировать, т. к. задержалась у портнихи и очень спѣшитъ домой. Потомъ достала изъ сумочки билетъ и, протянувъ его мнѣ, сказала, что сегодня— студенческая вечеринка въ Jardin d'hiver, куда она и собирается. „Можетъ-быть, васъ monsieur, это заинтересуетъ; будетъ довольно богатая программа, но билеты только по приглашенію, потому я вамъ и принесла одинъ". Я поблагодарилъ „Только врядъ ли я смогу, m-elle Annie, старъ сталъ да и облѣнился... впрочемъ, если вы ничего не имѣете противъ, я, можетъ быть, передамъ билетъ кому нибудь изъ моихъ друзей, помоложе меня".

„Конечно, конечно!.."—а сама покраснѣла чуть не до слезъ. Ага, думаю, вотъ въ чемъ дѣло; ну, думаю, надо немножко подтрунить.—„А какая, спрашиваю, программа?" — „Гвоздь, конечно, выступленіе Яковлевой, которая пріѣдетъ къ намъ сразу же по окончаніи оперы: кромѣ того, американскіе ковбой — girls да наши студенческіе любители, среди которыхъ есть прекрасный скрипачъ--вашъ соотечественникъ"

— „Ахъ, какъ заманчиво, говорю, особенно Яковлева, моя давнишняя симпатія. Знаете, m-elle Annie, вы меня, кажется, соблазнили..."

— „Мы всѣ будемъ такъ рады..." Голосъ и слова — любезные, а въ глазкахъ какъ будто бы какое-то безпокойство: „Если хотите, я вамъ еще оставлю билетъ для кого-нибудь изъ вашихъ знакомыхъ".

„Merci, но я врядъ ли увижу кого нибудь сегодня вечеромъ".

У Annie носикъ вытянулся. Условились мы о слѣдующемъ сеансѣ, посидѣла еще моя Annie нѣсколько минутъ. Сидитъ какъ на иголкахъ и то на часы, то на дверь поглядываетъ. Потомъ вздохнула, поднялась, пожала мнѣ руку и вышла. Какъ только Annie ушла, положилъ я ея, пахнущій духами билетикъ въ бумажникъ, надѣлъ шляпу и вышелъ на улицу. Пошелъ я прямо въ тотъ ресторанъ, гдѣ часто встрѣчался съ пріятелями. Вижу: сидитъ въ обществѣ Вѣры Невѣровой мой Юрій Александровичъ. Присѣлъ я въ сторонкѣ и наблюдаю эту пару. Невѣрова эффектна въ яркомъ туалетѣ, съ поистинѣ изумрудными глазами. Слишкомъ весело смѣется, куритъ папироску, потягиваетъ сквозь трубочку какой-то мутный коктейль, а у ея кавалера лицо не слишкомъ оживленное, кажется, что-то отвѣчаетъ невпопадъ... глаза отсутствующіе... „Такъ, такъ" — думаю.

Потомъ, вижу, она оттопырила карминовыя губы, какъ капризный ребенокъ, подвинулась поближе и положила свою руку на его рукавъ. Замѣтилъ, между прочимъ, я ея ногти — длинные, острые, противоестественно кроваваго цвѣта. Впечатлѣніе такое, какъ если бы ихъ ей сорвали въ какой-то жуткой пыткѣ и обнажили „живое мясо". Вижу: Юрій свою руку отодвинулъ и даже плечами досадливо повелъ. Сверкнула дама на него обиженно глазами и поднялась. Изящная, высокая, замѣтная...

Не одна пара мужскихъ глазъ остановилась на ней съ восхищеніемъ. Юрій Александровичъ тоже поднялся, помогъ ей одѣться, проводилъ до двери и.... вернулся. Тутъ замѣтилъ онъ меня — вижу сразу искренно обрадовался, подошелъ, жметъ руку энергично. Усѣлись мы съ нимъ вмѣстѣ; „Ну, какъ работа?"—спрашиваетъ —„Спасибо, подвигается, а ваша? Какая дѣйствительно интересная женщина эта Вѣра Невѣрова, я тутъ ее въ сторонкѣ разглядывалъ". — „Вы находите? да она эффектна, бьетъ въ глаза яркими красками... но глупа, Боже мой, какъ глупа! Между нами будь сказано". — „Этого, говорю, не знаю, но красива она очень и, повидимому, одна изъ поклонницъ вашего таланта.. и ваша".

(Продолженіе слѣдуетъ).

Т. Величъ.

СОБАКА

Уличная картинка.

По улицѣ грязной, суетливо жалкой,
Дышащей мокрой клоакой
проходилъ нищій съ палкой
и съ лохматой, сѣрой собакой.

Отъ холода утренняго дрожали мощи
подъ давно истлѣвшей рубашкой.
Стуча посохомъ шелъ къ площади, —
чтобы тамъ потрясти чашкой.

Песъ залаялъ: чуялъ правила,
видѣлъ стальные гвозди;
поздно. . . ходъ машина не сбавила,
распластала слѣпого возлѣ.

Праздный людъ. . . Спорятъ, ругаются:
„Какого онъ шелъ чорта?“
А лохматый песъ убивается —
тычетъ свою морду въ мертваго. . .

Вл. Тлѣнный.

Изъ Рабиндранатъ Тагора.

* * *

На разсвѣтѣ я неводъ закинулъ въ море.
Изъ темныхъ глубинъ онъ принесъ мнѣ дивные дары: Одни сіяли, какъ улыбки; другіе блестѣли какъ слезы, а третьи были подобны румянцу юныхъ ланитъ.
Въ жаркій полдень я домой возвратился.
Она сидѣла в саду и небрежно рвала лепестки.
— Къ ногамъ я сложилъ свой чудесный уловъ —
— Она поглядѣла и молвила: „Для чего мнѣ такіе смѣшные дары!?“
Мнѣ было больно и обидно.
И къ ночи я разбросалъ по дорогамъ мой странный уловъ.
Утромъ путники шли. Находили тѣ чудныя вещи и по странамъ далеким ихъ разнесли.

В. Гюльцгофъ.

RÉVEILLON.

Смѣятся вовсе не грѣшно, надъ тѣмъ что кажется смѣшно.

Самъ я, милъ-человѣкъ, можно сказать, матросъ родомъ. Изъ Одессы я.

Служилъ въ Ропитѣ, а когда призвали, на флотъ Черноморскій опредѣлили.

По первахъ на „Евстафій“, а потомъ на „Марію“ переписали.

Апосля, когда она утопла, на „Александрѣ III“ былъ, да такъ до конца, до самой Африки, на немъ оставался.

Ему имена мѣняють, то „Воля“, то „Алексѣевъ“, а меня въ покоѣ оставили, такъ до сихъ поръ Никитой Парѳеновымъ и значусь.

Да и то сказать, самъ-то я смирно сидѣлъ.

Въ революцію на митингахъ не горланилъ, офицеровъ не только, что тамъ, въ топки не пихалъ, а даже ни одного погона не сорвалъ. За что ихъ тиранить? Тоже люди подневольные. Правда, не видя во мнѣ усердія, товарищи меня „драконовымъ охвостьемъ“ дражнили, а впрочемъ не трогали. Все же свой братъ. Такъ вотъ, когда у насъ, въ Бизертѣ, корабли отняли и на берегъ списали, поѣхалъ я во Францію, въ Марселю. Такъ тамъ и остался.

Работаю себѣ въ порту, жить можно и деньга будетъ, если не зашибать.

За послѣдніе годы тыщенокъ нѣсколько наскребъ.

Тутъ узналъ я по случаю, что живетъ въ Ліонѣ землякъ мой, Митрофанъ Колѣновъ.

Ну, отписалъ ему.

Онъ отвѣтилъ. Женился на француйкѣ и бастрюковъ ужъ отъ нея завелъ. Только адрестъ вродѣ, другой пишетъ. Ну, думаю, перемѣнилъ адрестъ. Что жъ, дѣло семейное. Живетъ — размножается. Вѣрно тѣсно стало. Перемѣнилъ апартаменъ. Зоветъ къ себѣ ревіенится. Ну собрался я разъ и въ самый сочельникъ, в Ревіенъ по ихнему, въ этотъ самый Ліонъ, и прибылъ.

Вотъ тутъ бѣда и вышла.

Не могу своего камарада найтить. Никто этой самой улицы не знаить. Хоть тресни. У самихъ французовъ спрашивалъ. Лапочутъ что-то, а что не поймешь. Сами знаете, милъ-человѣкъ, что ліонцы ваши по французскому никакъ говорить не могуть словно по блатному стучать. И называется это у нихъ „путуа“, значить, путають тебя, чтобы не понялъ. Да еще тянуть словно въ церкви, или какъ новобранцы какіе. Бывало, нашъ боцманъ сразу такому морду таранитъ. Ничего, смотришь черезъ мѣсяцъ ладно по матросски разворачивается. Какъ марсельцы наши. Быстро и хлестко. Слушать любо.

Такъ вотъ адрестъ. Что его тутъ дѣлать. Наконецъ, одинъ французъ подвернулся. Хоть 10 лѣтъ въ Ліонѣ и живеть, а по французскому чисто расправляется, самъ изъ Авиньёна родомъ. Выходить, значить, вродѣ землякъ мнѣ.

Вошелъ въ мое отчаяное положеніе, да и указалъ мнѣ одинъ ресторанчикъ русскій. Можетъ, говоритъ, тамъ его встрѣтите или можетъ кто его знаить. Ну-съ захожу я въ этотъ ресторанъ. Вотъ только не помню, какъ онъ называется. Смотрю, комната маленькая, низенькая, а народу битками набито. Да все публика, видно, раньше чистая была. Сѣлъ я за одинъ столикъ. Вижу съ боку, значить, отъ меня, двѣ дамочки съ кавалерами сидять. Сидять не сидять, а больше танцуютъ, но, можно сказать, за тотъ столъ присаживаются. Одна изъ нихъ очень ужъ мнѣ понравилась. Ужъ такая краля. Глазищи себѣ такіе отростила. Какъ отъ вольнаго пальта пуговицы. Одной краски на ряшку франковъ на 10 изросходовала. Сразу

видно—интельгенція. Я до бабъ очень охочь, да по этой линіи у меня всегда невязка получается. А они все танцуить, да танцуить, а присядетъ, шампаню хлещетъ и обратно танцуить. Ну, думаю, дай и я шампани хлебну. Заказалъ бокалъ и закуску къ нему копченую селедку взялъ. Что-то оно мнѣ поперекъ горла встало. Заказалъ тогда литру краснаго. Ладное вино дали. Съ перваго стакана въ головѣ закружило и вродѣ сразу назадъ проситься стало. Думаю не стравить бы въ ресторантѣ. Срамъ. Кнацаю на приглянувшуюся мнѣ дамочку, а та бѣльмами, какъ прожекторами, вращаетъ, а на меня: ноль вниманья — пудъ призрѣнья. Затянулъ тутъ я пѣсню, чтобъ дамочки на меня покнацели, значитъ. Хорошую такую пѣсню. Еще въ царское время спѣвали.

Всякій сволочь про то знаить,
какъ матрос пьеть и гуляить,
а никто про то не знаить,
какъ матросъ страдаить.

Тутъ одинъ изъ кавалеровъ, который до того еще все выкоблучивался, что онъ, дескать, за двѣ войны здорово въ чинахъ возвеличинъ, а въ крестахъ и медаляхъ, какъ въ пуху, вываленъ, а потому выходитъ, всѣ должны ему кланяться и всякій почетъ и уваженіе оказывать, возьми да взъѣшься на меня, чтобъ я въ пѣснѣ не выражался.

Говорю: Я очень извиняюсь, но знать Васъ не знаю, а потомъ, можетъ, я въ Рассеи кадетскій университетъ кончилъ. Ну, тутъ у насъ авралъ и произошелъ.

Да, подскочилъ къ намъ супчикъ одинъ. Хозяинъ не хозяинъ, а видать за старшаго, кто куды пошлетъ. Въ родѣ какъ ревизоръ у насъ на „Евстафіи“. Всюду суется, а толку отъ него никоторого. Совсѣмъ безъ понятія дядя. Но между прочимъ унялъ насъ. Ну, да я смирный. Тутъ запримѣтился мнѣ Вася один. Онъ, кажись, давно здѣсь торчалъ, но какъ-то мнѣ безъ вниманія. Костюмъ на немъ такой шикарный, буро-малиновый въ полоску, да галстухъ красный, да шарфъ желтый въ зеленую клѣтку. Заглядѣнье. Такое только у арабовъ видѣлъ. Не умѣють рассейскіе одѣваться. А вотъ у этого вкусъ есть.

Только братишки сильно на взводѣ. Кренъ градусовъ 30 держитъ. А ходить такъ вовсе не можетъ. Какъ ступнетъ, так лѣвая греби, правая табань получается. Все хозяйкѣ что-то изъяснить пытается, гдѣ-то его очень обидѣли. А хозяйкѣ, видно, ужъ отъ него не въ моготу. Вовсе заскучала. Тутъ подлетаетъ къ нему ревизоръ мой. Тотъ, что меня успокаивалъ. Что то стучитъ парню вполголоса. А тотъ ему такъ гордо по французскому... „Аляле ву цанъ“. По нашему выходитъ: Будьте любезны милчеловѣкъ, пойдите къ чортовой матери, если вамъ все равно. Ужъ очень народъ французы вѣжливый. Даже ругаются деликатно. Но ревизору это не пондравилось. То ли только оттуда вернулся и обратно не охота иттить или еще что, во всякомъ разѣ, заругался этакъ густо, уже по русскому, взялъ Васю за душу, шарфъ и галстухъ въ одно связалъ! Думаю себѣ: пиши пропало, а хорошее барахлишко было. Да крѣпкій и плотный такой, сукинъ сынъ. Даромъ что маленькій. Корешокъ—одно слово. Смотрю: Вася до ревизорской морды добраться норовитъ, да гдѣ тамъ! Пьянъ дюже. Не выгребетъ. Завертѣлись, закружились, печку съ собой захватили да колесомъ наружу и выкатились. Не видалъ, кто дверь имъ открылъ. Спасибо, печка за чью-то юбку зацѣпилась и при насъ осталась. А ревизоръ Васю уже на улицѣ доколачивалъ. Тутъ на помогу ревизору военноначальникъ вырвался. Тотъ, что со мной спорился. Значитъ, не можетъ своего геройства въ себѣ сдержать.

Дверь обратно закрыли, чтобы сквозняку не было и каждый свое дѣло продолжаетъ. Кто пьетъ, кто танцуетъ.

Тутъ подкатился ко мнѣ шарикомъ молодой человѣкъ одинъ. Сытый и гладкій такой, ажъ глазъ не видать. Одно слово — не рабочій человѣкъ. Да ласковый такой. Предлагаетъ журнальчикъ купить. Сами, говоритъ, в Ліонѣ печатаемъ и стоитъ 2 фр. 50 сн. Мнѣ хоть и безъ надобности, но купилъ. Потому — люблю обходительность. Раскрылъ. Куплетовъ всякихъ много. Разсказики. А такъ журнальчикъ тощенькій. Такой цѣны не стоить. Ну, да видѣли очи, что купували. Маркотно мнѣ стало. Расплатился съ кельнеркой, выхожу на улицу. С вятъ, святъ, да что же это такое. Лежитъ человѣкъ и ужъ не гукаетъ. Въ полномъ дрейфѣ лежитъ, а на немъ другой человѣкъ танцуетъ. Вродѣ какъ негръ. Видалъ такое на вочахъ. Священный танецъ черныхъ называется. Дай, думаю, съ лица погляжу, кто это. Фигура знакомая показалась. Зашелъ с другого борта. Батюшки! Мой давнишній супротивникъ, которому кланяться нужно. Съ заду негръ, а съ переду Георгій Побѣдоносецъ на зміи, только багра не хватаетъ. Ну тутъ я руль на бортъ и подальше отъ нихъ, въ центру города подался. На улицахъ пусто. Развѣ пройдетъ компанія французовъ. Пѣсни горланятъ, потому ревіёна нажрались, а впрочемъ никого не задѣваютъ. Вѣжливый народъ. Культура. Пришелъ на одну плясу. Кабаки всѣ заперты, а вотъ газетная будка открывается. Газетчикъ тамъ въ тюкахъ копошится. Глядь, одно кафе открылось. Бросилъ газетчикъ будку, кассу на окошечкѣ и подался на огонь. Вотъ здѣсь народъ какой честный, ничего запирать не надо. У насъ бы въ Рассеи все бы сперли. Вмѣстѣ съ будкой. Пошелъ и я въ то кафе. Стою у стойки, пью и на французовъ поглядываю. Видно, кофейщикъ съ газетчикомъ камарады. Выпилъ я свой канонъ, дѣлать нечего. Подошелъ къ двери. Вижу прошли два гаврика и каждый по два тюка газетъ тащитъ. Мои французы тоже ихъ увидали. Переглянулись и тоже на улицу, да за ними. Я тутъ все понялъ и тоже вонъ. Прибѣгъ. Вижу мордянка полная. Мои французы гаврикомъ скулы крѣпили. И не отбиваются. Возвращаются мои французы. Сурьезные такіе и дышатъ тяжело. На совѣсть, значитъ, кулаками махали. Молодцы. Такъ и надо. Не воруй да еще въ праздникъ. А гаврики одинъ лежитъ, совсѣмъ концы отдалъ, а другой встать пытается, да говорить хочетъ, да юшка ему мѣшаетъ. Ужъ очень много ее изъ всѣхъ щелей течетъ. Ажъ захлебывается сердешный. Ну, думаю, смывайся Никита, отседова, а то въ свидѣтели заберутъ.

А французы сами не ходятъ, да и другимъ не совѣтуютъ. Зашелъ въ другой кабакъ.

Взялъ кофею и журналъ читать сталъ. Первые куплеты прочелъ. Кой-что понять можно. Поповское что-то прописано. Про стопудовую свѣчу, да претъ съ ей, милчеловѣкъ, въ одиночку по болотамъ. Подписано Синій. Посинѣешь, коли по болотамъ по ночамъ слоняться, да надо думать зимой или осенью. Еще одни куплеты мнѣ пондравились. Видно, матросска какая писала. Суженый ея по морямъ болтается. А вотъ напослѣдокъ въ журналѣ арифметика пущена. Увидѣлъ я тамъ слово „субъектъ“. Я его еще раньше зналъ. Въ 13 году этимъ словомъ одинъ вольный господинъ нашего лейтенанта назвалъ, такъ тотъ ему сразу котелокъ на плечи надвинулъ и за шпаеръ ухватился. Хорошо, публика вольнаго отъ грѣха увела. Ну, а вообще 2 фр. 50 ст. не зря заплатилъ. Есть что почитать. Только со вниманіемъ. Когда время будетъ, во всемъ разберусь.

Тутъ вспомнилъ, что между дѣломъ впопыхахъ въ томъ кафе денегъ не заплатилъ. Ворочаться надо. Прихожу. Самого нѣту. Говорю хозяйкѣ: такъ и такъ, а впрочемъ здорово вашъ мужъ циферблатъ тому гаврику поправилъ. О па грандъ шозъ, говоритъ. Ну, думаю, это ты мать моя, не видѣла. Онъ съ перваго удара ему носъ къ щекѣ привартовалъ. Сижу, перно пью. Тутъ входитъ фартовый братишка такой. Сразу во мнѣ русскаго призналъ. Какъ да что, да откуда. Самъ онъ также изъ нашихъ флотскихъ, а теперь таксистомъ работаетъ. Знаетъ Колѣнова, а улица

та по новому названа, ну никто ее и не знаить. Обѣщался меня по точному адресу доставить. Разсказалъ ему, какъ ночь провелъ. Какъ французы бились и что хозяйка „па гранд шоз“ говоритъ. А онъ мнѣ: Это она потому отказывается, что ейный мужъ зря морды билъ. У ребятъ ихнія же газеты отнялъ. Это тоже газетчики были, только с другой улицы. Ошибка вышла. Я такъ и ротъ раззявилъ. Думалъ, что за правду люди сражались. Безъ аннексій и контрибуцій. А оно вотъ что вышло. Ну, говорю, ѣдемъ скорѣе отседова. Мнѣ бы тебя, милчеловѣкъ, вчера встрѣтить. Провелъ бы сочельникъ въ семейной фамиліи чинно, мирно, по хорошему, а то вотъ какихъ аксидантовъ насмотрѣлся.

Разсказъ этотъ терпѣливо выслушалъ и добросовѣстно записалъ для „Взлетовъ“

В. Тарасовъ.

ЭМИГРАНТЪ.

I.

Скипетръ и державу
Врученные
Несетъ выше глубокаго чела,
Подтягивая оползающіе штаны
И открывая голый задъ
Съ хвостомъ не совсѣмъ чистой рубахи.
Парень—рубаха
На славу!
Глаза смышленные,
Кудри, какъ метла,
Чубъ, какъ рога сатаны,
Закрученные слегка назадъ.
Рыцарь безъ упрека и страха
Алексаха.
Идетъ всегда съ готовымъ плевкомъ
По адресу неизвѣстному,
Здоровается легкимъ кивкомъ,
Чуть приподнимая шляпу съ перомъ. —
Его не проведешь
И неумѣстному
Разговору
У него мѣста не найдешь!
Парень дѣльный
Проживаетъ заработокъ недѣльный
И, какъ ядовитыми змѣями,
Полонъ разными идеями —
Высокими,
Низкими,
Далекими,
Близкими.
Эхъ, безработица, безработица,
Не о завтра-ли намъ заботиться?!
И не завтра-ли говѣніе
Подъ Свѣтлое Воскресеніе?
Не завтра-ли долгожданная
Придетъ весна розоперстая,
Солнышкомъ краснымъ украшая
небосводъ
Наполняя медомъ прозрачность сотъ, —
Для любви и печали разверстая!
Весна, красота несказанная
Цвѣтами одѣтая,
Съ поднятымъ куполомъ неба
Съ пахнущими страстью
вечерами,
Съ нѣжными лепестками,
Снѣгопадомъ отпѣтая
Треба.
Эхъ, безработица,
Хлѣбомъ обнесшая
Сварливая хозяйка
Попрошайку,
Нужду перенесшую.
Вѣдь **ѣсть** хочется!
А въ ворота недозвонишься,
Эхомъ звонъ по землѣ пойдетъ

И съ рукою протянутой
склонишься—
Не услышитъ, никто не
пойметъ.
Отпѣтые люди!
Какъ души ушедшихъ,
Тѣнями по землѣ скитаются —
Все спорятъ, все ругаются
О времени прошедшемъ
Не забытой блуди,
О времени будто не бывшемъ,
Изъ какой-то забытой книги,
Рокомъ нависшимъ,
Желѣзомъ вериги
Съ каждымъ шагомъ
Глубже впивается
Въ тѣло...
Все надоѣло,
Однимъ бы махомъ
Отбросить все, что никакъ не
забывается...
Эхъ, стучись, стучись въ закрытыя ворота,
Разбивъ до крови кулакъ.
Милосердія? Хлѣба? Работы?
Какъ бы не такъ!
Не достучишься никогда,
Въ какія бы ворота ни стучалъ.
За ними только эхо.
Бѣда!
Богъ намъ душу далъ,
А она въ скорлупѣ отъ орѣха..
Итакъ: блуждаешь по свѣту,
Камнемъ сжавъ кулакъ на груди.
Безсильная злоба совсѣмъ безъ
отвѣта.
Ну, погоди,
Дай лишь закончить начатое,
Дай лишь добраться „туда“,
Ухъ, племя проклятое,
Погоди ужъ тогда!
Ни одного поганца
Не пущу иностранца —
Всѣхъ чертовой матерью,
Дорожка вамъ скатертью!
Злобится,
Походкою шаткою...
Такъ бы всѣхъ схватилъ
Мертвою хваткою!
Проклятый Западъ прогнилъ...
Эхъ, чертъ бы тебя взялъ,
безработица!
И тоска, тоска
Подлина!
Далеко ты, далека
Моя Родина;
Далеко ты, старуха безъ доли,
Нищая, въ грязныхъ лохмотьяхъ,
Голодная, безъ земли и безъ воли
Еще плетешься подъ палкой холопьевъ!
Какъ старая сука, какъ пёсъ шелудивый,
Съ повисшимъ хвостомъ въ репяхахъ,
Ищешь все взглядомъ пьянчужки
блудливой
Бога, Христа въ небесахъ.
Эхъ родная, горька твоя долюшка,
Горька, горька!
Сколько
Крови тебѣ стоила волюшка!
А безъ крови, нищую, шелудивую
Подобрали тебя въ бездорожьи —
Трудно жизнью блудливою
Жить по-Божьи.
Эхъ, родная, красавица русая,
Сладокъ ядъ твоихъ глазъ,
Хоть бы ты единою бусою
Одарила бы насъ!
Всѣ мы дѣти твоей утробы,
Всѣ вскормленные грудью твоей—
Такъ зачѣмъ эта злоба,
Проклятья цѣпей?!...
Эй!
Скорѣй! помогите!
Бѣгите!
Доктора! человѣкъ съ пятаго упалъ!
Кто бы думалъ, кто бы гадалъ,
Жилъ, какъ всѣ. Въ лицѣ ничего
рокового
И вообще ничего такого,

И вдругъ съ пятаго... Зачѣмъ?
Не узнанно, не отгаданно никѣмъ!..
—Чертъ бы тебя взялъ, безработица!—
Лежитъ, раскинувъ мертвыя руки,
Изо рта кровь.
Чуть вѣки мигаютъ..
Въ лицѣ тѣни муки
И любовь,
Которою все прощаютъ!—
Вотъ онъ, загнанный звѣрь,
Въ старомъ пиджачишкѣ у ногъ
побѣдителя. —
Открылась высокая дверь
Въ сердцѣ Зиждителя!
Вотъ онъ отборный.
По груди
Два пути —
Желтый и черный.
Бѣгите иностранцы въ Россію,
Вамъ открытъ, свободенъ путь—
Не побѣдить Георгію Змія,
Видите?
Онъ лежитъ и не можетъ вздохнуть!
Тамъ когда-то, въ далекіе годы,
Беззавѣтно и честно борясь
За призраки чьей-то свободы
Чистая кровь пролилась.
Въ грубыхъ рубцахъ зашто-
панный шрамъ
Синевой чуть замѣтной бѣжитъ—
Тамъ
Подвигъ ненужный забытъ.
Между двумя объявленьями
Мелкимъ шрифтомъ сообщается
О паденіи.
Въ такой-то день, въ такой-то часъ
Населеніе
На одного сокращается
И все забывается
Въ тотъ же день, и въ тотъ же часъ:
Это не касается насъ.
Море по колѣна —
Идетъ молодая смѣна!

II.

Работай, работай,
Собирая ведрами потъ
И сморкаясь въ два пальца.
То-то забота,
Годъ, что день пройдетъ
Будто въ турѣ вальса.
На черный день копи копѣйку,
Запасайся галетами
И идейка
Забудется съ лѣтами!
Эхъ, смѣна молодая
Чтобъ тебѣ пусто —
Тебя въ Россію пустить,
Что козла въ капусту!
А какой галдежъ,
Боже мой Боже,
Мы!? Молодежь!?
Все можемъ!!!
Все можемъ, все могимъ,
Весь свѣтъ побѣдимъ.
А отцы? Вонъ они сидятъ, сутулятся,
Имъ гробъ, или улица
Съ протянутой рукой, —
То-то вѣкъ золотой!
Беретъ на бекрень,
Не то дѣвка, не то пень,
Съ челками, расхлябанной походкой,
Будто они для міра находка,
Ходятъ, штопая отрепья
Молодой увядшей души;
Блѣдные лепестки
Въ осеннихъ цвѣточкахъ,
Въ лихолѣтья
Глуши
Увидавшіе свѣтъ —
Сквозь рѣшетку глубокихъ подваловъ.
Ростки,
Заглушенные въ почкахъ,
Изъ бури и шкваловъ
Несете завѣтъ
Непонятой Родины,
Никогда невиданной вами Родины!
Много разныхъ дорогъ,

Поворотъ, какъ крючокъ,
На распутьи застылъ.
Сними свой сапогъ
И пощупай чулокъ —
Ты навѣрно много ходилъ;
Протерся на самой пяткѣ,
На второй ужъ заплаткѣ,
Протянувшейся косякомъ—
Теперь ты сталъ босякомъ! —
Тяжелы чужіе пороги,
Тяжело черезъ нихъ шагать,
Ноги
Трудно оторвать!
Можетъ-быть, усталъ немного,
Вѣдь сколько дороги
Пришлось отмахать
Въ поискахъ хлѣба.
Самый трудъ — это трудъ найти.
Гдѣ тамъ бродягѣ бездомному
(Ему мѣсто на небѣ)
На помощь притти!
Оброслъ бородой — съ бородой
ему даже къ лицу
Похудѣлъ, пожелтѣлъ —
И всѣмъ надоѣлъ —
Идетъ дѣло къ концу!
У конца крѣпкія ноги.
Онъ можетъ долго итти,
А когда вездѣ безработица,
И есть хочется,
И конца нѣтъ у дороги,
То какъ же его найти?!

Эхъ ты, мать, ненаглядная Родина,
Русь, Рассея, Россія,
Свергшая путы Батыя.
Какая-жъ Ты стала уродина!
Расползлась по землѣ, какъ опара,
Отъ моря студенаго до моря горячаго,
Народила племени бродягаго,
Что песку сыпучаго Сахара.
Самара
Пупомъ въѣдается,
По Волгѣ Стенька шатается,
Пугачевы —
Все это ново-неново.
Больно ужъ ты стара,
Красавица посѣдѣвшая,
Чтобы міръ безстыдствомъ плѣнить.
Эй грѣшная, грѣховъ замолить не-
успѣвшая,
Безъ любви тебѣ не прожить!
Посѣдѣвшая, Богомъ оставлена,
Чарами злыми отравлена,
Россія, Родина дорогая,
Заблеститъ ли коса твоя золотая,
Освѣтится ли ликъ материнской
улыбкой?
Или ты въ изувѣрности зыбкой
Навѣки закроешь лицо
Свое славное?
Русь державная,
Да святится имя Твое!

Алексѣй Величковскій.

Черезъ редакцію журнала „ВЗЛЕТЫ“ Вы можете выписать интересующую Васъ книгу довоеннаго или послѣвоеннаго изданій по цѣнѣ — внѣ конкуренціи. Огромный выборъ дѣтскихъ книгъ. :-: :-: :-: :-: :-: :-: :-: :-: За справками обращаться въ редакцію. На письменный запросъ — подробно отвѣтимъ.

Психологія денаціонализаціи и способы борьбы съ ней.

Кажется, ни одинъ вопросъ въ эмиграціи не обсуждается такъ страстно— и такъ безплодно, какъ вопросъ о денаціонализаціи. Получается такое впечатлѣніе, что чѣмъ больше объ угрозѣ денаціонализаціи говорятъ и чѣмъ больше о Россіи вспоминаютъ, тѣмъ скорѣе денаціонализируется молодое эмигрантское поколѣніе. Постоянно въ семьяхъ, кровно связанныхъ со всей русской дореволюціонной жизнью, вырастаютъ дѣти, не только Россіи не знающія — это бы еще полбѣды, — но и Россіей не интересующіяся и, значитъ, ее не любящія. Для того, чтобы отдать себѣ отчетъ въ причинахъ этого явленія, постараемся повнимательнѣе всмотрѣться въ окружающій насъ эмигрантскій бытъ.

Такъ, часто можно видѣть, какъ кто-нибудь изъ бывшихъ общественныхъ дѣятелей уѣзднаго, а то и губернскаго масштаба, возмущается денаціонализаціей и разсказываетъ, какъ въ молодости „они“ служили Россіи. Онъ разсказываетъ о бывшемъ величіи и торжественной мудрости русскихъ судебныхъ установленій, о геніи, неподкупности и тонкой казуистикѣ бывшихъ знаменитыхъ адвокатовъ, объ организаціонныхъ способностяхъ, народолюбіи и искусной борьбѣ съ самодержавіемъ бывшаго русскаго земства, — а его дочка учитъ въ это время литературу средневѣковой Англіи и все не хватаетъ ей времени прочесть Тургенева. Онъ разсказываетъ дальше, какъ, благодаря его самоотверженной работѣ и работѣ многихъ такихъ, какъ онъ, армія къ 17-му году была снабжена всѣмъ необходимымъ и должна была торжественно вступить въ Берлинъ—и какъ не были по достоинству оцѣнены всѣ его усилія, какъ вдругъ „сѣрая скотинка“ развѣсила уши передъ купленными на нѣмецкія деньги агитаторами, взбунтовалась, разбрыкалась и скорехонько побѣжала къ себѣ домой: „мы тамбовскіе, до насъ нѣмецъ не дойдетъ“. И какъ затѣмъ пришелъ „Его Величество Хамъ“ и поставилъ во главѣ больницъ санитаровъ, а во главѣ земствъ—швейцаровъ, и какъ, пожалуй, даже не въ сапогъ, а въ лапоть обутая нога выкинула его изъ предѣловъ Россіи—и какъ съ тѣхъ поръ „замело тебя снѣгомъ, Россія“, изсякли силы Русскаго народа, и Россія умерла. Тутъ ужъ дочурка, одолѣвъ англійское средневѣковье, начинаетъ учить современное право посредственнаго, но живого французскаго народа, такъ какъ „лучше быть живымъ псомъ, чѣмъ мертвымъ львомъ“ и, право-же, не стоитъ тратить живого современнаго времени на чтеніе Достоевскаго, писателя бывшей, умершей Россіи.

Еще чаще можно видѣть, какъ переросшій старшій братецъ, по смутнымъ воспоминаніямъ, а больше по наслышкѣ, восхваляетъ старые, стройные, блестящіе и грозные парады, вышколенныхъ дворниковъ, дешевизну и помѣщичье обиліе дореволюціонной русской жизни— а его младшій братецъ стыдится говорить по-русски въ трамваяхъ и, чтобы глубже и полноправнѣе войти во французскую жизнь, придѣлываетъ французскія приставки къ своей фамиліи. Все больше воспламеняя и вновь переживая глубоко врѣзавшееся въ память недавнее сумбурное, героическое и горькое прошлое, старшій братецъ говоритъ о самоотверженныхъ подвигахъ православныхъ и дисциплинированныхъ солдатъ старой русской арміи, о презрѣніи къ смерти бойцовъ, воодушевленно умиравшихъ за „вѣру, царя и отечество“— и какъ все пошло прахомъ, все провалилось въ кровавую грязь — какъ въ сырую то ли февральскую, то ли въ октябрьскую ночь, изъ гнилого тыла приползли эти „предатели“, „грязные мужики“, „кухаркины дѣти“, убили наиболѣе вѣрныхъ и смѣлыхъ, и русская исторія кончилась, и „печальные вѣтры степные панихиды поютъ надъ тобой, Россія“. Тутъ ужъ младшій братецъ рѣшаетъ, для крѣпости, чтобы и по немъ не отслужили какъ-нибудь панихиду—принять поскорѣе католичество— все-таки одной гарантіей больше отъ русской заразительной неизбѣжной смерти.

Вообще панихиды — это наше главное оружіе: панихидами мы боремся съ большевиками, панихидами же отгораживаемъ нашу молодежь — настоящую, восемнадцатилѣтнюю—отъ денаціонализаціи. На наше молодое эмигрантское поколѣніе вліяетъ окружающая иностранная жизнь всѣмъ многообразіемъ своихъ свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ, всей радугой цвѣтовъ живой жизни, — мы же, откупившись отъ этой жизни двѣнадцати, а то и шестнадцати-часовой работой на фабрикѣ, за рулемъ и дома (кому судьба вынула счастливый, не безработный, номеръ) и забившись, въ зависимости отъ личныхъ склонностей, за „старинные“ (изъ „Prisunic'a“) портьеры или просто за баррикаду изъ бутылокъ, тянемъ, коверкая всѣ языки міра, отходную несчастному русскому народу, безграмотному и вшивому, вотъ уже пятнадцать лѣтъ позволяющему сидѣть на своей шеѣ ничтожной бандѣ глупыхъ международныхъ преступниковъ, жадно ограбившему свою „соль земли“, растерявшему все богатое, этой „солью земли“ созданное, наслѣдство, и теперь безсильно, рабски, позорно умирающему съ голоду среди нескошенныхъ полей, не будучи въ состояніи сдѣлать ни малѣйшаго движенія для своего освобожденія — однимъ словомъ, мы поемъ отходную вполнѣ мертвому народу.

Вотъ уже полтора десятка лѣтъ, какъ мы атакуемъ нашу молодежь безконечнымъ рядомъ панихидъ, и въ церквахъ, и въ газетахъ, и на собраніяхъ, и въ школахъ, и въ семьѣ. Мы, кажется, недостаточно отдаемъ себѣ отчетъ, что судьба подростающаго юношества—это наша собственная судьба. Вѣдь молодежь—это наша смѣна, а смѣна намъ необходима. Наше старшее поколѣніе быстро вымираетъ; основная масса эмиграціи, выѣхавшая изъ Россіи въ возрастѣ отъ 15 до 25 лѣтъ, подъ вліяніемъ всего пережитого, подъ вліяніемъ безработицы или безсмысленной работы на заводѣ, гдѣ на насъ смотрятъ, какъ на какую-то разновидность арабовъ, только немного высшаго сорта, также быстро теряетъ, если и не жизнь, то жизнеспособность, и, если подростающее поколѣніе не приметъ отъ насъ нашъ большой, горькій и выстраданный опытъ и не принесетъ его обратно въ Россію, то онъ окажется потеряннымъ для нашей страны, и мы окажемся выкинутыми не только физически — изъ географіи Россіи, но и морально — изъ ея исторіи. Если наша молодежь не будетъ горѣть желаніемъ при первой возможности, даже въ индивидуальномъ порядкѣ, вернуться въ Россію, и фактически въ нее не вернется, — на наше личное скорое возвращеніе, всякій разумный человѣкъ это чувствуетъ, надежды мало,—то мы—мертвецы для Россіи. Тогда нужно откровенно признать, что мы для нашей родины—отрѣзанный ломоть, и нечего болтать о денаціонализаціи, — наоборотъ, нужно какъ можно скорѣе и наиболѣе безболѣзненно — ассимилироваться:

„Чтобъ русскій эпосъ мнѣ былъ
невѣдомъ,
Чтобъ пыль Россіи съ меня смели.
Хочу быть чехомъ, хочу быть
шведомъ,
Хочу быть сыномъ чужой земли“.

Донъ-Аминадо.

Да и на самомъ дѣлѣ—разъ Россія мертва, разъ „всѣ русскія женщины превращены въ проститутокъ для нуждъ Красной Арміи“, какъ было сказано, подъ аплодисменты собравшихся, на одномъ изъ эмигрантскихъ собраній, и народъ-рабъ — отцы и дѣти этихъ женщинъ — не двигается, не возстаетъ — то для чего портить жизнь молодому эмигрантскому поколѣнію, для чего создавать въ немъ культъ мертвой страны?

Да развѣ это и возможно—создать гражданъ бывшей, теперь мертвой, страны? Развѣ самые лучшіе педагоги въ силахъ воспитать патріотовъ древней Греціи, Рима или Египта, или другихъ умершихъ странъ? Молодежь можетъ чтить мертвыхъ, но развѣ она можетъ

основать всю свою жизнь на могилѣ и панихидѣ, развѣ она можетъ, какъ гіены, питаться мертвечиной? Она инстинктивно любитъ только то, что живо и сильно, съ чѣмъ она могла-бы связать свою жизнь и въ общемъ добромъ потокѣ вступить въ палящій жизненный день. Ей, живой, нужна жизнь, и только жизнь привлекаетъ ее на самомъ дѣлѣ; а пафосъ древней исторіи— для нея, въ лучшемъ случаѣ, кратковременная ошибка, въ худшемъ—расчитанное лицемѣріе.

Поэтому нужно выбирать одно изъ двухъ: или на самомъ дѣлѣ Россія убита и мертва, и наша проклятая судьба— читать ей отходную да поставлять, запоздалой и ненужной местью, новые предлоги для панихидъ—и тогда нужно не мучить эмигрантскую молодежь, не заставлять ее насильно читать русскія книги и лицемѣрить, сознательно или безсознательно, о любви къ фактически забытой и забвенія стоющей родины,— пусть ужъ лучше эмигрантская молодежь устраивается навсегда въ новомъ живомъ отечествѣ; или найти новые пути борьбы съ денаціонализаціей, пути, по которымъ можно итти только съ вѣрой въ живую, и въ настоящій моментъ, Россію.

Вѣдь, до сихъ поръ мы только повторяли ошибку старой дореволюціонной эмиграціи, которая, въ борьбѣ съ царской властью, черня и клеймя ее, захватывала часто слишкомъ широко— чернила и клеймила весь народъ и все явленія русской жизни. Намъ всѣмъ приходится на каждомъ шагу сталкиваться съ глупыми и, я сказалъ бы, преступными послѣдствіями такихъ поступковъ; сколько нелѣпыхъ предразсудковъ относительно Россіи укоренилось на Западѣ, предразсудковъ, связанныхъ съ „кнутъ“, „попъ“, „погромъ“, „водка“ и такъ далѣе, все благодаря антинаціональной тактикѣ старой эмиграціи? Такъ вотъ, единственный способъ сохранить для Россіи эмигрантское молодое поколѣніе—это не повторять ошибки старой эмиграціи, не смѣшивать сегодняшнюю русскую власть съ сегодняшнимъ русскимъ народомъ. Борясь противъ коммунистической власти и потому подчеркивая всѣ ея отрицательныя стороны, эмиграція не должна итти войной и противъ всей новой жизни и новаго быта народа, даже если народъ и заблуждается. Наоборотъ, нужно показать восемнадцатилѣтней молодежи, что народъ живъ, что онъ молодъ и что онъ развивается, и что посвятить Россійскимъ народамъ жизнь— это не потерянное дѣло. Смѣшно же, право, изъ ненависти къ коммунистической власти замалчивать тотъ фактъ, что пятимоторные аэропланы А.Н.Т. — изобрѣтеніе русскаго инженера Алексѣя НиколаевичаТ уполева—построенные цѣликомъ на русскихъ заводахъ изъ русскихъ матеріаловъ, согласно официальному французскому признанію, ничѣмъ не уступаютъ лучшимъ французскимъ моделямъ.

Конечно, тутъ возникаетъ вопросъ о нравственномъ правѣ вносить въ жизнь молодыхъ людей опасный разладъ: имъ, вѣроятно, придется еще долго жить въ эмиграціи, работать и невольно прикасаться ко многимъ сторонамъ заграничной жизни; создавая у нихъ устремленность къ Россіи, мы раздваиваемъ ихъ вниманіе и энергію и тѣмъ ослабляемъ ихъ волю, такую необходимую въ жестокой и суровой послѣвоенной борьбѣ за существованіе.

Но въ этомъ отношеніи единственнымъ и послѣднимъ судьей долженъ быть нашъ собственный внутренній опытъ; и для тѣхъ, кто имѣлъ счастье и мужество пронести черезъ всѣ тринадцать лѣтъ изгнанія ни разу не меркнувшую, горделивой радостью сверкающую искорку: я русскій, я часть безкрайняго и могучаго россійскаго моря— для тѣхъ отвѣтъ ясенъ: не только можно, но и должно сдѣлать все, что въ силахъ, чтобы и тѣмъ, кто выѣхалъ изъ Россіи 5 — 6 лѣтъ отъ роду, тоже привить эту радость и силу.

Вотъ мы и подходимъ къ заключенію: единственное противоядіе противъ денаціонализаціи — это вѣра въ Россію, которую надо привить нашей смѣнѣ.

Но чтобы передать вѣру, надо ее имѣть, и не вялую вѣру въ будущее внезапное воскресеніе, которое по ассоціаціи съ религіозными представленіями мыслится какъ что-то далекое, что наступитъ послѣ нашей личной смерти, а вѣру въ побѣждающую ежедневную жизнь народа, продолжающуюся „подъ большевиками“, какъ продолжалась она „подъ царями“. Надо разъ навсегда раздѣлить наше отношеніе къ власти отъ отношенія къ народу; надо любить народъ независимо отъ того, какую власть онъ себѣ выбралъ или какую власть считаетъ нужнымъ терпѣть. Нужно имѣть столько вѣры, чтобы уважать народъ даже тогда, когда онъ по нашему мнѣнію заблуждается, когда ни онъ насъ, ни мы его будто-бы не понимаемъ; даже тогда, когда онъ ненавидитъ насъ и считаетъ своими врагами.

Для того чтобы слѣдить за жизнью народа и пріучить интересоваться ею нашихъ младшихъ братьевъ и сестеръ, надо имѣть мужество не обращать вниманія на официальный коммунистическій штампъ, который носитъ все, что приходитъ къ намъ изъ Россіи; не нужно лишать себя счастья увидѣть дорогія картины родины только потому, что онѣ вставлены подчасъ въ кощунственную рамку.

Намъ нужно не стыдиться и замалчивать, а радоваться тому, что и при совѣтской власти русскій геній не убитъ, что даже и коммунистической уздой взнузданный русскій умъ всё-таки работаетъ и обогащаетъ человѣчество всё новыми созданіями и въ области техники, и медицины, и науки, и литературы. Намъ нужно создать такое настроеніе, чтобы, напримѣръ, при встрѣчѣ на улицѣ мы бы не говорили „здравствуйте“, а — „молодецъ парашютистъ Евсѣевъ—съ 7200 метровъ прыгнулъ—вотъ здорово“—а тогда, не безпокойтесь, не долгъ, а непреодолимая потребность толкнетъ нашихъ младшихъ братьевъ и сестеръ читать русскихъ писателей и русскія книги; отъ нашего счастья они не уйдутъ, какъ уходятъ отъ нашего горя, а вопросъ о денаціонализаціи даже и ставиться не будетъ.

Сынъ Ивана.

---

* * *

Засвѣтила лампаду, Небесной Царевнѣ я
Ей, что плачетъ въ надзвѣздной выси,
Чтобъ услышала насъ Богородица древняя —
Упованье старинной Руси.

Не вдавалась я въ толкъ, не ушла въ комментаріи
А постигла евангельскій смыслъ
оттого, что глаза византійскіе каріе
на меня поглядѣли изъ ризъ —

Всѣхъ людей поняла. Пристыженная бѣдами
Затоптала заносчивость въ грязь

и дала мнѣ покой, до тѣхъ поръ неизвѣданный,
Даровала славянская вязь.

Спаси, Господи, души возлюбленныхъ, спившихся
осужденныхъ на казнь, на тюрьму
и друзей, к враговъ, и отъ стада отбившихся
Спаси, Господи, свѣтъ, Спаси, Господи тьму.

Людмила Галичъ.

Ліонъ — Старый городъ.

Lugdunum.

(*Продолженіе*).

Галлія находилась въ полномъ упадкѣ, благодаря излишествамъ, поверхностной роскоши и обычаямъ изнѣженной жизни, занесеннымъ извнѣ, при посредствѣ коммерческихъ сношеній съ культурными народами. Такимъ образомъ, она представляла изъ себя благопріятную почву для новыхъ римскихъ завоеваній и послужила удобнымъ театромъ военныхъ дѣйствій.

Однажды, раннимъ утромъ, полудикіе обитатели круглыхъ галльскихъ хижинъ, крытыхъ лохматой русой соломенной шевелюрой и разбросанныхъ среди дубовыхъ рощъ, услышали издалека топотъ коней, лязгъ оружія и звонкую металлическую латинскую рѣчь, словно выкованную изъ бронзы.

Въ клубахъ пыли все яснѣе и яснѣе вырисовывались легендарные воины, завоевавшіе полъ-міра, и вспыхивали здѣсь и тамъ горящими на солнцѣ ослѣпительными касками и кирасами. Надвигалась римская сила!

Въ нашихъ краяхъ, около Лугдунума, римскія знамена, съ распростертыми парящими орлами, отдохнули впервые и, залитые чешуйчатымъ блескомъ, легіоны разстроили свои ряды, сняли доспѣхи и закопошились, проворно устанавливая первый лагерь для привала.

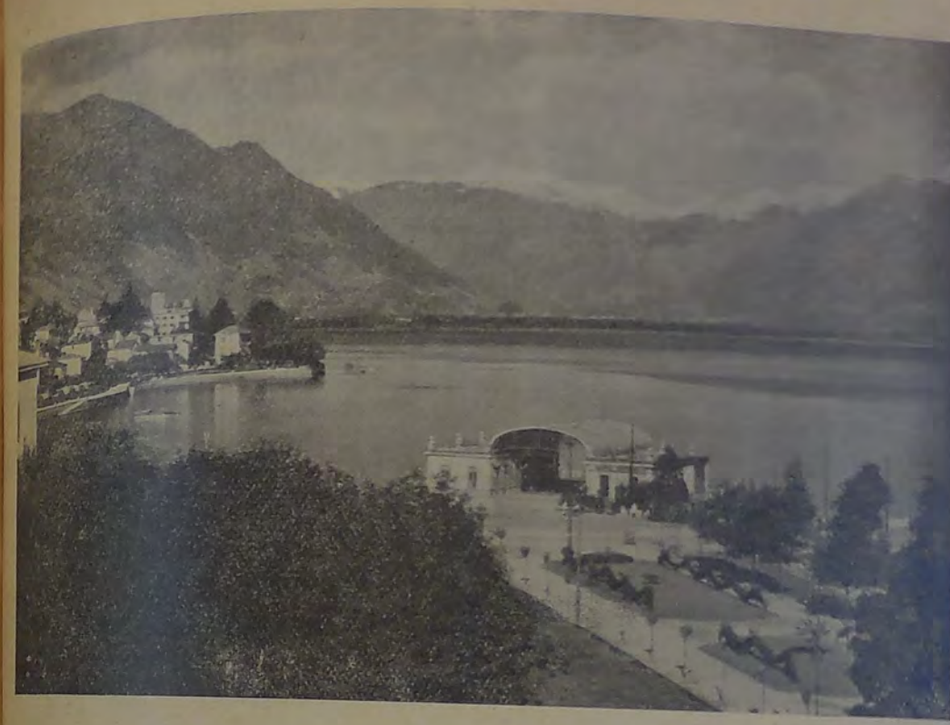
Это появленіе солдатъ въ окрестностяхъ Ліона было вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. Несмотря на полное отсутствіе единенія между галльскими племенами, нашлись патріоты, пожелавшіе организоваться между собою, чтобы завоевать себѣ полную независимость. Оргеморикс, гельветскій патрицій, добивавшійся власти, ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ необходимости создать нѣчто вродѣ конфедераціи маленькихъ королевствъ, подчиненныхъ его авторитету, а не аристократическихъ республикъ, существовавшихъ тогда.

Съ этой цѣлью онъ внушилъ гельветамъ, что нужно покинуть насиженныя мѣста и перебраться въ противоположный край Галліи, чтобы тамъ обосноваться окончательно. Все это происходило въ 60-хъ годахъ до Р. Х.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

А. Черкассовъ.

ПРИГЛАШАЮТСЯ ХУДОЖНИКИ ДЛЯ ИЛЛЮСТРАЦІИ ЖУРНАЛА



ОЗЕРО МАДЖІОРЕ.

(*Очеркъ*).

Поѣздъ двинулся со станціи Сѣверной ж. д. и пошелъ, все ускоряя ходъ, между станціонными строеніями. Вотъ они кончились, и по обѣимъ сторонамъ полотна потянулись обычные виды Ломбардіи: однообразно зеленая равнина, пшеничныя и кукурузныя поля, среди которыхъ корявыми уродами торчатъ многочисленныя тутовыя деревья.

Сѣверная Италія славится своимъ шелкомъ. Этимъ объясняется большое количество этихъ деревьевъ, листья которыхъ идутъ въ пищу шелковичнымъ червямъ. Разведеніе червей служитъ крестьянамъ подспорьемъ въ ихъ хозяйствѣ. Почти каждый крестьянинъ пріобрѣтаетъ осенью—на вѣсъ — извѣстное количество шелковичныхъ личинокъ. Помѣщенныя въ особыя комнаты личинки черезъ нѣкоторое время превращаются въ крохотныхъ червячковъ, которые проводятъ свою короткую жизнь въ постоянной ѣдѣ, отчего быстро растутъ и толстѣютъ. Прямо удивительно, какое количество листьевъ они поглощаютъ.

Семья крестьянъ въ это время занята сборомъ листьевъ съ тутовыхъ деревьевъ и, то-и-дѣло, подноситъ ихъ цѣлыми корзинами въ помѣщеніе, гдѣ находятся черви. Когда эти послѣдніе достигнутъ предѣльной величины, они перестаютъ ѣсть, устраиваются на заранѣе приготовленныхъ для нихъ, очищенныхъ отъ листьевъ, вѣткахъ и понемногу начинаютъ заворачиваться въ коконы. Когда коконы готовы, ихъ собираютъ въ корзины и переправляютъ на фабрики, гдѣ подъ вліяніемъ жара умерщвляется куколка, и коконъ разматывается. Получается тончайшая длинная шелковая нить.

Поѣздъ бѣжитъ по зеленой равнинѣ. На поляхъ работаютъ женщины, всѣ въ черныхъ, наглухо закрытыхъ платьяхъ, несмотря на жаркое солнце, головы ихъ повязаны темными платками особымъ образомъ, концами назадъ.

Мелькаютъ станціи съ неизмѣннымъ на перронѣ начальникомъ станціи въ красной фуражкѣ, съ каменными станціонными зданіями, съ цвѣтниками около нихъ. Обычай сажать много цвѣтовъ около станціонныхъ зданій ввелся недавно; каждая станція старается перещеголять другую обиліемъ и разнообразіемъ цвѣтовъ.

Подъѣзжаемъ къ Лавело и прямо со станціи переходимъ на пароходъ.

Вотъ и озеро Маджіоре. Чистенькій пароходъ идетъ по голубой водной глади, заключенной между двумя рядами горъ, то каменистыхъ, то покрытыхъ растительностью, которая издали кажется складками темно-зеленаго бархата.

Пароходъ часто останавливается около селеній съ красивыми, большею частью, бѣлыми виллами и группами олеандровъ въ цвѣту.

Когда подъѣзжаемъ къ Палланца—цѣли нашего путешествія—наступаютъ сумерки. Палланца — одно изъ типичныхъ селеній, расположенныхъ по берегамъ озера, съ набережной, обсаженной пальмами, зданіями отелей, виллами, каменными домами.

Намъ предстоитъ еще съ полчаса ходьбы, все время поднимаясь въ гору между рядами красивыхъ домиковъ среди утопающихъ въ цвѣтахъ садовъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы, наконецъ, достигли домика нашихъ друзей. Поднялись по каменнымъ ступенямъ и вошли въ садъ, расположенный высоко надъ озеромъ.

Такъ хорошо, что не хочется итти въ домъ, и мы долгое время вмѣстѣ съ хозяевами остаемся на воздухѣ.

Садъ застылъ въ поздней тишинѣ. Свѣжо, по-вечернему пахнутъ цвѣты. У края, далеко внизу, за сплошной темной массой деревьевъ и кустовъ тускло бѣлѣетъ озеро. Горы, задрапировавшись въ темныя складки, тихо дремлютъ.

Изъ-за одной изъ нихъ начинаетъ выдвигаться желто-красный, рѣзко очерченный кругъ. Это—луна. Сначала выставляетъ она лобъ свой, потомъ — хитро-насмѣшливые глаза и, наконецъ, цѣликомъ выкатываетъ плоское оранжевое лицо. Окидываетъ все окружающее ироническимъ взглядомъ и тихо начинаетъ подниматься все выше и выше. Какъ будто хочетъ уйти подальше отъ земли къ холодно-чистымъ, равнодушно-прекраснымъ звѣздамъ. По мѣрѣ приближенія къ нимъ лицо ея преображается: становится болѣе блѣднымъ, одухотвореннымъ и улыбается не насмѣшливо, а загадочно-грустно.

А между тѣмъ все вокругъ незамѣтно преобразилось. Темнота засіяла ровнымъ матово-голубымъ свѣтомъ, и на фонѣ его четко, точно углемъ, вычертились темные узоры древесныхъ силуэтовъ. Кое-гдѣ свѣтъ упалъ на листья и траву, и они залоснились сѣровато-сизымъ налетомъ. Дорожки затрепетали пугливыми тѣнями.

Корявые пни, усохшія и поломанныя вѣтки затушевались полутѣнями или закутались въ темноту.

Озеро задрожало стальными блестками, засвѣтилось, засверкало стекляннымъ брызгами. По берегамъ его, около селеній, выстроились въ рядъ огоньки фонарей, и отъ нихъ къ водѣ протянулись огненныя ленты, а сады ресторановъ и отелей приняли форму гигантскихъ черныхъ кустовъ, усѣянныхъ свѣтящимися розами.

Въ воздухѣ повисли томныя, трескучія пѣсни кузнечиковъ, а вверху, въ сѣро-голубомъ полусвѣтѣ, заструили переливчатый свѣтъ свой далекія звѣзды.

Въ очарованіи, долго любовались мы волшебной картиной.

Поздно легли спать въ эту ночь, а я еще долго не могла заснуть и, смотря въ окно, видѣла, какъ луна, какъ будто утомленная и еще больше поблѣднѣвшая отъ предразсвѣтной свѣжести, медленно склонялась къ западу.

Софія Страхова.

Библіографія.

„Связь“.

Новогодній двойной номеръ (№ 5—6) журнала „Связь“.

Въ журналѣ помѣщенъ старый разсказъ П. Н. Краснова: „Когда часы пробьютъ 13“. Разсказъ это святочный и, кажется, давно всѣмъ извѣстный. Какъ и все, что пишетъ П. Н. Краснова, и этотъ разсказъ красоченъ и живъ, съ легкой примѣсью мистики.

Фабула взята изъ эпохи бунтовъ 1905 г. По небрежности редакціи журнала въ разсказѣ осталась такая страшная фраза: „Елку рѣшили зажечь ровно послѣ ужина“ (!)

Вообще надо сказать, что журналы наши и газеты пестрятъ такими душураздирающими описками и такими необыкновенными постановками фразъ, что только диву даешься: откуда такіе таланты!

Вотъ изъ „Возрожденія“ (31 декабря 1931 г.)

— Берлинскіе пожарные давно славились своимъ человѣколюбивымъ отношеніемъ къ животнымъ... (!) — очевидно, къ людямъ они относятся животнолюбиво?

Но возвращаюсь къ журналу „Связь“. Кромѣ разсказа П. Н. Краснова, помѣщенъ разсказъ Лукаша о Русскомъ „мишкѣ“ попавшемъ съ Русской частью на французскій фронтъ. Разсказъ очень милый, но, къ сожалѣнію, очень растянутый.

Статья В. Фелькнера о Буниной, пожалуй, немного традиціонная, однако разборъ произведеній И. Бунина и его біографія помѣщены во всякомъ, и статью эту мы отъ души привѣтствуемъ.

Стихотворенія г. Пробста и Ары Опальской слабы и очень слабы.

Отдѣлъ мѣстной (журналъ издается въ Шанхаѣ) хроники довольно обширенъ и, видно, журналъ для нея и издается.

Еще остается пожалѣть, что журналъ не имѣетъ наряду со старыми и испытанными именами новыхъ людей и новыхъ молодыхъ силъ.

Поэтому, должно быть, и интересъ къ нему со стороны читателей ограниченъ.

Привѣтствуя собрата, „Взлеты“ надѣются поддерживать со „Связью“ самыя дружескія отношенія и шлютъ журналу наилучшія пожеланія.

Критическій отдѣлъ.

Новые фильмы

Шаляпинъ въ Донъ Кихотѣ.

Въ первый разъ въ Ліонѣ въ кинематографѣ „Гомонъ“ идетъ Донъ Кихотъ съ Шаляпинымъ. Къ сожалѣнію, неполный залъ ясно показываетъ непонятно-холодное отношеніе къ фильму. Вѣроятно, сюжетъ изъ ушедшихъ невозвратно временъ мало привлекаетъ современную публику, такъ какъ Le Chevalier a la Triste Figure въ 20-омъ реалистическомъ вѣкѣ очень часто вызываетъ смѣхъ.

Но русскому человѣку этотъ фильмъ посмотрѣть слѣдуетъ.

Стоитъ найти откликъ въ душѣ, отряхнуться отъ житейщины, матеріализма, безвѣрія. Стоитъ хоть временно, смотря на экранъ, вмѣстѣ съ Шаляпинымъ-Донъ Кихотомъ послужить идеаламъ рыцарства, за справедливость, въ честь дамы — Дульцинеи.

О Шаляпинѣ говорить много не нужно... Его талантъ и здѣсь выявился въ полной мѣрѣ. Игра его лица, въ особенности глазъ, безумныхъ, не человѣческое видящихъ, пронизывая, доходитъ до глубины души.

Голосъ звучитъ страстно и мощно, когда онъ поетъ передъ герцогомъ о Дульцинеѣ, о завѣтахъ рыцарства; и скорбно, обмануто, все тише и тише въ послѣднія минуты около пылающихъ на кострѣ книгъ.

Dorville—хорошій Санчо-Панчо, а глуповатый обжора, съ хитрецой, беззавѣтно преданный своему господину. Къ сожалѣнію, куплеты исполняемые имъ въ кабачкѣ, череръ-чуръ напоминаютъ современные мотивы и противорѣчатъ духу того времени.

Остальные актрисы и актеры какъ-то стушевываются и особенно талантливой игрой не выдѣляются.

Даже Дульцинея — Renee Valliers, несмотря на неподкупно-искреннюю игру и задорный смѣхъ, сливается съ общимъ неяркимъ фономъ. Комичная сцена у начальника полиціи не отдѣлана и тороплива.

Зато блестящи картины: пріемъ Донъ Кихота Герцогомъ, пиръ и въ особенности турниръ. Рыцарь печальнаго образа на тощемъ своемъ Россинантѣ бѣшено мчится на противника. Противникъ поверженъ, стонетъ отъ полученныхъ ударовъ, ему открываютъ забрало.

И тутъ Донъ Кихотъ узнаетъ своего племянника Караско.

Какъ великолѣпна нѣмая эта сцена!

Какъ гордо-оскорбленно опускаетъ забрало осмѣянный Донъ Кихотъ и уѣзжаетъ съ арены подъ неистовый хохотъ зрителей...

И вскорѣ его догоняетъ на ослѣ замученный экзекуціей Санчо-Панчо.

Дальше удачно снятая сцена съ мельницами; воткнутое въ одно изъ вертящихся крыльевъ копье и Донъ Кихотъ подымающійся на секунду къ небу и опять опускающійся внизъ...

Пріѣздъ стражи... клѣтка на колесахъ... Полубезчувственнаго Донъ Кихота везутъ въ его родной городъ. Толпа вопитъ и хохочетъ. Ругается жена Санчо Панча и — около самыхъ прутьевъ, около его безумныхъ, трагическихъ глазъ — Дульцинея...

Она тоже смѣется и... больше всѣхъ...

Этотъ смѣхъ съ освѣщеннаго экрана рѣзко, до боли тревожитъ душу. Онъ живетъ въ наше время, какъ и жилъ раньше во вре-

менъ Донъ Кихота. И въ особенности намъ русскимъ онъ знакомъ.

Онъ напоминаетъ о попранныхъ чувствахъ; о торжествѣ несправедливости, о злѣ... Но одновременно съ нимъ въ душѣ возникаютъ мысли: Донъ Кихоты живы, ихъ, можетъ, быть мало, они рѣдко встрѣчаются въ современной жизни, но они есть; есть и среди насъ русскихъ лишенныхъ отечества, осмѣянныхъ, униженныхъ...

Непоняты хъ... но съ Донъ Кихотовской вѣрою, по рыцарски, борющихся за правду, принесшихъ свою маленькую, но трудную эмигрантскую жизнь на алтарь родины — Дульцинеи.

В. О.

Symphonie Inacheviee

Нельзя обойти молчаніемъ эту картину, шедшую съ неизмѣннымъ успѣхомъ въ кинематографѣ „Royal-Aubert".

Сюжетъ фильма — страничка молодости Шуберта съ сантиментальнымъ романомъ, якобы создавшимъ „неоконченную симфонію". Если мы будемъ разсматривать фильмъ какъ исторически вѣрное воспроизведеніе жизни и образа Шуберта, то, конечно, детали и сюжетъ заставляютъ желать воспроизведенія болѣе точнаго, лучшаго, но если мы захотимъ не увидѣть, а „почувствовать" Шуберта съ его нѣжнымъ, пѣвучимъ творчествомъ, то намъ это вполнѣ удастся. Духовный образъ его, созданный Hans Jaray, глубоко прочувствованный, — прекрасенъ.

Великолѣпна въ своей выразительной непосредственности въ роли Эмхенъ г-жа Luise Ullrich. Съ большимъ темпераментомъ проводила свою роль графини Эстергази г-жа Martha Eggert (можетъ-быть,даже, со слишкомъ большимъ) Фильмъ проходитъ подъ акомпаниментъ Шубертовскихъ мелодій, безукоризненно исполненныхъ Вѣнскимъ оркестромъ и хорами, и уже это одно представляетъ огромную цѣнность. — Образъ-же Шуберта, переданный Hans'омъ Jaray, до того очарователенъ что, кажется, великій композиторъ и былъ именно такимъ стройнымъ, вдохновеннымъ, застѣнчивымъ молодымъ человѣкомъ, а не полнымъ Шубертомъ съ непривлекательнымъ лицомъ, со склонностью къ полнотѣ и приземистой фигурой.

Hans Jaray „plus catholique que le pape", больше Шубертъ, создатель неземныхъ мелодій, какимъ онъ намъ кажется, чѣмъ исторически подлинный Шубертъ.

Въ фильмѣ есть налетъ сентиментальности, но не слишкомъ, а какъ разъ столько, сколько нужно, и не слащавой, а той искренней, очаровательной нѣмецкой сантиментальности, которой пропитаны всѣ творенія Шуберта.

Мѣстная жизнь.

Вечеръ Галлиполійцевъ.

9-го декабря 1933 г. галлиполійцы устраивали въ залахъ Hotel d'Europe свой грандіозный балъ. Безработица и общее подавленное настроеніе сказались и здѣсь, но только на количествѣ, что же касается общаго веселья, а галлипольцы на это большіе мастера, то вечеръ былъ очень оживленнымъ и, надо признать, сошелъ болѣе чѣмъ удачно.

На этотъ разъ обычная программа была расширена присутствіемъ неизмѣнно остроумнаго и талантливаго Павла Троицкаго и выступленіемъ двухъ юныхъ танцовщицъ въ довольно обширномъ репертуарѣ.

Недурно сыгралъ молодой піанистъ г. Пономаревъ.

Лотерея, противъ обыкновенія, имѣла большой успѣхъ, благодаря очень изящнымъ издѣліямъ и рукодѣліямъ галлиполійцевъ.

Подъ конецъ вечера, при содѣйствіи барышень Національнаго Союза Н. П., была поставлена картина: Россія ;въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ и произведенъ былъ сборъ на борьбу за освобожденіе Родины.

Вечеръ закончился на разсвѣтѣ.

Уже ушли музыканты, начали тушить свѣтъ, а публика все еще не хотѣла покинуть уютную и милую галлиполійскую семью.

А. В.

Младоросская Елка.

Начало Рождественскаго сезона началось елкой Четверговой Дѣтской Школы при Младоросскомъ домѣ. Елка прошла съ большимъ успѣхомъ. Программа была исполнена исключительно дѣтскими силами. Послѣ программы дѣтямъ былъ предложенъ чай съ бутербродами.

Среди присутствующихъ можно отмѣтить аббата Кутюрье, предсѣд. эмигр. Комитета Клуссиньъ и представителей многочисленныхъ эмигрантскихъ организацій.

Какъ исключеніе, елка была именно дѣтскимъ праздникомъ; дѣти чувствовали себя хозяевами и искренно веселились.

К.

Адресъ Редакціи: V. Oldenborguer, 21, rue Paul-Bert, 21, Lyon (3) France.

Drukarnia. Imprimerie. E. Kotlarewski. Polska. Wilno, ul. Wileńskaa 34. | Le Gerant: Melnitzky.

Развѣдчики

Родительскій Комитетъ 18-го Отряда Русскихъ Развѣдчиковъ въ Десинѣ, являющагося Отдѣленіемъ Русскихъ Развѣдчиковъ, организованныхъ Національной Организаціи, состоящей подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини КСЕНІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ и начальствомъ Генеральнаго Штаба Полковника БОГДАНОВИЧА, обращается ко всѣмъ русскимъ людямъ и Русскимъ организаціямъ, сочувствующимъ дѣлу Національнаго воспитанія русскихъ дѣтей съ глубокой убѣдительной просьбой поддержать морально и матеріально существованіе Отряда.

Ставя своей цѣлью развитіе въ дѣтяхъ чувства любви къ РОССІИ, уваженія родителей и вѣрности Православной Церкви, организація имѣетъ ввиду и ихъ физическое и нравственное развитіе подъ наблюденіемъ отвѣтственныхъ руководителей.

Устройство бесѣдъ, чтеній, занятій, игръ, прогулокъ, экскурсій и лѣтняго лагеря—таковы средства къ выполненію намѣченной цѣли.

Отрядъ состоитъ изъ мальчиковъ „ОРЛЯТЪ", и въ настоящее время приступлено къ организаціи дѣвочекъ „ПЧЕЛОКЪ" на тѣхъ же основаніяхъ.

Дѣло, которому Родительскій Комитетъ проситъ помочь по мѣрѣ возможности, такъ какъ средстаа родителей (взносы) очень ограничены, не позволяетъ имъ самимъ поддержать эту инціативу.

За всѣми справками просятъ обращаться въ Десинѣ къ Предсѣдательницѣ Комитета Графинѣ СИВЕРСЪ, Генералу ЛУЧОВУ и къ членамъ Комитета: г.г. КОЛЕСНИКОВУ, ЧУРЮМОВУ, ШАПОВАЛОВУ и Представителю Н.О.Р.Р. въ Ліонѣ С. С. ПАРЧЕВСКОМУ.

(7 rue ROBERT, Lyon VI-e)

1-го января 1934 года
Десинъ

Предсѣдательница
Родительскаго Комитета
Гр. О. В. Сиверсъ.

Секретарь
М. Шаповаловъ.

Японцы читаютъ по-японски
Русскіе по-русски

Читайте въ Русской библіотекѣ, 4, cours Gambetta, входъ черезъ кафе. Открыта по средамъ и субботамъ отъ 8 до 10 ч. вечера.

Плата отъ 5 фр. въ мѣсяцъ.

Большой выборъ классической и совѣтской литературы.

Газета „ЗА РОССІЮ"

Органъ Національнаго Союза Новаго поколѣнія

Принимается подписка на 1934 г.
Подписная плата на 1 годъ—10 франц. фр.
„ „ „ 6 мѣс.— 5 „ „
съ пересылкой.

Адресъ редакціи: Ул. Аспарухъ 30
Софія Болгарія

Подписка также принимается на мѣстахъ, въ Ліонѣ: B. Prianichnikoff, 59 B-d des Broffeant.

КООПЕРАТОРЫ!

Если вы озабочены помѣщеніемъ Вашей свободной наличности съ тѣмъ, чтобы одновременно, получая значительную пользу, имѣть полную и серьезную гарантію въ будущемъ, Вы безъ сомнѣнія поймете, что Вамъ слѣдуетъ довѣрить свои сбереженія

Кооперативному Банку Франціи
Banque des Cooperatives
DE FRANCE

Siège Social à Paris, 31, rue de Provence.

AGENCE REGIONALE: 65. Avenue Jean Jaurès, LYON Tel.: Parmantier 17.88 ☒ R. C. 6426 ☒ Cheques post. 3.87 Lyon

Единственное Кредитное Учрежденіе, спеціально созданное кооператорами Франціи въ цѣляхъ содѣйствія кооперативнымъ обществамъ, защиты ихъ интересовъ и развитія кооперація во Франціи.

Производимъ всякія банковскія операціи. Вклады до востребованія. Вклады на срокъ. Текущіе счета. Храненіе цѣнныхъ бумагъ. Провѣрка тиражей. Оплата всякихъ купоновъ. Всевозможныя биржевыя операціи. Размѣнъ, регумеризація цѣнныхъ бумагъ. Подписка на займы.

РАЗМѢРЫ ПРОЦЕНТОВЪ:

Вклады до востребованія	3,25 %
„ на срок 1 годъ.	4,75 „
„ „ „ 2 года	5 „
„ „ „ 5 лѣтъ.	5,25 „
По текущему счету	2,75 „

Денежн. переводы въ Россію черезъ Торгсин
Стоимость переводовъ: 10 фр. за кажд. переводъ
Продажа билет. НАЦІОНАЛЬНОЙ ЛОТЕРЕИ
Крупные выигрыши.

ОТДАЮТСЯ НА ПРОКАТЪ

съ возможностью выкупа

PIANOS & HARMONIUMS

R. C. B. 8559. Ch. P. Lyon 60-54

M. BOUDON

S.R.L. au capital de 145.000 Fr.

1. Cours Lafayette — Lyon
(à l'entresol)

C. BOUDON, Directeur-Gerant.

ПРОДАЖА,

НАСТРОЙКА,

ПОЧИНКА,

ОБМѢНЪ.

Tel. L. 62-58.

Принимается подписка на 1934-й годъ

НА 2-хъ НЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

Органъ Союза Младороссовъ

во Франціи

„МЛАДОРОССКАЯ ИСКРА"

„ETINCELLE RUSSE",
6 rue St. Lambert. Paris 15e.

Цѣна № во Франціи 50 сант.

Подписная цѣна: 6 мѣс.— 5 фр. (12 №№)
1 год.—10 фр. (24 №№)
За-границей: 6 мѣс.—0.50 ам. долл.
1 годъ—1.00 „ „
Въ Германіи, Австріи и Венгріи:
6 мѣс.—2 герм. марки
1 годъ—4 „ „
Продажа въ ЛІОНѢ: у Вас. Ст. Плаксина
146, Cours Tolstoi, LYON-Villeurbanne
и в книжн. маг. „La Culture", 70 rue Rabelais, Lyon.

ЛОТЕРЕЯ

Е. И. В. Великой Княгини **Елены Владиміровны**

Распоряженіемъ Мин. Фин. отъ 15 мая с. г.
РАЗРѢШЕНА
ЛОТЕРЕЯ въ пользу Русскаго Дѣтскаго Пріюта въ С.-Жерменѣ и Дома для престарѣлыхъ на Югѣ Франціи
находящагося подъ покровительствомъ
Е. И. В. Великой Княгини
Елены Владиміровны.

ГЛАВНЫЕ ВЫИГРЫШИ:

Брилліантъ отъ Картье, стоимостью въ 35.000 франк.
(По желанію выигравшаго можетъ быть обмѣненъ на деньги).

Автомобили и болѣе 1000 предметовъ,
пожертвованныхъ лучшими магазинами Парижа.

Билеты по 2 франка.

Въ ЛІОНѢ билеты продаются: въ Русскихъ ресторанахъ, книжномъ магазинѣ „Культура", писчебумажномъ магазинѣ, 47 rue de Bonnel, и въ другихъ мѣстахъ. О днѣ и мѣстѣ тиража будетъ объявлено особо такъ же, какъ и номера выигравшихъ билетовъ будутъ опубликованы.

Дѣтская Четверговая Школа

ВЪ ЛІОНѢ

для дѣвочекъ и мальчиковъ
отъ 5 до 15 лѣтъ

при „Младоросскомъ Домѣ",
146, Cours Tolstoi, во дворѣ

производятся занятія, подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ, по Закону Божьему, Русскому Языку, Исторіи и Географіи Россіи, музыкѣ, пѣнію и иностраннымъ языкамъ.

За справками обращаться

въ Младоросскій Домъ,

къ старшинѣ

Тип. Е. Котляревскаго. Вильно.